

ХУАН ГОМЕС - ХУРАДО

ЭМБЛЕМА ПРЕДАТЕЛЯ

Роман получил VII премию города Торревьехи

ПЕРЕВОД С ИСПАНСКОГО - ГРУППА „ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН“

Гибралтарский пролив, 1940 год. В эпицентре шторма капитан Гонсалес спасает группу потерпевших кораблекрушение немцев. Когда буря стихает, их предводитель дарит капитану значок из чистого золота. После разговора с ним Гонсалес не может забыть двух слов: предательство и спасение. Вокруг этого значка вращается полная приключений жизнь Пауля, молодого сироты, живущего с матерью и дядей, бароном фон Шрёдером. Тайна, скрывающаяся за странной смертью отца, сподвигла Пауля на опасное в послевоенном Мюнхене расследование. Даже его любовь к Алисе, бесстрашной еврейской девушке-фотографу, не может помешать непреодолимому желанию выяснить, что же на самом деле произошло с его отцом. Но Пауль не знает, что это расследование приведет к непредвиденным последствиям и навсегда изменит судьбу его окружения. В 2008 году роман получил VII премию города Торревьехи. Перевод с испанского — группа “Исторический роман“, 2015 год.

*Идут измена и убийство рядом,
Как пара дружных дьяволов в ярме.
Работа их бесхитростна, груба
И не исторгнет крика изумленья;
Но ты, рассудку вопреки, заставил
Убийству и предательству дивиться!
И хитрый дьявол, что тебя толкнул
На это безрассудное деянье,
Отличия добьется в преисподней. [\[1\]](#)*

Уильям Шекспир,
Генрих V, акт II, сцена 2

Гибралтарский пролив,

12 марта 1940 года

Когда волной его прижало к борту, капитан Гонсалес инстинктивно вцепился в дерево, ободрав руку сверху донизу. Несколько десятилетий спустя, став самым известным книготорговцем в Виго, при воспоминании о той ночи — самой ужасающей и необычной в его жизни — он каждый раз вздрагивал. Старый и седой, сидя в своем кресле, он вспоминал, как рот наполнился вкусом крови, соли и страха. Его уши вновь слышали гул одного из тех предательских штормов, что поднимаются за каких-нибудь двадцать минут, которых плавающие по проливу моряки и их вдовы научились бояться. А перед изумленными глазами Гонсалеса стояло то, что просто не могло там находиться.

Увидев это, капитан Гонсалес позабыл, что двигатель работает на пределе, а команда состоит лишь из семи человек вместо положенных одиннадцати, что он — единственный из них, кто за полгода ни разу не страдал от морской болезни. Он позабыл о том, как хотел избить их до полусмерти за то, что даже не пошевелились, когда началась болтанка.

Он ухватился за иллюминатор, чтобы развернуться в сторону капитанского мостика, а потом ворвался внутрь вместе с потоком воды и ветром, от которых штурман содрогнулся.

— Рока, прочь от штурвала, — отпихнул он штурмана. — От вас нет никакого толка.

— Капитан, я... Решил вас не беспокоить, по крайней мере, пока канонерка не начнет тонуть, сеньор.

Голос его дрожал.

А именно это и происходит, подумал капитан, покачив головой. Большая часть его команды состояла из сбежавших от войны мужчин, покинувших свою разоренную страну. Он не мог их винить в том, что не предугадали шторм, как никто не стал бы обвинять его, если бы он просто развернулся, чтобы спасти корабль. Самым разумным было бы не обращать внимания на то, что он только что заметил. Потому что всё остальное было бы чистым самоубийством. Лишь полный кретин мог на это пойти.

"А я и есть кретин", — подумал Гонсалес.

Штурман вытаращил глаза, когда увидел, как капитан совершает маневр, поставив корабль почти бортом к волне. Канонерка "Надежда" была построена в конце прошлого века, ее корпус, сделанный наполовину из дерева, а наполовину из стали, чудовищно закрипел.

— Капитан! — закричал штурман. — Что вы делаете, черт побери? Мы сейчас перевернемся!

— Посмотрите налево, Рока, — ответил капитан. Он тоже был до смерти напуган, но не мог упустить ни единой возможности.

Штурман подчинился, решив при этом, что капитан совершенно выжил из ума.

Впрочем, через несколько секунд капитан уже и сам не был уверен, что не потерял

разум.

Менее чем в тридцати морских саженях между двух валов переваливалась шлюпка, ее киль задрался под невыносимым углом. Похоже, она должна была вот-вот перевернуться, лишь каким-то чудом этого до сих пор не произошло. Небо прорезала молния, и внезапно штурман понял, почему капитан поставил на кон восемь жизней, имея на руках столь плохие карты.

— Там люди, сеньор!

— Вижу, Рока. Сообщите Кастильо и Паскуалю, чтобы бросили помпы и поднялись на палубу с двумя канатами. И пусть вцепятся в планшир, как шлюха в кошелек.

— Есть, капитан.

— Нет, подождите, — сказал капитан, хватая его за руку, прежде чем тот покинул капитанский мостик.

Он колебался. Невозможно одновременно руководить спасательной операцией и держать штурвал. Если нос встанет перпендикулярно волне, с ними будет покончено. Но если он не спустится, кто-нибудь из его ребят точно окажется за бортом.

Бах! И прямо в ад.

— Ладно, Рока. Я сам этим займусь. Возьмите штурвал и держите курс.

— Мы долго не продержимся, капитан.

— Как поднимем этих бедолаг, встаньте на волну, а потом право руля изо всех сил. И молитесь!

Матросы поднялись на палубу, стиснув зубы и напрягая все мышцы, тщетно пытаясь придать лицам решительное выражение, но тела сковал страх. Капитан встал между ними, собираясь дирижировать этим опасным танцем.

— По моему сигналу бросайте крюки. Давайте!

Стальные зубья впились в борта шлюпки, канаты натянулись.

— Тащите!

Капитану показалось, что он слышит крики с приближающейся шлюпки и видит внутри вздымающиеся руки.

— Цепляйте её, но слишком не сближайтесь, — он наклонился и взял багор в два раза длиннее собственного роста. — Если они столкнутся с нами, мы их раздавим.

"А нас, скорее всего, поглотит вода", — подумал капитан, чувствуя, как с каждой новой опрокидывающейся на них волной палуба уходит из-под ног, а корпус всё сильнее скрипит.

Он зацепил багром край шлюпки. Длинный, увенчанный крюком шест удерживал лодку на определенном расстоянии. Гонсалес отдал матросам приказ закрепить канаты на кнехтах и спустить веревочный трап, а сам как мог удерживал багор, вцепившись в него с такой силой, что мог бы раскрошить череп.

Новый разряд молнии полностью осветил шлюпку. Капитан Гонсалес заметил, что на борту четверо. И наконец понял, почему в этой похожей на суповую тарелку лодчонке, которую болтает по волнам, еще находятся люди.

Вот ведь безумцы. Они привязаны.

Закутанная в темный непромокаемый плащ фигура склонилась над остальными, яростно размахивая ножом и пытаясь перерезать веревки, которыми они были привязаны к шлюпке. Отрезанные концы канатов болтались, как на марионетках.

— Поднимайтесь! Быстрее, пока она не утонула!

Находящиеся в лодке люди прильнули к борту, их вытянутые руки едва доставали до

трапа. Мужчина с ножом смог за него ухватиться и предоставил остальным подняться первыми. Матросы помогли им забраться на корабль. Наконец, в шлюпке остался только человек с ножом. Он как мог уцепился за трап, но как только встал на борт лодки, чтобы прыгнуть, багор соскользнул. Капитан попытался вернуть его на место, но очень высокая волна подняла киль шлюпки и бросила ее в борт "Надежды".

Раздался треск и вопль.

Капитан в ужасе выпустил багор. Шлюпка врезалась прямо в ногу человека с ножом. Теперь он держался за трап только одной рукой, прижавшись спиной к корпусу корабля. Шлюпку отнесло, но в считанные секунды волны могли снова бросить ее о борт корабля и ударить утопающего.

— Канаты! — заорал капитан матросам. — Перережьте их, Бога ради!

Один из матросов, находящийся ближе к борту, вынул из-за пояса нож и начал обрезать веревки. Второй пытался отвести спасенных к люку в грузовой отсек, пока очередной удар волны не отбросил их назад.

Капитан со страхом пошарил под планширом, где уже десяток лет хранился ржавый топор.

— Отойдите, Паскуаль!

Из-под топора посыпались голубоватые искры, но его удары почти не были слышны в нарастающем гуле шторма. Сначала ничего не произошло.

А потом они почувствовали удар.

Палуба содрогнулась под ногами, когда шлюпка, освободившись от удерживающих ее веревок, приподнялась и разбилась в щепки о нос "Надежды". Капитан перегнулся за борт, в уверенности, что найдет лишь болтающийся там конец трапа. Но он ошибался.

Потерпевший кораблекрушение по-прежнему был там, размахивая левой рукой в попытке снова ухватиться обеими руками за перекладину трапа. Капитан протянул ему руку, но между кончиками его пальцев и отчаявшимся человеком, который вот-вот сорвется, оставалось метра два.

Он мог сделать только одно.

Он перекинул ногу через борт и схватился за трап изодранной рукой, бормоча странную смесь молитв и проклятий в адрес того бога, который намеревался их утопить. На мгновение он опасно покачнулся, но матрос Паскуаль вовремя его подхватил. Капитан спустился на три перекладины — как раз достаточно, чтобы уцепиться за протянутые руки Паскуаля, если потеряет равновесие. Дальше он спускаться не осмелился.

— Хватайтесь за мою руку!

Утопающий попытался развернуться, чтобы достать до руки, но не сумел. Один его палец соскользнул с перекладины трапа.

Капитан позабыл про молитвы и сконцентрировался на проклятиях. Хотя и полушепотом. В конце концов, он был не настолько психом, чтобы искушать Господа, да еще в подобное мгновение. Однако он был достаточно безумен, чтобы спуститься еще на одну перекладину и схватить несчастного за ворот плаща.

Несколько секунд, показавшихся вечностью, их обоих удерживали на трапе лишь девять пальцев, один сапог с изношенной подметкой и огромная сила воли.

А потом утопающий смог развернуться и уцепиться за капитана. Он подтянул ноги к перекладине, и оба начали подъем.

Шесть минут спустя, согнувшись в трюме над лужицей своей рвоты, капитан едва мог

задуматься, как же им обоим повезло, и пытался успокоиться. Он до сих пор не мог понять, как никчемный Рока сумел удержать корабль во время шторма, но волны уже хлестали по корпусу с меньшей силой, "Надежда" явно сможет выбраться.

Матросы уставились на него, встав полукругом, на их лицах было написано напряжение и возбуждение. Один передал полотенце. Гонсалес жестом отказался.

— Уберите эту дрянь, — сказал он, показывая на пол и поднимаясь на ноги.

В самом темном углу трюма сгрудились спасенные, с которых стекала вода. В мигающем свете единственной освещающей отсек лампочки едва можно было различить их лица.

Гонсалес сделал три шага в их направлении.

Один выступил вперед и протянул руку.

— Danke schön [\[2\]](#).

Как и остальные, он был с ног до головы закутан в черный дождевик с капюшоном, отличаясь от своих товарищей лишь одной деталью: ремнем на поясе, а на нем блестел нож с красной ручкой, которым он резал веревки.

Капитан не сдержался.

— Вот чертов сукин сын! Мы все могли погибнуть!

Он отвел руку назад и обрушил кулак на голову спасенному, сбив того с ног. Капюшон слетел, и под ним показались белокурые волосы и гордое лицо. Голубой глаз взирал с холодком.

На месте второго была лишь пустота со складками кожи.

Спасенный поднялся и снова натянул на глаз повязку, которая, видимо, сползла от затрешины. Затем он поднес руку к ножу. Два матроса шагнули вперед, побоявшись, что он кинется на капитана, но блондин лишь вытащил нож кончиками пальцев и бросил на пол, а потом снова протянул руку.

— Danke schön.

Капитан, в свою очередь, широко улыбнулся. У этого проклятого фрица стальные яйца. Он покачал головой и пожал руку.

— Откуда вы, черт возьми?

Тот пожал плечами. Он явно не знал ни слова по-испански. Гонсалес медленно его изучал. Ему было между тридцатью пятью и сорока годами, а под плащом виднелась темная одежда и грубые сапоги.

Капитан шагнул в сторону спутников одноглазого, желая знать, ради кого рискнул своим кораблем и командой, но блондин раскинул руки и слегка сдвинулся в сторону, встав на его пути. Стоял он твердо, по крайней мере, пытался. Ему явно с трудом удавалось держаться на ногах, а лицо выражало мольбу.

"Не хочется ставить под удар свой авторитет в глазах команды, но я не собираюсь терпеть, чтобы он не давал мне приблизиться к своим загадочным друзьям. Ну ладно, как скажешь, говнюк. С вами всё равно разберутся в комендатуре", — подумал Гонсалес.

— Паскуаль!

— Да, сеньор?

— Сообщите штурману, чтобы брал курс на Кадис.

— Есть, капитан, — ответил матрос, исчезая в люке. Капитан намеревался последовать за ним в капитанскую рубку, когда его задержал голос немца.

— Nein. Bitte. Nicht Cadis. [\[3\]](#)

При упоминании этого города лицо немца полностью переменялось.

И чего же ты так до смерти боишься, фриц?

— Komm. Komm. Bitte, — произнес немец, жестом попросив приблизиться. Капитан наклонился к нему, и тот прошептал на ухо: — Nur nicht Cadis. Nach Portugal. Bitte, Kapitän ^[4].

Гонсалес немного отодвинулся от немца и с минуту пристально его разглядывал. Он был уверен, что больше не сможет из него ничего вытащить, поскольку его знания немецкого ограничивались "да, нет, спасибо и пожалуйста". В очередной раз перед ним встала дилемма — самое простое решение было и самым нежелательным. Он снова решил, что уже сделал достаточно, когда спас им жизнь.

Что ты скрываешь, фриц? Кто твои дружки? Почему четверо граждан самой могущественной страны с самой большой армией в мире пересекают Гибралтарский пролив в шлюпке? Ты что, собирался добраться в этом корыте до Гибралтара? Нет, не думаю, там полно англичан, ваших врагов. И почему не хочешь в Испанию? С нашим-то славным генералиссимусом мы скоро пересечем Пиренеи, чтобы протянуть вам руку, убивая лягушатников, причем не иначе как камнями. Это же кровь от плоти вашего фюрера... Конечно, если только вы сами этого не сделаете.

Будь ты проклят.

— Приглядывайте за этими людьми, — обратился он к команде. — Отеро, обеспечьте их одеялами и принесите что-нибудь теплое пожевать.

Капитан вернулся на капитанский мостик, где Рока брал курс на Кадис, пытаясь скрыться от шторма, который по-прежнему завывал над Средиземным морем.

— Капитан, — сказал штурман. — Позвольте выразить вам свое восхищение за...

— Хорошо, Рока. Большое спасибо. Кофе есть?

Рока принес ему дымящуюся чашку, и капитан сел и вдохнул аромат. Он снял дождевик и свитер, который тоже промок. К счастью, в рубке было не холодно.

— Планы поменялись, Рока. Один из фрицев, которых мы подобрали, мне кое-что нашептал. Похоже, в устье Гвадианы работает банда контрабандистов. Мы пойдем в Аямонте, посмотрим, так ли это.

— Как прикажете, капитан, — ответил штурман, немного раздраженный тем, что придется ложиться на новый курс. Гонсалес с тревогой смотрел в затылок парня. С некоторыми он не мог говорить об определенных вещах, а теперь спрашивал себя, не стукач ли Рока. То, что он собирался сделать, было незаконно. За это их могли бы отправить в тюрьму, или еще чего похуже. Но без помощника он с кораблем не справится.

Между двумя глотками кофе он решил, что может довериться Роке. Пару лет назад его отца убили националисты, когда брали Барселону.

— Ты бывал в Аямонте, Рока?

— Нет, сеньор, — не оборачиваясь, ответил молодой человек.

— Это прекрасное место, в трех милях вверх по Гвадиане. Там хорошее вино, а в апреле пахнет цветущими апельсинами. На другом берегу реки начинается Португалия.

Он снова глотнул из чашки.

— Как говорят, можно камень добросить.

Рока удивленно повернулся, и капитан одарил его усталой улыбкой.

Пятнадцать часов спустя палуба "Надежды" опустела. Из кают-компания, где моряки наслаждались ранним ужином, доносился смех. Капитан обещал им, что после ужина они бросят якорь в порту Аямонте, и многие уже чувствовали под ногами опилки на полу таверн.

Предполагалось, что капитан лично будет нести вахту на мостике, а Рока охранял четырех спасенных.

— Вы уверены, что это необходимо, сеньор? — не мог сдержаться штурман.

— Будет всего лишь пустяковый синяк. Не трусь, парень. Это должно выглядеть по-настоящему. Не вставай некоторое время.

Он услышал глухой удар, и из ведущего вниз люка высунулась голова. А за ней и потерпевшие кораблекрушение. Начало смеркаться.

Капитан и человек с ножом спустились к спасательной шлюпке у левого борта — подальше от кают-компаний. Спасенные устроились в ней, дожидаясь одноглазого с ножом, который снова накрыл голову капюшоном.

— Двести метров по прямой, — сказал ему капитан, махнув в сторону Португалии. — Оставьте лодку на пляже, она мне понадобится. Я потом ее заберу.

Немец снова пожал плечами.

— Да знаю я, что ты ни хрена не понимаешь. Вот, возьми, — сказал Гонсалес, возвращая ему нож.

Тот левой рукой засунул его за пояс, а правой пошарил под плащом, вытащил оттуда какой-то небольшой предмет и вложил его в руку капитана.

— Verrat, — произнес он, ткнув себя в грудь указательным пальцем. — Rettung, — теперь он ткнул пальцем в испанца.

Гонсалес внимательно изучил подарок. Это было нечто вроде медали, очень тяжелой. Он поднес ее к висящему в рубке фонарю, и она засияла характерным блеском.

Предмет был сделан из чистого золота.

— Слушай, я не могу принять...

Но он говорил в пустоту. Шлюпка уже удалялась, и ни один из ее пассажиров не оглянулся.

До конца своих дней бывший капитан испанского флота Мануэль Гонсалес Перейра посвящал каждую свободную от работы в книжном магазине минуту изучению этой золотой эмблемы, со всё возрастающим интересом. Она состояла из двуглавого орла на стальном кресте. Орел держал меч, над его головой была начертана цифра 32, а в груди инкрустирован огромный бриллиант.

Гонсалес узнал, что это масонский символ высокой ступени, но все эксперты, с которыми он разговаривал, сказали, что это наверняка фальшивка, в особенности из-за использования золота. Немецкие масоны никогда не применяли благородные металлы в эмблемах Великих Мастеров. Характер огранки бриллианта — насколько смог его оценить ювелир, не вынимая камень — позволял датировать ее между концом XIX и началом XX века.

Долгими бессонными ночами книготорговец размышлял о том разговоре на палубе с Загадочным Одноглазым, как его ласково окрестил младший сын Гонсалеса Хуан-Карлос.

Мальчик никогда не уставал слушать эту историю и выдумывал самые невероятные версии относительно личности спасенных. Но в особенности в него вселяли энтузиазм последние слова. В немецком словаре он нашел их значение, и медленно повторял, словно так понимал лучше.

— Verrat — предательство. Rettung — спасение.

Книготорговец умер, так и не разгадав загадку, скрывавшуюся за эмблемой. Его сын Хуан-Карлос унаследовал этот предмет, а также книжный магазин. Однажды в сентябре

2002 года в магазин зашел старый и малоизвестный писатель, чтобы представить свою последнюю книгу о масонстве. На презентацию никто не пришел, и чтобы убить время и немного смягчить дискомфорт гостя, Хуан-Карлос решил показать ему фотографию эмблемы. Увидев ее, писатель изменился в лице.

— Откуда у вас это фото?

— Это старый значок, принадлежавший моему отцу.

— Он до сих пор у вас?

— Да. По треугольнику с номером 32 мы пришли к выводу, что это...

— Масонский символ. Наверняка подделка, судя по форме креста и по бриллианту. Вы его оценивали?

— Да. Стоимость материалов — около трех тысяч евро. Не знаю, есть ли какая-нибудь историческая ценность.

Писатель несколько секунд смотрел на фото, прежде чем ответить. Его нижняя губа дрожала.

— Нет-нет. Определенно нет. Разве что как диковинка... но сомневаюсь в этом. Хотя я хотел бы его купить. Ну знаете, для моих исследований. Я вам дам четыре тысячи евро.

Хаун-Карлос вежливо отклонил предложение, и писатель обиженно удалился. Он начал приходить в магазин ежедневно, хотя даже не жил в городе. Притворяясь, что копается в книгах, на самом деле он подглядывал за Хуаном-Карлосом поверх своих очков в толстой оправе. Книготорговец стал чувствовать за собой слежку. Однажды зимним вечером, когда он возвращался домой, ему показалось, что он слышит шаги за спиной. Спрятавшись за углом, он стал ждать. Через несколько мгновений появился писатель — скользящая тень, дрожащая в поношенном пальто. Хуан-Карлос вышел из укрытия и прижал его к стене.

— Это должно прекратиться, ясно вам?

Старик зарыдал и рухнул наземь, что-то бормоча и хватаясь за коленки Хуана-Карлоса.

— Вы не понимаете. Я должен им обладать.

Хуан-Карлос смягчился. Он проводил старика до ближайшего бара и поставил перед ним бокал с бренди.

— А теперь выкладывайте правду. Он очень ценный, так ведь?

Писатель помолчал, прежде чем ответить, изучающе глядя на книготорговца, который был на тридцать лет моложе и на пятнадцать сантиметров выше. Наконец, он решил, что игра проиграна.

— Он бесценен. Хотя мне он нужна не поэтому, — заявил он с презрительной гримасой.

— Тогда зачем?

— Ради славы. Славы открытия. Он послужит основой для моей следующей книги.

— Значок — основа для книги?

— Его хозяин. За годы исследований я смог воссоздать его жизнь, копаясь во фрагментах дневников, архивах, частных библиотеках... во всяких клоаках истории. Во всём мире о нем знает лишь десяток человек, не слишком общительных. Все они — масоны, Великие Мастера, и ни у одного нет всех фрагментов, только у меня. Хотя никто мне не поверит, если я об этом расскажу.

— Попробуйте рассказать мне.

— Только если вы мне кое-что пообещаете. Что позволите мне его увидеть. Всего разок.

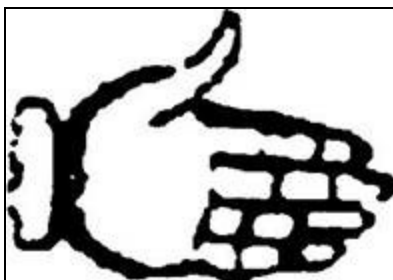
Хуан-Карлос вздохнул.

— Ладно. Но при условии, что ваш рассказ покажется мне интересным.

Старик наклонился через стол и начал нашептывать книготорговцу тайную историю, которая до сих пор переходила из уст в уста, и те, кто ее знал, поклялись никогда о ней не рассказывать. Историю о лжи, о запретной любви, о забытом герое и убийстве тысяч невинных руками одного человека. Историю эмблемы предателя...

Непосвященный

1919 — 1921

Где понимание не выходит за пределы личного

Символ непосвященного — это протянутая открытая ладонь, она одинока, но способна уцепиться за знания.

На ступенях особняка Шрёдеров была кровь.

Увидев ее, Пауль Райнер вздрогнул. Конечно, он не впервые в жизни видел кровь. С начала апреля по май 1919 года все обитатели Мюнхена пережили за эти тридцать дней столько кошмаров, сколько не ощущали за четыре года войны. В беспокойные месяцы между концом империи и провозглашением Веймарской республики несколько разных группировок пытались навязать свои интересы. Город захватили коммунисты и объявили Баварию советской республикой. Участились грабежи и убийства, когда Фрайкорпс ^[5] перерезали сообщение между Берлином и Мюнхеном. Повстанцы, осознавая, что времени у них мало, торопились расправиться с политическими врагами. Гражданских в основном казнили по ночам.

Так что Пауль уже видел кровь, но никогда перед дверью собственного дома. Крови было немного, как раз под косяком большой дубовой двери.

"Вот бы это Юрген брякнулся вниз головой и выбил себе все зубы, — подумал Пауль. — Может, тогда он оставит меня в покое хоть на несколько дней".

Он с грустью покачал головой. Вряд ли ему так повезет.

Ему было всего пятнадцать, но на сердце уже лежала горечь, как ленивые облака закрывают солнце в середине мая. Всего полчаса назад Пауль слонялся в кустах Энглишер Гартен, радуясь, что когда закончилась революция, он смог вернуться в школу, но не из-за уроков. Пауль всегда опережал сверстников, и даже профессора Вирта, который вызывал у него скуку. Пауль читал всё, что попадалось ему в руки, поглощая книги, как пьяница выпивку в день получки. В классе он лишь делал вид, что слушает, но всегда был первым.

Друзей у Пауля не было, как бы он ни старался с кем-то сблизиться. Несмотря на это, ему нравилось в школе, потому что там он проводил несколько часов без Юргена, который посещал академию, где полы не были покрыты линолеумом, а из парт не выламывали доски.

Он всегда возвращался домой, делая большой круг, чтобы зайти в Гартен — самый большой парк в Европе, и нынче днем он оказался почти пустынным, даже без вездесущих охранников в красных куртках, вечно покрикивающих на него каждый раз, когда он сходил с земляной дорожки. Пауль воспользовался этими обстоятельствами и снял поношенные ботинки. Ему нравилось ходить по траве босыми ногами, по пути он наклонился и рассеянно поднял одну из тысяч желтых листовок, которые самолеты Фрайкорпс разбрасывали над Мюнхеном на прошлой неделе, требуя безоговорочной капитуляции коммунистов. Он бросил их в урну. Он бы с удовольствием занялся уборкой всего парка, но сегодня был четверг, и он должен был натирать полы на четвертом этаже особняка, а эта задача займет всё время до ужина.

"Если бы там хотя бы не было его... — подумал Пауль. — В последний раз он запер меня в кладовке со швабрами и перевернул ведро грязной воды прямо на мрамор. Хорошо хоть мама услышала мои крики и вытащила до того, как вмешалась Брунхильда".

Пауль пытался вспомнить то время, когда его двоюродный брат не вел себя подобным образом. Несколько лет назад, когда они оба были маленькими и Эдуард привел их в Гартен за руку, Юрген ему улыбался. Это было мимолетное воспоминание, практически единственное приятное, когда дело касалось Юргена. Потом началась Великая война со

всеми своими оркестрами и парадными. Туда-то и отправился Эдуард, помахав им рукой и улыбаясь, пока грузовик, где он сидел, набирал скорость, а Пауль бежал рядом, мечтая маршировать впереди, вместе со старшим двоюродным братом, сидеть рядом с ним и блистать в таком же потрясающем мундире.

Для Пауля война состояла из новостей, которые он каждое утро читал на стене полицейского участка по пути в школу на протяжении четырех лет обучения, иногда продираясь сквозь клубок чьих-то ног, что не составляло ему труда, потому что он был тощим, как нож. Там он с удовольствием узнавал о продвижении войск кайзера, которые каждый день захватывали тысячи пленных, занимали города и расширяли границы империи. Позже в классе он рисовал карту Европы и развлекался тем, что пытался угадать, где состоится следующее большое сражение и будет ли в нем участвовать Эдуард. Вскоре, и как-то незаметно для всех, "победы" стали происходить всё ближе к дому, а военные почти постоянно объявляли, что "отошли на заранее подготовленные оборонительные позиции". Пока, наконец, однажды огромный плакат не провозгласил, что Германия проиграла войну. Под ним был список того, чем придется за это расплачиваться, и весьма длинный.

Читая этот список и плакат, Пауль чувствовал, что его надули и обвели вокруг пальца. Вскоре уже не осталось и следа от того одеяла фантазий, которым он прикрывался от участвовавших побоев Юргена. Славная война больше не дожидалась, пока Пауль повзрослеет и сможет встретиться с Эдуардом на фронте.

И конечно, никакая она была не славная.

Пауль несколько секунд смотрел на кровь у двери. Он отмел мысль о том, что снова началась революция. Мюнхен патрулировали отряды Фрайкорпс. Лужица явно выглядела свежей — микроскопическая аномалия на большой каменной лестнице, на каждой ступени которой могли бы улечься по паре мужчин.

Лучше поспешить. Если опоздаю, тетя Брунхильда меня убьет.

Он еще чуть-чуть поколебался между страхом перед неведомым и страхом перед тетей, и последний одержал верх. Пауль вытащил из кармана маленький ключ от двери для прислуги и вошел в особняк. Внутри всё вроде выглядело спокойным. Он дошел до лестницы, когда услышал из комнат хозяев напряженные голоса.

— Он выскользнул, когда мы поднимались, фрау. Не так-то легко его ухватить, а мы сами еле ноги передвигаем. Уже многие месяцы раны никак не затягиваются.

— Идиоты бестолковые. Меня не удивляет, что мы проиграли войну.

Пауль пересек прихожую, стараясь производить как можно меньше шума. Застывшее у двери пятнышко крови превратилось в широкую дорожку, ведущую в направлении самой большой гостиной особняка. Внутри тетя Брунхильда вместе с двумя солдатами склонилась над диваном. Она энергично терла руки, но когда осознала, что делает, быстро спрятала их в складках платья. Даже укрывшись за дверью, Пауль всё равно задрожал от страха, увидев тетю в таком состоянии. Ее веки превратились в тонкие серые полоски, губы, обычно не выдававшие возраста, негодуя скривились, а властный голос содрогался от ярости.

— Посмотрите, что вы сотворили с обивкой! Марис!

— Да, баронесса, — отозвалась горничная, выступив вперед, так что теперь она оказалась в поле зрения Пауля.

— Поищите покрывало, да побыстрее. Позовите садовника, нужно сжечь его одежду, она кишит вшами. И пусть кто-нибудь известит барона.

— А господина Юргена, баронесса?

— Нет! Только не его, ясно вам? Он вернулся из школы?

— Сегодня у него урок фехтования, госпожа баронесса.

— Он скоро будет здесь. Я хочу, чтобы этот кошмар убрали до его возвращения, — приказала Брунхильда. — Идите!

Горничная прошла мимо Пауля, шелестя юбками и фартуком, но тот не сдвинулся с места, потому что только что заметил в промежутке между солдатами лицо Эдуарда. Сердце заколотилось. Вот кого принесли солдаты, вот кто лежал на диване.

Боже ты мой! Это его кровь.

— Кто виновник?

— Снаряд из миномета, фрау.

— Это вы мне уже сказали. Я спрашиваю, почему мне принесли сына сейчас и в таком состоянии. Прошло шесть месяцев с тех пор, как закончилась война, а от него не было никаких известий! Вы знаете, кто его отец?

— Ага, барон, я уже это слышал. А Людвиг вот — каменщик, а я — продавец. Но снарядам плевать на титулы, фрау. И дорога из Турции была очень долгой. Вам еще повезло, что он вернулся, мой брат, к примеру, нет.

Лицо Брунхильды стало мертвенно-бледным.

— Убирайтесь, — тихо сказала она.

— Очень мило, фрау. Мы вернули вам сына, а вы выкидываете нас на улицу даже без кружки пива.

По лицу Брунхильды мелькнула тень угрызений совести, но она всё равно кипела от злости. Не в состоянии говорить, она подняла скрюченный палец и указала на дверь.

— Вот дерьмо дворянское, — выругался один из солдат, сплюнув на ковер.

Они развернулись, дернув головами и еле волоча ноги. В запавших глазах была усталость и досада, но никакого удивления. Пауль понял, что этих людей мало что может удивить. И когда оба солдата в мешковатых серых шинелях перестали заслонять ему обзор, Пауль наконец-то всё понял.

Эдуард, первенец барона фон Шрёдера, без сознания лежал на диване в странной позе. Его левая рука опиралась на подушки. В том месте, где должна была находиться правая, виднелся лишь кое-как зашитый рукав кителя. Вместо ног торчали два грязных обрубка, из одного сочилась кровь. Хирург отрезал их на разной высоте: левую ногу — над коленом, а другую — под ним.

Асимметричные увечья, подумал Пауль, почему-то странным образом вспомнив сегодняшний урок по истории искусства, когда профессор рассказывал о Венере Милосской. И вдруг понял, что плачет.

Услышав всхлипывания, Брунхильда подняла голову и быстро направилась к Паулю. Презрительный взгляд, с которым она всегда к нему обращалась, сменился ненавистью и стыдом. На мгновение Пауль подумал, что она его ударит, и отшатнулся, упав на спину и закрыв лицо руками. И услышал громкий удар.

Дверь гостиной захлопнулась.

В тот же день, неделей спустя после того, как правительство объявило Мюнхен безопасным и начало хоронить тысячу двести с лишним погибших коммунистов, домой вернулись и другие дети.

В отличие от возвращения Эдуарда фон Шрёдера, к их приезду все были готовы. Для Алисы и Манфреда Танненбаумов дорога домой началась в Македонии, штат Нью-Джерси, а оттуда до Гамбурга. Потом в поезде до Берлина, в роскошном купе первого класса, где их нашла телеграмма от отца с указанием остановиться в "Эспланаде" до получения новых известий. Для Манфреда это оказалось счастливейшим за десять лет его жизни событием, потому что в соседнем номере поселился Чарли Чаплин. Актер подарил мальчику свою знаменитую бамбуковую тросточку и даже проводил их с сестрой до такси в тот день, когда наконец-то пришла телеграмма от их отца, сообщающая, что теперь они вполне безопасно могут проделать оставшуюся часть путешествия.

Вот так 13 мая 1919 года, больше чем через пять лет после того, как отец отправил их в Соединенные Штаты, подальше от надвигающейся войны, дети самого влиятельного еврея-промышленника в Германии вышли на перрон номер три на станции Хауптбанхоф.

И с той самой минуты Алиса точно знала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

— Не суетитесь, Дорис, ладно? Бросьте это, я сама понесу, — произнесла она, вырывая шляпку из рук горничной, которую отец прислал, чтобы их встретить. Служанка пыталась водрузить шляпку на тележку. Алиса отогнала одного из носильщиков, слетевшихся вокруг, как мухи и пытавшихся помочь с чемоданами. Алиса их всех боялась. Она не выносила, когда ее пытаются контролировать, а самое ужасное — когда считают, что она не может что-то сделать самостоятельно.

— Наперегонки, Алиса! — крикнул Манфред, пускаясь бежать. Мальчика в отличие от сестры не терзали сомнения, он ограничился тем, что сжал в руке свою тросточку, с которой никогда не расставался.

— Ну погоди, головастик! — воскликнула Алиса и толкнула тележку. — Не отставай, Дорис.

— Фройляйн, ваш отец не одобрит, что вы тащите коробки. Будьте добры... — сказала горничная, тщетно пытаясь поспевать за девушкой и окидывая неодобрительными взглядами носильщиков, которые с озорством толкали друг друга локтями, показывая на Алису.

Именно в этом и заключалась главная сложность в отношениях Алисы с отцом: он распланировал каждую секунду ее жизни. Йозеф Танненбаум был человеком из плоти и крови, но мать Алисы всегда говорила, что у него, похоже, вместо органов — шестеренки.

— По твоему отцу можно сверять часы, дорогая, — шептала она дочери на ухо, и обе смеялись. Но тихо, потому что герр Танненбаум не любил шутки.

Когда в 1913 году грипп унес ее мать, Алиса горевала и не могла с этим примириться, пока четыре месяца спустя они с братом не отправились в Колумбус, штата Огайо. Они поселились у Бушей, епископальной семьи из верхушки среднего класса. Глава семьи, Сэмюэль, был генеральным директором сталелитейного предприятия "Баки Стил", с которым Йозеф Танненбаум заключал выгодные сделки. В 1914 Сэмюэля Буша назначили представителем правительства по вооружению и боеприпасам, и его отношения с отцом

Алисы приняли немного другую форму. А именно, в виде миллионов пуль, пересекающих Атлантику. Пока Америка еще занимала нейтральную позицию — в отправляющихся в западном направлении ящиках, а когда в 1917 году президент Вильсон решил распространить демократию на Европу — в патронташах солдат, плывущих на восток.

В 1918 Буш и Таннебаум обменялись любезными письмами, сожалея о том, что "из-за политических глупостей" им придется временно прекратить торговлю. Они возобновили ее пятнадцать месяцев спустя, одновременно с возвращением юных Танненбаумов в Германию.

В тот день, когда пришло письмо, что Йозеф призывает их обратно, Алисе захотелось умереть. Только пятнадцатилетняя девочка, тайно влюбленная в одного из сыновей Бушей и узнавшая, что должна покинуть его навеки, может так твердо быть уверена, что ее жизнь навсегда закончена.

"Прескотт, — рыдала она в своей каюте. — Если бы я хоть поговорила с ним еще немного... Если бы он обратил на меня чуть больше внимания, когда вернулся из Йеля на день рождения, вместо того, чтобы обращаться со мной как и с прочими девушками на вечеринке".

Вопреки своим ожиданиям, Алиса это пережила и поклялась на заплаканных подушках, что никогда не будет страдать из-за мужчины. С этого мгновения она сама будет принимать решения относительно своей жизни, кто бы что ни говорил. И тем более отец.

Она найдет работу. Нет, папа никогда этого не позволит. Лучше попросить его дать ей место на одной из его фабрик, только чтобы скопить достаточно для обратного билета в Америку. Когда она ступит на землю Огайо, то обнимет Прескотта за шею и будет держать, пока тот не попросит ее руки.

Вот так я поступлю, и никто меня не остановит.

Однако, когда мерседес остановился на Принцрегентплатц, решимость Алисы сдулась, как двухпенсовый воздушный шарик. Девушка тяжело дышала и едва обращала внимание, как брат нервно дергается на сиденье. Ей казалось невозможным везти с собой это решение целых четыре тысячи километров, с самой середины Атлантики, и расстаться с ним, когда остались последние четыре тысячи метров от станции до роскошного здания. Швейцар в ливрее открыл дверцу, и Алиса не успела опомниться, как уже поднималась на лифте.

— Как думаешь, Алиса, папа устроит праздник? Я просто умираю с голода!

— Ваш отец в последнее время очень занят, господин Манфред. Но я лично куплю вам пирожные с кремом, чтобы перекусить.

— Спасибо, Дорис, — пробормотала Алиса, когда лифт с металлическим скрежетом остановился.

— Так странно жить в квартире после дома в Колумбусе. Надеюсь, в моей комнате ничего не трогали, — сказал Манфред.

— Даже если и так, ты всё равно не вспомнишь, гномик, — заметила сестра, на мгновение позабыв о страхе встречи с отцом и ласково потрепав Манфреда по голове.

— Не называй меня гномиком. И я всё прекрасно помню.

— Прекрасно.

— Так я и сказал — прекрасно. На стенах там были нарисованы голубые корабли. А еще в ногах кровати сидел шимпанзе, который играл на цимбалах. Папа мне не разрешил взять его с собой, потому что сказал, что у герра Буша голова треснет. Я его найду! — крикнул он, бросившись между ног дворецкого, как только открылась дверь.

— Подождите, господин Манфред! — воскликнула горничная, но без толку. Мальчик

уже бежал по коридору.

Резиденция Танненбаумов занимала последний этаж, квартиру из девяти комнат и более трехсот квадратных метров площадью, что по сравнению с домом в Соединенных Штатах, где они жили с братом, было просто смешно, но для Алисы это было совершенно другое измерение. Когда они уехали в 1914 году, она была ненамного старше, чем теперь Манфред, и смотрела на всё вокруг именно с этой позиции, словно стала короче на тридцать сантиметров.

— ...фройляйн?

— Простите, Дорис. Что вы сказали?

— Господин примет вас у себя в кабинете. У него был посетитель, но думаю, что он уже ушел.

Кто-то приближался по коридору — высокий и крепко сложенный мужчина в элегантном черном сюртуке, которого Алиса не узнала. За ним шествовал герр Танненбаум. Когда они дошли до прихожей, человек в сюртуке остановился — так резко, что отец Алисы почти на него налетел — и в упор уставился на нее через монокль в золотой оправе.

— Ах, дочка! Как хорошо, что ты здесь, — сказал Танненбаум, с заговорщическим видом глядя на своего спутника. Господин барон, позвольте представить вам мою дочь Алису, которая только что прибыла вместе с братом из Америки. Алиса, это барон фон Шрёдер.

— Очень приятно, — холодно сказала Алиса. Она не сделала вежливого реверанса, что при встрече с представителем дворянского сословия было почти обязательным. Ей не понравилось высокомерие барона.

— Красивая девушка. Хотя боюсь, что она приобрела американские манеры.

Танненбаум возмущенно поглядел на дочь.

Девушка с жалостью отметила, что за эти пять лет отец почти не изменился. Приземистый, коротконогий, с зализанными назад волосами. А его поведение с другими было всё таким же властным и строгим.

— Не представляете, как я об этом сожалею. Ее мать умерла молодой, а у девочки не было возможности выйти в общество, ну вы понимаете. Если бы она снова могла контактировать со сверстниками, хорошо образованными...

Барон покорно вздохнул.

— Почему бы вам с дочерью не зайти к нам во вторник часам к шести? Мы отмечаем день рождения моего сына Юргена.

Судя по тому, как они с отцом переглянулись, у Алисы создалось впечатление, что всё это было подготовлено заранее.

— Конечно, ваша светлость. С вашей стороны так любезно нас пригласить. Позвольте проводить вас до двери.

— Как ты могла быть такой невнимательной, дочка?

— Мне жаль, папа.

Они сидели в его кабинете — хорошо освещенной комнате с полками на стене, их Танненбаум заполнил книгами, которые покупал метрами, выбирая по цвету обложек.

— Тебе жаль. Сожалениями дело не поправишь, Алиса. Хочу, чтобы ты знала, что я веду с бароном фон Шрёдером очень важные дела.

— Сталь и металлы? — спросила она, прибегнув к старому трюку матери — выказать интерес к бизнесу Йозефа во время очередной ссоры. Если он начинал говорить о деньгах, то это могло длиться часами, а потом он уже не вспоминал, что был зол. Но на сей раз не сработало.

— Нет, недвижимость. Недвижимость... и кое-что другое. В свое время узнаешь. В общем, я надеюсь, что ты наденешь на вечеринку красивое платье.

— Папа, я только что приехала и не особо хочу идти на вечеринку, где ни с кем не знакома.

— Не особо хочешь? Это вечеринка в доме барона фон Шрёдера, боже ты мой!

При этих словах Алиса подскочила. Правоверные евреи обычно не упоминают бога всеу. И тогда она вспомнила одну деталь, мимо которой прошла у входа. У двери не было мезузы [6]. Она удивленно посмотрела вокруг и увидела висящее на стене, рядом с портретом матери, распятие. Алиса просто онемела от удивления. Она была не особенно религиозна, находясь как раз на том последнем этапе взросления, когда существование божественного ставится под сомнение, но мать таковой была. Этот крест рядом с ее портретом казался невыносимым оскорблением.

Йозеф уловил направление ее взгляда и ради приличия на несколько секунд изобразил смущение.

— Такие нынче времена, Алиса. Трудно вести дела с христианами, если ты сам не из них.

— Так было и раньше, папа. И думаю, дела шли вполне неплохо, — сказала Алиса, показывая на окружающую обстановку.

— В твое отсутствие для нас всё усложнилось. А станет еще хуже, вот увидишь.

— Настолько, чтобы от всего отречься? Поменять религию ради... денег?

— Дело не в деньгах, нахальная девица! — заявил Танненбаум, отбросив смущенный тон и стукнув кулаком по столу. — Человек моего положения несет определенную ответственность. Знаешь, сколько рабочих на моем попечении? Неблагодарные идиоты, вступили в смехотворные коммунистические профсоюзы и думают, что Москва — это рай какой-то! Мне каждый день приходится выкручиваться, чтобы выплачивать им жалование, а они только и знают, что жалуются. Так что впредь даже не вздумай обвинять меня в том, что я делаю ради того, чтобы у вас была крыша над головой.

Алиса глубоко вздохнула и в очередной раз показала свой самый большой изъян: высказать свои мысли в самый неподходящий момент.

— В этом можешь быть спокоен, папа. Я собираюсь как можно скорее уехать. Хочу вернуться в Америку и устроить жизнь там.

При этих словах лицо Танненбаума стало алого цвета. Он поднес к носу Алисы толстый палец и яростно им затряс.

— Даже думать об этом забудь, ясно тебе? Ты пойдешь на вечеринку и будешь вести себя как воспитанная девушка, понятно? У меня есть на тебя планы, и никакие капризы избалованной девицы меня с пути не сбьют.

— Ненавижу тебя, — произнесла Алиса, уставившись на отца.

Тот не убрал палец.

— Это меня не волнует, пока будешь делать, что велено.

Со слезами на глазах девушка выбежала из кабинета.

Это мы еще посмотрим, о да, еще посмотрим.

— Ты спишь?

Илзе Райнер заворочалась на кровати.

— Теперь уже нет. Чего тебе, Пауль?

— Хочу узнать, что мы будем делать.

— Сейчас половина двенадцатого ночи. Почему бы тебе не поспать?

— Я говорю про будущее.

— Будущее, — повторила его мать, словно выплюнула это слово.

— Я хочу сказать, ведь ты же не обязана здесь работать, в доме тети Брунхильды, правда, мама?

— В будущем ты пойдешь в университет, который как раз находится за углом, и будешь возвращаться домой, поесть вкуснятины, которую я тебе приготовлю. А теперь спокойной ночи.

— Это не наш дом.

— Мы здесь живем, работаем и благодарим за это небеса.

— Как будто есть за что... — пробормотал Пауль.

— Я слышу тебя, молодой человек.

— Извини, мама.

— Что с тобой такое? Ты снова подрался с Юргеном? Поэтому сегодня вернулся весь мокрый?

— Это была не драка. Он с двумя друзьями охотился на меня в Энглишер Гартен.

— Они просто играли.

— Они бросили мои штаны в озеро, мама.

— Может, ты их чем-то разозлил?

Пауль засопел, но ничего не ответил. Это было типично для его матери. Когда у него возникали проблемы, она вечно пыталась обвинить его самого.

— Лучше спи, Пауль. Завтра будет большой день.

— Ах да, день рождения Юргена. Просто замечательно.

— Будут пирожные.

— Которые достанутся другим.

— Не понимаю, почему ты так на всё реагируешь.

Пауль подумал, что это просто неприлично, когда сотня человек веселится на вечеринке на первом этаже, а в это время Эдуард, которого ему даже не позволили повидать, томится в своей комнате на четвертом, но решил промолчать.

— Завтра будет много работы, — добавила в завершение Илзе, отворачиваясь.

Некоторое время мальчик смотрел на спину матери. Комнаты прислуги находились в глубине дома, в полуподвале. Пауля не особо беспокоило, что он живет здесь, а не в хозяйской зоне, потому что другого дома он в своей жизни не видел. С самого рождения он воспринимал это странное положение дел, когда Илзе мыла посуду своей сестры Брунхильды, как нечто само собой разумеющееся.

Через большое окно под потолком проступил тусклый прямоугольник света. Он нес в себе желтое эхо фонаря и смешивался с мерцанием свечи, которую Пауль всегда держал

зажженной у кровати, потому что до смерти боялся темноты. Райнеры обитали в одной из самых маленьких комнатук, где едва помещались две кровати, шкаф и стол, за которым Пауль готовил домашние задания.

Его подавляла эта скудость пространства. Как будто в доме мало имелось свободных комнат. С тех пор, как кончилась война, состояние барона значительно похудело, и это Пауль тоже воспринимал как должное, как смотрел на ржавеющие на поле остатки снаряда. Это было непреодолимое действие времени.

Карты, шептались слуги, качая головами, словно говорили о заразной и смертельной болезни, во всём виноваты карты. В детстве эти комментарии наводили на Пауля ужас, вплоть до того, что когда один из одноклассников принес в школу французскую колоду, которую нашел дома, Пауль стремглав выбежал из класса и спрятался в уборной. Через некоторое время он понял, что проблема его дяди не заразна, но всё равно ужасна.

Когда слугам стали задерживать жалование, они начали уходить. Сейчас из десяти комнат в крыле прислуги были заняты всего три: горничной, кухарки и та, где жили Пауль с матерью. Иногда мальчик не мог выспаться, потому что Илзе всегда поднималась за час до рассвета. Пока слуг было достаточно, она работала экономкой и присматривала за тем, чтобы всё находилось на своих местах. Когда же прислуги стало не хватать, ей пришлось взять на себя их работу.

Поначалу для Пауля эта жизнь с утомительными и скучными занятиями матери или с теми, которыми занимался он сам с тех пор, как себя помнил, казалась вполне обычной. В школе он разговаривал с приятелями обо всём этом, пока не стал достаточно взрослым, чтобы понять происходящее вокруг него, и насколько странно, что сестра баронессы спит вместе с прислугой.

Он то и дело слышал всё те же три слова в адрес своей семьи, когда проходил мимо парт или когда за его спиной захлопывалась дверь.

Сирота.

Прислуга.

Дезертир.

И это слово было худшим из всех, потому что относилось к его отцу. К человеку, которого он не знал, о ком мать никогда не говорила, а Пауль знал лишь его имя.

Ханс Райнер.

Вот так, сквозь слезы и из обрывков разговоров Пауль узнал, что отец совершил нечто ужасное:

(говорят, что там, в далеких африканских колониях),

он потерял всё

(лишился последней рубашки),

а его мать живет на подачки

(служанка в доме собственного зятя, самого что ни на есть барона, можете такое представить?)

тети Брунхильды. И похоже, то, что Илзе не получала за работу ни единой марки, тоже не делало ей чести. Или что во время войны ей пришлось трудиться на фабрике по производству пуль, "чтобы приносить хоть что-нибудь в дом". Фабрика находилась в Дахау, городке в шестнадцати километрах от Мюнхена, и матери едва хватало времени, чтобы встать за два часа до рассвета, распределить работы по дому и сесть на поезд, чтобы попасть на свою десятичасовую смену.

Как раз в тот день, когда она вернулась с фабрики с зеленоватыми от пыли пальцами и волосами, с мутными после целого дня вдыхания химикатов глазами, Пауль впервые спросил, почему они не найдут другое жилье. Место, где их не будут постоянно унижать.

— Ты не понимаешь, Пауль.

Она много раз повторяла этот ответ, всегда отводя в сторону глаза и выходя из комнаты или отворачиваясь к стенке, чтобы уснуть, как сделала несколько минут назад.

Пауль несколько секунд смотрел на спину матери. Казалось, она дышит ровно и глубоко, но мальчик знал, что это притворство, и спрашивал себя, какие призраки преследуют ее по ночам.

Он отвел взгляд и впериł его в потолок. Если бы взгляды имели вес, то квадратный метр штукатурки, находящийся над головой Пауля, просто рухнул бы. Именно на нем концентрировались все фантазии Пауля об отце в те ночи, когда он не мог уснуть. Он знал об отце лишь что тот был капитаном императорского флота и командовал фрегатом в Юго-Западной Африке [\[7\]](#). Он погиб, когда Паулю было два года, и на память о нем осталась только выцветшая фотография, на которой он стоял в военной форме, с темными глазами и большими усами, и гордо смотрел прямо в объектив.

Илзе каждую ночь клала фотографию под подушку, и больше всего мать Пауля расстроилась не в тот день, когда Юрген сбросил его с лестницы, сломав руку, а в тот, когда Пауль стащил фотографию и принес в школу, чтобы показать всем, кто за глаза называл его сиротой. Когда он вернулся домой, то увидел, что Илзе перевернула комнату вверх дном в поисках фотографии. Медленно вытащив ее из учебника по математике, мать влепила ему пощечину и зарыдала.

— Это единственное, что у меня осталось. Единственное.

Она, конечно же, его обняла. Но сначала забрала фотографию.

Мальчик представлял, каким был этот грозный мужчина. На сероватом потолке в свете фонаря он мысленно рисовал силуэт "Киля" — фрегата, который Ханс Райнер "потопил в Атлантике вместе со всей командой". Он выдумывал для этих семи слов сотни причин, потому что только это рассказала ему Илзе. Пираты, рифы, мятеж... как бы история ни начиналась, она всегда заканчивалась одинаково — Ханс сжимает штурвал и машет рукой на прощание, когда его поглощает океан.

Дойдя до этого места, Пауль всегда засыпал.

— По правде говоря, Отто, не могу больше выносить этого еврея. Посмотри на него, налопался кнедликов. На манишке ванильный соус.

— Брунхильда, пожалуйста, успокойся и сбавь тон. Ты же знаешь, насколько нам нужен Танненбаум. На этот праздник мы потратили всё до последнего пфеннинга. Кстати, это была твоя идея.

— Юрген заслуживает самого лучшего. Знаешь, как он растерялся с тех пор, как его брат вернулся... таким.

— Вот тогда и не жалуйся на еврея.

— Ты не знаешь, каково это — быть с ним гостеприимной хозяйкой, с его постоянными спорами, нелепыми комплиментами, как будто не он тут всем заправляет. А недавно он вообще имел наглость предложить, чтобы Юрген женился на его дочери, — сказала Брунхильда, ожидая возмущённой реакции мужа.

— Это могло бы решить все наши проблемы.

Эти слова смогли пробить маленькую брешь в гранитной улыбке Брунхильды, она с ужасом взглянула на барона.

Они стояли у входа в гостиную и вели напряженный разговор сквозь зубы, прерываясь лишь на то, чтобы поприветствовать гостей. Она собиралась ответить мужу, но пришлось снова надевать на лицо маску гостеприимства.

— Добрый вечер, фрау Гернгрос, фрау Загембиль! Как приятно, что вы пришли.

— Похоже, мы немного припозднились, дорогая Брунхильда.

— Мосты, ах, эти мосты.

— Да, движение кош-мар-но-е. Просто у-жас-но-е.

— Когда ты покинешь этот старый холодный особняк и переберёшься на восточный берег, дорогая?

Баронесса довольно улыбнулась этому проявлению зависти. Любой из многочисленных нуворишей, присутствующих на вечеринке, убил бы за ту власть и титул, которые олицетворял герб ее мужа.

— Прошу, угощайтесь пуншем, он просто восхитительный, — сказала Брунхильда, махнув рукой в сторону центра гостиной, где находился огромный стол, заставленный закусками и напитками и окруженный людьми. Над чашей с пуншем возвышалась высеченная из льда лошадь метровой величины, а в глубине помещения струнный квартет исполнял популярные баварские мелодии, вливаясь в общий гам.

Убедившись, что никто из вновь прибывших ее не слышит, баронесса повернулась к Отто и со сталью в голосе — такой тон мало кто из дам мюнхенского высшего общества посчитал бы приличным — произнесла:

— Ты устроил свадьбу нашего сына, ничего мне об этом не сказав, Отто? Ну так вот, это случится только через мой труп.

Барон даже не моргнул. За четверть века в браке он выучил, как реагирует супруга на посягательство на свою территорию. Но в этом случае ей придется заткнуться, потому что на кону стоит гораздо больше, чем ее дурацкая гордость.

— Брунхильда, дорогая, только не говори, что ты с самого начала не видела, куда

клонит еврей. Все эти нарочито элегантные костюмы и походы с нами в церковь по воскресеньям, и как он каждый раз делает вид, что не слышит, когда его называют "обращенным", как придвигается к нам поближе.

— Конечно, видела, я же не дура.

— Ну разумеется, баронесса. И можешь сложить два и два. У нас нет ничего. Банковские счета пусты.

С лица Брунхильды сошел румянец. Ей пришлось опереться на лепнину на стене, чтобы не упасть.

— Черт бы тебя побрал, Отто.

— Это твое новое и такое элегантное красное платье... Модистка потребовала оплату наличными. Город полнится слухами, а когда такое начинается, то не остановится, пока не превратится в бурный поток.

— Думаешь, я не знаю? Думаешь, не вижу, как на нас смотрят, как откусывают пирожные и переглядываются, словно поняли, что они куплены не в кондитерской Поппа? Я знаю, что шепчут друг другу эти старые сороки, настолько четко, как если бы они крикнули мне это в ухо, Отто. Но из-за этого позволить моему сыну, моему Юргену, жениться на этой грязной еврейке...

— У нас нет другого выбора. У нас остался лишь этот дом и земли, записанные на имя Эдуарда в день его рождения. Если я не добьюсь от Танненбаума займа, чтобы построить на этой земле фабрику, то с нами будет покончено. Однажды утром за мной явится полиция, и мне придется поступить как человеку благородному и вышибить себе мозги. А ты закончишь как сестра, будешь штопать кому-нибудь одежду. Ты этого хочешь?

Брунхильда оторвала руку от стены. Она воспользовалась паузой, вызванной прибытием новых гостей, чтобы собрать внутри достаточно ярости и бросить ее в лицо Отто разом, как камень.

— В эти неприятности нас втянул ты и твое пристрастие к игре, вот кто растратил семейное состояние. Исправь это Отто, как тринадцать лет назад ты уладил дело с Хансом.

При этих словах барон испуганно сделал шаг назад.

— Да как ты осмеливаешься снова упоминать это имя!

— А тогда именно ты на это осмелился. И что нам это дало? Мне приходится пятнадцать лет терпеть в доме сестру.

— Мы еще не нашли письмо. И мальчишка вырастет. Может быть, сейчас...

Брунхильда наклонилась к мужу. Отто был ее выше почти на голову, но всё равно рядом с ней казался низкорослым.

— Мое терпение не безгранично.

С элегантным жестом Брунхильда влилась в толпу гостей и оставила барона с ледяной улыбкой на губах, изо всех сил пытающегося не закричать.

С другой стороны шумной гостиной Юрген фон Шрёдер отставил свой третий бокал шампанского, чтобы открыть подарок от одного из друзей.

— Я не хотел класть его вместе с остальными, — сказал тот, показывая на стол за спиной, заваленный свертками в яркой бумаге. Этот подарок особенный.

— Что скажете, ребята? Сперва открыть подарок Крона?

Раздался хор полудюжины голосов окружающих его подростков в элегантных голубых куртках с вышитым золотом гербом академии Метцингена. Все были выходцами из известных немецких семей и все — гораздо менее привлекательные, чем Юрген, гораздо

ниже Юргена и смеялись над каждой его шуткой. Младший сын барона без сомнения обладал даром окружать себя людьми, которые выглядели как его тень, чтобы ходить перед ними павлином.

— Открой, но только если потом откроешь мой!

— И мой! — хором заголосили остальные.

"Они передерутся из-за того, чтобы я открыл их подарки, — подумал Юрген. — Они точно меня обожают".

— Ладно, не нервничайте, — произнес он, поднимая руки, что, по его мнению, изображало великодушие. — Мы немного нарушим традиции и сначала откроем ваши подарки, а потом выпьем с остальными гостями.

— Отличная мысль, Юрген!

— Ну ладно, и что это такое, Крон? — спросил Юрген, открывая коробку и поднося ее содержимое к глазам.

Юрген держал пальцами золотую цепочку, на которой висел странный значок, состоящий из двух черных симметричных полосок, чьи загнутые концы образовывали почти квадратную форму.

— Это свастика. Антисемитский символ. Отец говорит, что он теперь в моде.

— Он ошибается, дружище, — заявил Юрген, вешая цепочку на шею. — Вот теперь — да. Ставлю на то, что мы увидим здесь множество таких.

— Это точно!

— Давай, Юрген, открой мой. Хотя лучше не показывай его всем...

Юрген развернул сверток размером примерно с пачку табака и обнаружил там небольшой кожаный чехол с крышкой на шарнире. Он открыл его театральным жестом. Хор льстецов нервно захихикал при виде предмета, похожего на цилиндрический резиновый колпачок.

— Ну надо же... какой большой.

— Никогда такого не видел!

— Это интимный подарок, да, Юрген?

— Это что, предложение?

Молодой человек на несколько мгновений подумал, что потерял над ними контроль, что они вот-вот начнут над ним смеяться. Это несправедливо. Совершенно несправедливо, и я этого не позволю. Он отметил, как внутри вскипает гнев, и повернулся к тому, кто сделал последний комментарий. Он поставил правую ступню на левую ногу приятеля и перенес на нее вес. Тот побледнел, но стиснул зубы.

— Уверен, что ты хочешь извиниться за эту дурацкую шутку.

— Конечно, Юрген. Прости. Я и в мыслях не имел сомневаться в том, что ты мужчина. Аааа!

— Уверен в этом, — ответил тот, медленно убирая ногу. Хор подростков вокруг примолк, и гул вечеринки лишь подчеркивал эту тишину. — Ладно, вы же не думаете, что у меня нет чувства юмора. Вообще-то этот... предмет мне очень скоро пригодится, — сказал он, мотнув головой за пределы их кружка. Например, с ней.

Он указывал на худую брюнетку с мечтательным взглядом, которая держала чашку с пуншем, стоя с потерянным видом в толпе гостей.

— Сиськи маловаты, — пробормотал один из его дружков.

— Кто-нибудь хочет поспорить, что я ее распечатаю и вернусь к тому времени, как

начнут произносить тосты?

— Ставлю пятьдесят марок на Юргена, — поспешил сказать тот, кому только что наступили на ногу, в попытке подольститься.

— Буду считать, что они уже у меня в кармане, — произнес другой за его спиной.

— Ладно, ребята, ждите здесь и учитесь.

Юрген медленно сглотнул, позаботившись, чтобы никто этого не заметил. Он ненавидел разговаривать с девушками, потому что всегда чувствовал себя неуклюжим и приниженным. Хотя он был привлекателен внешне, но его единственная реальная встреча с представительницей противоположного пола состоялась в борделе квартала Швабинг, где он чувствовал скорее стыд, чем возбуждение. Туда отвел его отец несколько месяцев назад, одетым, как и он сам, в блеклое пальто и черную шляпу. Пока он занимался этим делом, отец ждал внизу, попивая коньяк. А когда закончил, похлопал его по спине и сказал, что теперь он стал мужчиной. Так началось и закончилось образование Юргена фон Шрёдера в отношении любви и женщин.

"Я покажу им, как ведет себя настоящий мужчина", — подумал молодой человек, чувствуя, как взгляды приятелей впились ему в затылок.

— Добрый день, фройляйн. Хорошо проводите время?

Девушка повернула голову, но не улыбнулась.

— Вообще-то не очень. Мы знакомы?

— Не вижу причин, почему бы вам не повеселиться. Меня зовут Юрген фон Шрёдер.

— Алиса Танненбаум, — ответила она, с готовностью протягивая руку.

— Хочешь потанцевать, Алиса?

— Нет.

Услышав резкий ответ девушки, Юрген вытаращил глаза.

— Ты знаешь, что я — хозяин этой вечеринки? Что сегодня мой день рождения?

— Поздравляю, — произнесла она с лукавой улыбкой. — Уверена, что в этой гостиной полно девушек, которые жаждут, чтобы ты повел их танцевать. Не хочу тебя больше задерживать.

— Но по крайней мере ты должна потанцевать со мной один танец.

— Да? С чего бы это?

— Так велят правила хорошего тона. Когда кавалер приглашает даму...

— Знаешь, что меня больше всего утомляет в господствующем классе, Юрген? Сколько всего вы считаете само собой разумеющимся. Ну так уясни себе: мир совсем не такой, как ты думаешь. Кстати, мне кажется, твои друзья пихают друг друга локтями и не сводят с нас глаз.

Юрген покосился на приятелей. Он не мог позволить себе потерпеть поражение, не мог позволить этой наглой девице себя унижить.

А это было трудновато, потому что она ему действительно нравилась. Наверное, из тех, кто полагает, что лучший способ отвергнуть мужчину — это свести его с ума. Ладно, я знаю, как обращаться с такими.

Юрген сделал шаг вперед, схватив девушку правой рукой за талию и взяв ее левую руку, и привлек к себе.

— Что, черт возьми, ты делаешь? — возмутилась она.

— Учю тебя танцевать.

— Если ты сейчас же меня не отпустишь, я закричу.

— Ты же не хочешь устроить сцену, правда, Алиса?

Девушка попыталась оттолкнуть Юргена, уперевшись руками ему в грудь, но не могла соперничать с ним в силе. Сын барона прижал ее еще ближе, ощущая через платье ее грудь и усиливающуюся эрекцию на уровне ее живота. Он начал двигаться в такт музыки, с улыбкой на губах, зная, что Алиса не закричит. Скандал на подобной вечеринке стал бы пятном на репутации девушки и ее семьи. Он видел, как ее глаза наполнились ледяной ненавистью, и внезапно ему показалось забавным играть с ней вот так, гораздо приятней, чем если бы она согласилась с ним потанцевать.

— Хотите выпить, фройляйн?

Юрген резко остановился. Рядом стоял Пауль, держа поднос с шампанским, губы его были плотно сжаты.

— Глядите-ка, мой кузен-подавальщик. Сгинь отсюда, придурок! — рявкнул Юрген.

— Хорошо, но сначала я хотел бы узнать, не желает ли фройляйн выпить, — сказал Пауль, слегка подталкивая поднос.

— Да, — поспешила ответить Алиса. — Шампанское выглядит превосходно.

Юрген прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться. Если он отпустит ее правую руку, чтобы она взяла с подноса бокал, то девушка отодвинется от него и сможет выскользнуть. Он слегка ослабил нажим на ее спину, позволив высвободить левую руку, но еще сильнее сжал правую. Кончики пальцев девушки стали влажными.

— Давай, Алиса, возьми бокал. Шампанское должно тебя развеселить, — произнес он с натужной улыбкой.

Алиса немного наклонилась к подносу. Она пыталась вырваться, но безуспешно. Ей не оставалось ничего другого, как взять шампанское левой рукой.

— Спасибо, — вяло сказала она.

— Может быть, фройляйн желает салфетку? — поинтересовался Пауль, поднимая другую руку с маленьким подносом. Он обошел пару и теперь находился с противоположной стороны.

— Это было бы замечательно, — ответила Алиса, пристально глядя на сына барона.

Несколько секунд никто не двигался с места. Юрген медленно обдумывал положение. С бокалом в левой руке, она могла взять салфетку только правой. В конце концов, кипя от ярости, он вынужден был сдаться. Юрген выпустил руку Алисы, та отошла от него на пару шагов и взяла салфетку.

— Думаю, я немного прогуляюсь и подышу свежим воздухом, — заявила девушка с чувством собственного достоинства.

Юрген с презрительным выражением лица развернулся и направился обратно к друзьям. Проходя мимо Пауля, он толкнул его плечом и прошептал:

— Ты заплатишься за это.

Каким-то образом Паулю удалось сохранить равновесие и не уронить поднос с бокалами, которые лишь звякнули. Другое дело — его внутреннее равновесие, которое сейчас походило на кошку, которую бросили в бочку с гвоздями.

Как я мог быть таким кретином?

В его жизни было лишь одно правило: держаться как можно дальше от Юргена. Его не так-то просто было соблюсти, учитывая, что они жили под одной крышей, но, по крайней мере, оно было простым. Он не мог ничего сделать, когда кузен решал превратить его жизнь в кошмар, но уж точно мог не попадаться ему на пути, и уж тем более не унижать его публично, как только что. Это ему дорого обойдется.

— Спасибо.

Пауль поднял глаза и на несколько секунд позабыл обо всём: о своем страхе перед Юргеном, про тяжелый поднос и боль в ногах после двух часов работы без остановок, чтобы всё приготовить к вечеринке. Всё это испарилось, потому что она ему улыбнулась.

Алиса была не из тех женщин, при первом же взгляде на которых у мужчин перехватывает дыхание. Но если посмотреть на нее во второй раз, то этот взгляд длился бы гораздо дольше. Достаточно было услышать ее голос, чтобы почувствовать притяжение. А если она обращалась к кому-то с такой улыбкой, как сейчас к Паулю...

Он не мог в нее не влюбиться.

— Ах... я ничего такого не сделал.

Всю свою дальнейшую жизнь Пауль нескончаемо проклинал те несколько мгновений, этот разговор и эту улыбку, которые причинили столько проблем. Но тогда он ничего этого не знал. Он знал лишь, что она ему искренне признательна, этому худенькому, съёжившемуся пареньку с голубыми умными глазами.

Конечно же, Алиса не изменила себе:

— Ты же не думаешь, что я не смогла бы от него избавиться самостоятельно?

— Конечно, конечно, — ответил Пауль, по-прежнему ошеломленный.

Алиса прищурилась, не ожидая такой легкой победы, и предпочла сменить тему.

— Это неподходящее место для разговора. Подожди минутку, а потом встретимся в гардеробной.

— С большим удовольствием, фройляйн.

Пауль сделал круг по гостиной, чтобы как можно быстрее опустошить поднос и получить предлог для того, чтобы смыться. С самого начала вечеринки он прислушивался к разговорам гостей, с удивлением заметив, что они совершенно не обращают внимания на его присутствие. Словно бы он был невидимкой. И потому его крайне удивило, что кто-то к нему обратился. Этот гость взял с подноса последний бокал, улыбнулся и сказал ему:

— Молодец, парень.

— Простите?

Это был человек средних лет, лопоухий, с седыми волосами и бородкой. Он оглядел его глубоким и странным взглядом.

— "Никогда еще рыцарь не спасал даму так галантно и находчиво". Это Кретьен де Труа. Прости, меня зовут Себастьян Келлер, я книготорговец.

— Приятно познакомиться.

Мужчина указал пальцем на дверь.

— Лучше поспеши. Она тебя уже ждет.

Удивленный Пауль засунул поднос под мышку и вышел из гостиной. Гардеробную устроили в прихожей, поставив там высокий стол и две огромные вешалки, на которых висела сотня пальто приглашенных. Девушка уже забрала свое из рук нанятой по случаю вечеринки гардеробщицы и ждала его у двери. Она не протянула руку, когда представилась.

— Я Алиса Танненбаум.

— Пауль Райнер.

— Это правда, что он твой кузен?

— К сожалению, да.

— Дело в том, что ты не похож...

— На кого? На племянника барона? — спросил Пауль, показывая на свой фартук

официанта. — Это последний писк парижской моды.

— Я о том, что ты не похож на него.

— Это потому что я не такой, как он.

— Рада это слышать. Я просто хотела еще раз тебя поблагодарить. Всего хорошего, Пауль Райнер.

— Конечно.

Она положила ладонь на ручку двери, но прежде чем ее открыть, быстро повернулась и поцеловала Пауля в щеку. А потом бегом спустилась с лестницы и исчезла. Несколько секунд он с тоской вглядывался в улицу, словно Алиса вот-вот снова появится. И наконец закрыл дверь, прислонился к ней лбом и вздохнул.

Сердце и живот наполнились странной тяжестью, словно какой-то зверь вернулся в берлогу, которая всегда ему принадлежала, но где он никогда не обитал. Он не знал, как называется это чувство, и в отсутствие более подходящего слова быстро решил, что это любовь, и ощутил себя счастливым.

— Что ж, похоже, странствующий рыцарь получил свою награду, да, ребята?

Услышав этот такой знакомый голос, Пауль немедленно развернулся.

И счастье сразу же сменилось страхом.

Их было шестеро.

Они образовали в прихожей широкий полукруг, загородив вход в гостиную. Юрген был среди них, но чуть впереди, как будто ему не терпелось поднять руку на Пауля.

— На этот раз ты зарвался, кузен. Мне не нравятся люди, которые не знают свое место.

Пауль ничего не ответил. Ему было прекрасно известно: что бы он ни сказал, конец всё равно будет один. Юрген терпеть не мог, когда его унижали. А сейчас его унизил при всех нищий растяпа-кузен, слуга, белая ворона, позор семьи. Этого он никак не мог стерпеть! Просто необходимо как следует проучить нахала. И чем заметнее будут следы побоев, тем лучше.

— Теперь у тебя надолго пропадет желание изображать странствующего рыцаря, говнюк.

Пауль в отчаянии огляделся по сторонам. Девушка из гардероба исчезла, несомненно, по приказу именинника. Друзья Юргена заняли центр прихожей, отрезали все пути к отступлению и не спеша приближались к нему. Если он повернётся и попробует открыть входную дверь, на него набросятся сзади и сразу же повалят на пол.

— А ты дрожишь, — нараспев произнес Юрген.

Пауль отбросил всякую мысль о коридоре, ведущем в комнаты для прислуги, поскольку знал, что это тупик, откуда нет выхода. Фактически, это была ловушка, куда его умышленно загоняли. Он никогда не бывал на охоте, однако наслушался достаточно баек, которые барон любил рассказывать гостям, повествуя, как ему достался тот или иной трофей, украшавший стены его кабинета. Разумеется, кузену только того и надо, чтобы он побежал в этот коридор, ведь там никто не услышит его криков.

А значит, оставался лишь один выход.

Не раздумывая ни секунды, он рванул им навстречу.

Юрген был настолько ошарашен, когда Пауль на полной скорости пролетел мимо него, что успел лишь повернуть голову, чтобы посмотреть ему вслед. Зато его приятель Крон, стоявший в нескольких метрах позади, оказался более сообразительным. Широко расставив ноги, он преградил Паулю дорогу, готовый ударить парнишку, который мчался прямо на него. Но прежде, чем он успел ударить его в лицо, Пауль бросился на пол и проскользнул у него между ног. При этом он ударился бедром, получив синяк, который будет заживать недели две, но зато как по маслу проехал через всю прихожую по мраморным полированным плитам пола до самого подножия лестницы, ведущей на верхние этажи.

— Чего вы ждете, идиоты? Держите его! — в ярости заорал Юрген.

Даже не оглянувшись, Пауль вскочил и бросился вверх по лестнице. Он даже не задумывался о том, что делает, просто бежал со всех ног, повинаясь инстинкту выживания. Натруженные за день ноги невыносимо болели. Посреди лестничного пролета он споткнулся и едва не упал, но каким-то чудом сумел удержать равновесие — как раз в тот миг, когда руки одного из приятелей Юргена уже тянулись к нему, чтобы схватить за ногу. Он мчался по лестнице, придерживаясь на поворотах за бронзовые перила, поднимаясь всё выше и выше, пока на последнем лестничном пролете, между третьим и четвертым этажами, носок его ботинка не соскользнул со ступеньки, и беглец растянулся во весь рост, чуть не выбив

зубы о край ступени.

Первый из преследователей настиг его, тяжело дыша, но в свою очередь споткнулся, когда почти схватил, так что смог только уцепиться за край фартука.

— Я поймал его! Скорее! — крикнул схвативший, другой рукой держась за перила, чтобы не потерять точку опоры.

Пауль попытался встать, но тот резко дернул его за фартук, и молодой человек упал на ступени, ударившись макушкой. Он вслепую пнул преследователя ногой, пытаясь высвободить из завязок фартука плечо и руку, но безуспешно. Несколько бесконечно долгих мгновений он сражался с узлом злосчастного фартука, слыша, как его настигают остальные мучители.

"Проклятье, ну что за черт меня дернул так крепко затянуть этот узел?!" — думал он в тщетных попытках освободиться.

Но тут его пальцы наконец-то справились с узлом, и фартук соскользнул на пол. Пауль снова бросился вверх по лестнице на четвертый, самый верхний этаж. Дальше бежать было некуда, поэтому он шмыгнул в первую попавшуюся дверь и запер ее изнутри на крючок.

— Куда он делся? — крикнул Юрген, добравшись до площадки между третьим и четвертым этажами, и тут увидел, как его приятель потрясает в воздухе фартуком Пауля, держась другой рукой за ушибленное колено. Он указал Юргену в сторону коридора, ведущего налево.

— Бежим! — крикнул Юрген остальным своим прихлебателям, остановившимся несколькими ступеньками ниже.

Однако никто из них почему-то не двинулся с места.

— Могу я узнать, какого дьявола вы...

И тут он внезапно замолчал, увидев, что с лестницы на него смотрит мать.

— Я весьма опечалена твоим поведением, Юрген, — произнесла она ледяным тоном. — Здесь собрался весь цвет Мюнхена, чтобы отпраздновать твое совершеннолетие, а ты в самый разгар торжества куда-то исчезаешь, да еще и носишься по лестницам со своими друзьями.

— Вообще-то...

— Достаточно. Я требую, чтобы вы все немедленно вернулись к гостям. Потом поговорим.

— Хорошо, мама, — нехотя ответил молодой человек. Уже второй раз за сегодняшний день его унижали на глазах у друзей, вынуждая исполнять чужие приказы. Стиснув зубы, он направился обратно в гостиную.

Ну ничего, потом у него будет достаточно времени, чтобы свести счеты. И ты дорого заплатишь за это, Пауль.

— Как же я рад снова тебя видеть!

Паулю, пытавшемуся успокоиться и восстановить дыхание, понадобилось несколько минут, чтобы понять, куда он попал. Он сидел на полу, прислонившись спиной к двери, в ужасе ожидая, что в любую секунду в нее начнет дубасить Юрген, пытаясь войти. Но услышав эти слова, он тут же вскочил на ноги.

— Эдуард!

Сам того не осознавая, он очутился в комнате старшего кузена, куда не входил уже многие месяцы. Всё выглядело так, как и до отъезда Эдуарда — аккуратно и спокойно, если не считать самого хозяина. На стене висели киноафиши, еще там была коллекция минералов Эдуарда и в особенности книги, повсюду книги. Пауль хорошо их знал, потому что большинство из них прочитал. Романы про шпионов, вестерны, фантастика, книги по философии и истории... Они стояли на полках, лежали на столе и даже на полу рядом с кроватью, где находился Эдуард. Ему приходилось класть ту книгу, которую он сейчас читал, на матрас, чтобы он мог переворачивать страницы единственной рукой. Под его спиной было несколько подушек, чтобы он мог устроиться с удобством, а на бледном лице блуждала грустная улыбка.

— Не надо жалеть меня, Пауль. Этого мне не вынести.

Пауль посмотрел ему в глаза и понял, что кузен внимательно изучает его реакцию, озадаченный, что его вид не вызвал удивления.

— Я видел тебя, Эдуард. Видел в тот день, когда ты приехал.

— Почему же ты ни разу не пришел поговорить? С тех пор, как я вернулся, я вижу только твою мать. Твою мать и моих друзей — Мая, Сальгари и Жюль Верна, — сказал он, взяв в руки книгу, которую читал. Пауль смог разглядеть ее название. Это был "Граф Монте-Кристо".

— Мне запретили приходить.

С этими словами он виновато опустил голову. Конечно, это было действительно так, мать и Брунхильда и в самом деле запретили ему навещать Эдуарда, но ведь он всё равно мог бы попытаться. Но он не желал признаться даже себе самому, что просто боится снова увидеть Эдуарда после того страшного вечера, когда кузен вернулся с войны.

А тот смотрел на него с невыразимой горечью — очевидно, угадав его мысли.

— Я знаю, что мать меня стыдится. Видишь это? — спросил он, кивнув в сторону подноса, на котором стояла нетронутая тарелка с пирожными — теми самыми, что подавались на вечеринке. — Она не захотела портить Юргену день рождения видом моих култей, поэтому меня не пригласили. Кстати, как тебе эта вечеринка?

— Там играет оркестр, все пьют, говорят о политике и ругают военных за то, что проиграли войну, которую должны были выиграть.

Услышав эти слова, Эдуард лишь фыркнул.

— Очень легко критиковать за глаза. А о чем они еще говорят?

— Еще все обсуждают переговоры в Версале и радуются, что мы отвергли условия.

— Чертовы идиоты! — с горечью бросил Эдуард. — До них всё еще никак не дойдет, что мы проиграли эту войну, как будто над немецкой землей не прозвучало ни единого

выстрела. Одним словом, сегодня всё то же, что и всегда — ну разве что с музыкой и шампанским. Кстати, ты не хочешь мне рассказать, от кого убегал?

— От именинника.

— Твоя мать мне рассказывала, что вы не очень-то ладите.

Пауль кивнул.

— Ты даже не попробовал пирожные, — заметил он.

— Мне теперь не нужно столько еды. Другим она нужнее. Поешь, замори червячка. И подойди поближе, я хочу посмотреть на тебя. Как же ты вырос!

Пауль присел на край кровати и набросился на еду. После завтрака он ничего не ел, даже не пошел в школу, чтобы подготовиться к вечеринке. Сейчас мать наверняка его уже ищет, но ему было всё равно. Он поборол охвативший его страх и не мог не воспользоваться возможностью побыть с Эдуардом, по которому так скучал.

— Эдуард, я хочу сказать... Прости, что я раньше не пришел тебя навестить. Ведь я мог бы прийти к тебе вечером, когда тетя Брунхильда уходит на прогулку...

— Брось, Пауль! В конце концов, ты здесь, и это главное. Это ты должен меня простить за то, что я не писал тебе, как обещал.

— И что же тебе помешало?

— Я мог бы тебе сказать, кузен, что помешали англичане, которые без отдыха стреляли в нас, но это было бы неправдой. Один мудрый человек сказал, что война на семь восьмых — это скука, а на одну восьмую — ужас, и он оказался совершенно прав. На самом деле в окопах у нас было достаточно времени, чтобы написать письмо — пока нас не начали убивать.

— Тогда в чем причина?

— Я просто не мог, и всё. С самого начала эта абсурдная и несправедливая война поставила нас на грань трусости.

— О чем ты говоришь, Эдуард? Ты же герой! Ты добровольцем пошел на фронт, одним из первых!

При этих словах Эдуард расхохотался механическим и каким-то нечеловеческим смехом, от которого у Пауля волосы встали дыбом затылке.

— Герой. Хочешь узнать, кто решает, что ты станешь добровольцем? Твой учитель, когда рассказывает тебе о славных победах родины, об империи и кайзере. Твой отец, который велит тебе вести себя как мужчина. Твои друзья, с которыми ты до недавнего времени дрался в гимназии, чтобы выяснить, у кого длиннее. Все они вместе, когда бросают в лицо слово "трус", если ты покажешь хоть малейшие колебания, и возлагают на тебя вину за поражение. Нет, кузен, на войне нет добровольцев, только глупцы и злодеи. И последние остаются дома.

Пауль вытаращил глаза от изумления. Внезапно его ежедневные грёзы о войне, карты, которые он рисовал в тетрадках, привычка каждый день читать сообщения о продвижении войск в газетах — всё это показалось ему смешным и детским. Он хотел сказать об этом Эдуарду, но побоялся, что кузен над ним посмеется и выгонит из комнаты. В эту секунду он увидел перед глазами войну. Это был не краткий перечень атак на вражеские позиции и не уродливые культы, скрывающиеся под простынями.

Война была в пустых и безжизненных глазах Эдуарда.

— Ты мог бы... Ты мог бы сопротивляться. Мог бы остаться дома.

— Нет, не мог, — ответил тот, отводя взгляд. — Я соврал тебе, Пауль. По крайней мере,

частично. Я уехал, чтобы быть подальше от них. Чтобы не стать таким, как они.

— Таким как кто?

— Знаешь, как это со мной произошло? До окончания войны оставалось не больше месяца, и все мы знали, что проиграли. Что в любую минуту нам отдадут приказ возвращаться домой. И мы всё больше приободрялись. Не обращали внимания на снаряды, которые на нас сыпятся, потому что осталось так мало до возвращения домой. И однажды во время отступления один снаряд упал слишком близко.

При этом слове Эдуард понизил голос, так что Паулю пришлось приблизиться, чтобы услышать.

— Я тысячу раз спрашивал себя, что бы случилось, если бы я пробежал еще пару метров вправо. Или если бы я остановился, чтобы стукнуть себя два раза по каске, как мы всегда поступали, прежде чем вылезти из окопа, — сказал он, дважды стукнув Пауля костяшками пальцев по лбу. Эти удары делали нас неуязвимыми. А в тот день я про них забыл, понимаешь?

— Вот бы ты никогда не уезжал.

— Нет, кузен, уж поверь. Я уехал, чтобы не стать фон Шрёдером, а если вернулся, то только для того, чтобы убедиться — я не ошибся, когда уехал.

— Я не понимаю тебя, Эдуард.

— Ах, дорогой мой Пауль, уж ты-то должен это понимать лучше других. После того, что они с тобой сделали. После того, что они сделали с твоим отцом.

Последняя фраза вонзилась ему в сердце, как ржавый крюк. Сначала она почти не поцарапала поверхность, но вскоре погрузилась гораздо глубже.

— Что ты имеешь в виду, Эдуард?

Кузен некоторое время молча смотрел на него, кусая губу. Наконец, он покачал головой и закрыл глаза.

— Прости меня. И забудь о том, что я тебе сказал.

— Я не могу этого забыть! Я никогда его не знал, никто мне о нем не рассказывает, хотя постоянно перешептываются за спиной. Я знаю лишь, что говорила мама — что он утонул вместе с кораблем, когда возвращался из Африки. Так что ответь мне, что случилось с моим отцом?

Снова настала тишина, на сей раз она затянулась надолго. Настолько, что Пауль спрашивал себя, не заснул ли Эдуард, но он снова открыл глаза.

— Я буду гореть за это в аду, но я не могу не излить душу. Но сначала прошу тебя сделать мне одно одолжение.

— Всё, что захочешь.

— Спустись в кабинет моего отца на первом этаже и открой правый ящик стола. Если он заперт, то ключ от него лежит в среднем ящике. Там ты найдешь черный кожаный футляр с клапаном. Принеси мне его.

Пауль подчинился. Он на цыпочках спустился в кабинет, боясь наткнуться на кого-нибудь по пути, но вечеринка, видимо, была в эти минуты в самом разгаре. Ящик оказался заперт, и несколько мгновений Пауль не мог найти ключ, о котором сказал Эдуард, но в конце концов обнаружил его в деревянной шкатулке. Внутри ящика было полно бумаг. В глубине Пауль нашел кусок черного фетра со странным символом, нарисованным на нем золотом. Циркуль и наугольник с буквой G внутри. Под ним лежал кожаный футляр.

Пауль сунул его за пазуху и снова направился в комнату Эдуарда. Он чувствовал, как

футляр прикасается к коже живота, и содрогался от одной мысли о том, что будет, если кто-нибудь поймает его в коридоре с чужим имуществом под рубашкой. Добравшись до комнаты кузена, он вздохнул с облегчением.

— Принес?

Пауль вытащил кожаный футляр из-за пазухи и направился к кровати, как вдруг споткнулся о стопку книг — одну из тех, что во множестве громоздились по всей комнате. Книги рассыпались, футляр упал на пол, и клапан открылся.

— Нет! — в один голос воскликнули Эдуард и Пауль. При этом в голосе первого прозвучала тоска, а в тоне второго — удивление.

Футляр упал между "Кровной мстью" Мая и "Эликсирами сатаны" Гофмана. Его содержимое слегка высунулось — перламутровый блеск на черной коже.

Это была рукоять пистолета.

— Для чего тебе оружие, кузен? — дрожащим голосом спросил Пауль.

— Ты сам знаешь, для чего оно мне нужно, — ответил тот, подняв кверху обрубок руки, чтобы Паулю всё стало окончательно ясно.

— Я не дам его тебе.

— Слушай, Пауль. Я всё равно его добуду рано или поздно, потому что единственное, чего я хочу, это покинуть этот мир. Ты можешь повернуться ко мне спиной, положить его обратно и вынудить меня в разгар ночи проползти в отцовский кабинет с помощью этой потерпевшей поражение руки, потеряв всякое достоинство. Но в этом случае ты никогда не узнаешь о том, что я должен тебе рассказать.

— Нет!

— Или можешь оставить его на столе, послушать мой рассказ и предоставить мне с достоинством выбрать, как уйти из этого мира. Тебе решать, Пауль, но я в любом случае добьюсь своего. Мне это нужно.

Пауль сел, а вернее, рухнул на пол, схватив кожаный футляр. Несколько долгих минут в комнате было слышно лишь металлическое тиканье часов Эдуарда. Тот снова закрыл глаза, пока не почувствовал какое-то движение на своей кровати.

Пауль бросил кожаный футляр на простыни.

— Да простит меня Бог, — сказал Пауль. Он рыдал, стоя рядом с кроватью, но не осмеливался смотреть на Эдуарда.

— Ему на нас плевать, — ответил тот, лаская пальцами мягкую кожу футляра. — Спасибо, кузен.

— Расскажи мне, Эдуард. Расскажи мне всё, что знаешь.

Прежде чем начать, Эдуард откашлялся. Он говорил медленно, словно силой вырывал каждое слово из легких.

— Это случилось в 1905 году, как тебе уже рассказали, а мне до сих пор кажется, будто это было вчера. Я помню, что дядя Ханс отправился на задание в Юго-Западную Африку, помню, потому что мне очень нравилось это название, и я мог бесконечно его повторять в своих играх и искать на картах. И вот однажды ночью — мне было тогда десять лет — я услышал крики в библиотеке. и спустился туда, чтобы узнать, что случилось. Я был чрезвычайно удивлен, увидев, что в этот поздний час к нам пришел твой отец. Они с моим отцом что-то обсуждали, сидя за круглым столом. В комнате было еще два человека. Я видел одного из них — невысокого мужчину с тонкими, даже женственными чертами лица, но он молчал. Говорил другой человек, которого мне не было видно из-за двери. Я уже собирался

войти и поздороваться с твоим отцом, который всегда привозил мне подарки из своих поездок. Но тут появилась мама, схватила меня за ухо и оттащила в мою комнату. "Они тебя видели?" — спросила она. Я снова и снова повторял, что не видели. "Хорошо, — сказала она. — Дай мне слово, что никогда и никому не расскажешь о том, что видел, слышишь?" И я... я поклялся, что никогда и никому ничего не скажу.

Эдуард замолчал, и Пауль схватил его за руку. Он всеми силами хотел заставить его продолжать, хотя и понимал, как тяжело кузену вытаскивать это на свет божий.

— Вы с матерью переехали к нам через две недели. Ты тогда был совсем ребенком, и я был очень рад, потому что теперь у меня был собственный взвод храбрых солдат, с которыми я мог играть, сколько душе угодно. Я даже не думал о том, что мои родители откровенно лгали, когда сказали мне, что дядя Ханс утонул вместе с фрегатом. Говорили о нем и другое, например, ходили слухи, что твой отец был дезертиром, что он проиграл всё в карты, а потом бесследно исчез где-то в Африке. Эти слухи тоже были фальшивкой, но я не хотел об этом думать, а вскоре и вовсе забыл. Как забыл и о том, что услышал вскоре после того, как мама вышла из комнаты. Я убеждал себя, что я, наверное, ослышался, хотя об этом не могло быть и речи: в этом доме великолепная акустика. Ведь это было так легко и приятно — смотреть, как ты растешь, видеть твои счастливые улыбки, когда мы играли в прятки, и лгать самому себе. Но потом ты стал старше, стал достаточно взрослым, чтобы многое понимать, тебе исполнилось столько же лет, сколько было мне в ту ночь. И тогда я ушел на войну.

— Скажи мне, что ты услышал? — тихо попросил Пауль.

— Той ночью я услышал выстрел, кузен.

В это мгновение все его представления о мире и самом себе перевернулись, словно фарфоровая ваза, которую какой-то безумец пнул с верхней ступени лестницы. Последняя фраза и была тем решающим пинком, и воображаемая фарфоровая ваза упала и разлетелась на кусочки. Пауль услышал, как она со звоном разбилась, и Эдуард прочитал это по лицу кузена.

— Прости меня, Пауль. И уходи поскорее, ради Христа.

Пауль поднялся и склонился над кроватью. Кожа кузена была холодной, и когда он поцеловал его в лоб, он словно прикоснулся губами к зеркалу. Он шагнул к двери, едва стоя на ногах, не соображая, оставил ли дверь открытой или захлопнул ее, выйдя в застеленный ковром коридор.

Выстрел прозвучал почти неслышно.

Тем не менее, акустика в особняке, как и говорил Эдуард, была великолепной. Когда первые гости, покидавшие прием, надевали в прихожей пальто, обмениваясь при этом поцелуями и пустыми обещаниями, до них донесся приглушенный хлопок, который, тем не менее, невозможно было спутать ни с чем другим. Слишком много выстрелов слышали люди в последние недели, чтобы ошибиться. Отзвуки выстрела эхом отозвались на всех этажах и, наконец, замерли в проеме огромной мраморной лестницы.

Брунхильда, играющая в эту минуту роль образцовой хозяйки, любезно прощаясь с доктором и его супругой, которых на самом деле от всей души ненавидела, услышав выстрел, сразу поняла, что это такое, но повела себя как ни в чем не бывало, стремясь оградить себя от ужасной правды.

— Я уверена, что это дети развлекаются, запуская петарды.

Отовсюду, как грибы после дождя, стали высываться удивленные лица. Сначала в прихожей было не больше десятка человек, но теперь из гостиной появились другие гости. Вскоре все они поняли, что в доме что-то происходит.

В моем доме!

Если сейчас же не принять меры, через два часа о случившемся узнает весь Мюнхен.

— Оставайтесь здесь, я уверена, что всё в порядке.

Она ускорила шаг, на полпути вверх по лестнице учуяв запах пороха. Некоторые наиболее храбрые гости подняли головы, посмотрев вверх, возможно, в надежде, что Брунхильда подтвердит, что они ошиблись, но на лестницу никто не пошел — слишком силен был принятый в обществе запрет подниматься в комнаты хозяев во время вечеринки. Гул голосов нарастал, и баронесса понадеялась, что Отто не окажется таким кретином, чтобы последовать за ней, потому что, вне всяких сомнений, кто-нибудь увяжется за ним.

Когда она поднялась наверх и увидела рыдающего в коридоре Пауля, то окончательно поняла, что случилось — еще прежде, чем открыла дверь в комнату Эдуарда.

Так или иначе, он это сделал.

Она почувствовала, как к горлу подкатывает желчь. Ее охватил ужас и другое смутное чувство. Как она с отвращением поняла позже, это было облегчение. Или, по крайней мере, исчезло напряжение, которое она ощущала в груди с тех пор, как искалеченный сын вернулся с войны.

— Что ты наделал? — воскликнула она, глядя на Пауля. — Что ты наделал, я тебя спрашиваю?

Тот не поднял головы, которую обхватил руками.

— А что вы сделали с моим отцом, ведьма?

Брунхильда отшатнулась. Во второй раз за этот вечер кто-то отпрянул при упоминании Ханса Райнера, и ирония заключалась в том, что на сей раз это был тот же человек, кто чуть раньше произнес это имя с угрозой.

— Что ты знаешь, мальчик? Что он успел рассказать, прежде чем...?

Она хотела закричать, но не смогла, да и не осмелилась.

Вместо этого она сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладонь, пытаясь одновременно успокоиться и решить, что делать дальше, как поступила в похожий вечер, только четырнадцать лет назад. А когда ей удалось хоть чуть-чуть прийти в себя, она начала спускаться по лестнице. С широкой улыбкой на лице она высунулась в прихожую с последнего пролета лестницы. Дальше она спускаться не стала, потому что была не в состоянии продолжать этот фарс перед морем напряженных лиц.

— Приносим свои извинения. Друзья моего сына играли с петардами, как я и подумала. Если не возражаете, я пойду посмотрю, что за беспорядок они учинили, — она махнула рукой матери Пауля. — Илзе, дорогая.

При этих словах лица смягчились, и гости успокоились при виде экономки, поднимающейся по лестнице вместе с хозяйкой, как ни в чем не бывало. Они собрали на вечеринке уже достаточно сплетен и не могли дождаться, как придут домой и поделятся ими с семьями.

— Не вздумай закричать, — только и сказала Брунхильда.

Илзе ожидала увидеть результаты детской шалости, но заметив в коридоре Пауля, испугалась. Приоткрыв дверь в комнату Эдуарда, она прикусила ладонь, чтобы не вскрикнуть. Для стороннего наблюдателя ее реакция не особо отличалась от реакции баронессы, только в случае Илзе помимо ужаса были еще и слезы.

— Бедный мальчик, — прошептала она, заламывая руки.

Между тем, Брунхильда смотрела на сестру, уперев руки в боки.

— Ты бы лучше спросила у своего сыночка, кто дал Эдуарду пистолет.

— О, ради бога, Пауль, скажи мне, что это не ты...

Это прозвучала как мольба, но совершенно безнадежная. Молодой человек не ответил, и Брунхильда в ярости приблизилась к нему, потрясая указательным пальцем.

— Сейчас я вызову полицию. И ты сгниешь в тюрьме — за то, что передал пистолет несчастному инвалиду.

— Что вы сделали с моим отцом, ведьма? — повторил Пауль, вставая и неотрывно глядя в лицо тетки, которая на этот раз даже не дрогнула, как ни была напугана.

— Ханс погиб в колониях, — сказала она не очень уверенно.

— Ничего подобного. До своего исчезновения мой отец находился в этом доме, так мне сказал твой сын.

— Эдуард вернулся больным и немного помешался, он выдумывает разные неправдоподобные истории из-за полученных на фронте ранений. И несмотря на то, что врач запретил ему принимать гостей, ты его разволновал и дал ему оружие.

— Вранье!

— Это ты его убил.

— Это ложь! — крикнул молодой человек, при этом покрывшись мурашками сомнений и замешательства.

— Пауль, хватит уже!

— Убирайтесь из моего дома.

— Мы никуда не уйдем, — ответил Пауль.

— Тебе решать, — сказала Брунхильда, обращаясь к Илзе. — Судья Штромайер еще внизу, на вечеринке. Через несколько минут я спущусь и извещу его. Если ты не хочешь, чтобы твой сын провел ночь в Штадельхайме, немедленно уходите.

Услышав название тюрьмы, Илзе в ужасе зажмурилась. Штромайер был добрым приятелем барона, и тому не составило бы труда убедить его в том, что Пауль виновен в убийстве. Она схватила сына за руку.

— Идем отсюда, Пауль!

— Не раньше, чем...

Она влепила сыну пощечину, с такой силой, что заболели пальцы. Из губы Пауля потекла кровь, и он молча посмотрел на мать.

В конце концов, она добилась своего.

Илзе не позволила сыну собрать чемоданы, даже зайти в комнату. Они спустились по лестнице для прислуги и вышли из особняка через заднюю дверь, хоронясь в переулках, чтобы их никто не заметил.

Как преступники.

— Можно узнать, куда это ты подевалась, черт тебя подери?

Барон устал и был зол, края его визитки помялись, усы топорщились, а монокль болтался. Прошел час с тех пор, как ушли Илзе и Пауль, а вечеринка всё продолжалась. Он готов был раздвоиться, чтобы успеть попрощаться со всеми гостями до последнего.

И лишь тогда барон пошел на поиски жены. Он обнаружил ее сидящей на стуле, который она лично поставила в коридор четвертого этажа, где несла караул у закрытой двери комнаты Эдуарда. Даже ее огромная сила воли не могла заставить Брунхильду снова спуститься на вечеринку. Когда появился муж, она объяснила ему, что произошло в комнате, и Отто тоже получил свою долю страданий и угрызений совести.

— Завтра ты позвонишь судье, — холодно и бесстрастно сказала Брунхильда. — Скажем, что нашли его, когда принесли завтрак. Это будет не настолько скандально. Возможно, никто и не узнает.

Отто кивнул и убрал пальцы с дверной ручки. Он так и не осмелился войти и никогда не осмелится. Даже после того, как со стен и пола стерли следы трагедии.

— Судья — мой должник, так что думаю, что смогу это уладить. Но мне интересно, кто дал ему оружие. Он не смог бы достать его в одиночку.

Когда Брунхильда рассказала ему, что сделал Пауль и как она в ответ выгнала Райнеров, барон рассвирепел.

— Ты хоть понимаешь, что наделала?

— В этом доме они для нас угроза, Отто.

— Или ты забыла, что поставлено на карту? Ради чего я, по-твоему, терпел их в своем доме столько лет?

— Чтобы заглушить и успокоить свою совесть, — ответила Брунхильда с горечью, что все эти годы копилась в ее душе и теперь готова была выплеснуться наружу.

Отто даже и не подумал ничего отрицать, ибо это была правда.

— Не только поэтому, — ответил он.

— Эдуард говорил с твоим племянником, — сказала Брунхильда.

— О боже! И ты знаешь, что он ему рассказал?

— Не имеет значения. После того, как они ушли сегодня вечером, они превратились в подозреваемых, хотя завтра мы и не станем на них заявлять. Они не осмелятся заговорить, да и доказательств у них нет. Мальчишка не мог ничего выяснить.

— Думаешь, меня беспокоит, что откроется правда? Для этого придется найти Кловиса Нагеля. А Нагель уже давно не живет в Германии. Но это всё равно не решает нашу проблему. Только твоя сестра знает, где письмо Ханса Райнера.

— Ну так следи за ними. С разумной дистанции.

Отто на мгновение задумался.

— У меня есть для этого подходящий человек, — произнес он наконец.

Этот разговор слышал еще один человек, который прятался в темном углу коридора. Он слышал всё, хотя ничего и не понял. Когда же чета Шрёдеров наконец удалилась в свою супружескую спальню, он проскользнул в комнату Эдуарда.

При виде того, что находилось внутри, он упал на колени. Когда же он встал, то даже те

остатки невинности, которые не удалось выжечь его матери, те частички души, которую еще за все эти годы не заразила ненависть и зависть к двоюродному брату, были мертвы и превратились в пепел.

Он убьет за это Пауля Райнера.

Теперь он — наследник. Теперь он будет бароном.

Он не мог разобраться, какая из этих двух противоречивых мыслей кажется ему более возбуждающей.

Пауль Райнер дрожал под мелким майским дождем. Мать больше уже не тащила его за собой, он шел рядом по кварталу Швабинг, где обитала богема — сердцу Мюнхена, тому месту, где воры и поэты до самой зари делили таверны с художниками и проститутками. Однако Пуаль с матерью обнаружили лишь немногие двери открытыми и не вошли ни в одну, потому что не имели ни пфеннинга.

- Спрячемся в этом подъезде, — сказал Пауль.
- Опять придет сторож и вышвырнет нас на улицу, как и в прошлые три раза.
- Мы не можем оставаться здесь, мама. Ты подхватишь пневмонию.

Оба втиснулись на узкое крыльцо здания, которое знавало лучшие времена. По крайней мере, этот выступ на фасаде защищал их от дождя, намочившего пустынные тротуары и неровные булыжники мостовой. Скучный свет фонарей отбрасывал на поверхность мокрых улиц странные тени, таких Пауль в жизни своей не видывал.

- В страхе он еще теснее прижался к матери.
- Ты же по-прежнему носишь отцовские часы, ведь так?
- Да, — признался Пауль, немного испуганно.

За последний час она задавала этот вопрос уже трижды. Илзе была вымотана и словно потухла, будто на усилие, с которым она дала сыну пощечину и увела его по переулкам, подальше от особняка фон Шрёдеров, она растратила тот резерв энергии, о существовании которого даже не предполагала, но теперь потеряла навсегда. Ее глаза запали, а руки дрожали.

- Завтра мы их заложим, и всё будет хорошо, — заверила она.

На самом деле часы не представляли особой ценности, они даже не были золотыми. Пауль подумал, что вырученных за них денег хватит разве что на одну ночь в пансионе; ну, в лучшем случае, еще и на горячий ужин.

- Чудесный план, — выдавил он.
- Прежде всего нам нужно найти крышу над головой, а потом я собираюсь снова устроиться на пороховой завод.

— Но, мама... Порохового завода больше нет. Его расформировали, как только закончилась война.

"И ты сама мне об этом рассказывала", — добавил про себя Пауль, теперь по-настоящему обеспокоенный.

- Скоро солнце взойдет, — сказала мать.

Пауль не ответил. Он наклонил голову и сделал несколько быстрых и уверенных шагов, чтобы успокоиться. Он хотел лишь дать себе отсрочку, чтобы на несколько мгновений прикрыть глаза.

Я так устал... И не понимаю, что произошло ночью. А она вела себя так странно... возможно, она говорила правду.

- Мама, ты знаешь, что случилось с папой?

Илзе на несколько мгновений пробудилась из летаргического сна. В глубине ее глаз зажегся огонек, словно усталое дуновение ветра разожгло последнюю искру давно угасшего костра. Она взяла Пауля за подбородок и с нежностью провела рукой по его лицу.

— Пауль, я тебя очень прошу. Забудь обо всём, что ты слышал сегодня вечером. Твой отец был хорошим человеком и трагически погиб при кораблекрушении. Обещай мне, что ты не будешь лезть в это дело и не станешь докапываться до истины, которой всё равно не найдешь, потому что я не могу потерять еще и тебя. Ты — единственное, что у меня осталось. Мой крошка Пауль.

Первые проблески зари удлиннили тени на улица Мюнхена и унесли с собой дождь.

— Обещай мне, — настаивала она, и голос ее звучал все тише.

Пауль засомневался, прежде чем ответить.

— Обещаю, — сказал он наконец.

— Тпру!

Повозка угольщика со скрипом остановилась на Райнштрассе. Пара лошадей нетерпеливо били копытами по мостовой, их глаза были прикрыты шорами, а крупы почернели от пота и угольной пыли. Угольщик спрыгнул на землю и рассеянно провел рукой по боковине повозки, на которой краской было выведено его имя — "Клаус Граф", хотя разобрать можно было только первые две буквы.

— Наведи здесь порядок, Вилли! Я люблю, когда клиенты знают, кто им поставляет сырье, — почти добродушно произнес угольщик.

Мужчина, сидевший рядом с ним на облучке, снял шляпу, вынул тряпку, на которой еще оставались остатки цвета, и насвистывая принялся оттирать дерево. Это была его единственная манера изъясняться, так как он был нем. Мелодия была тихой и стремительной, а мужчина казался довольным.

Момент был подходящим.

Пауль шел за ними всё утро с тех пор, как они выехали из каретного сарая в Лехеле, принадлежавшего Графу. Мальчик наблюдал за ними со вчерашнего дня и понял, что у него больше шансов получить работу у угольщика ближе к часу дня, во время полуденного перерыва. Мужчины расправились с огромными бутербродами и выпили по паре литров пива. Они уже забыли об утренней раздражительности, когда с росой ожидали у повозки, пока откроется угольный склад, но еще были далеки от вечерней вспыльчивой усталости, с которой молча поглощали последнюю порцию пива в таверне, находившейся неподалеку от последнего дома, куда они поставляли уголь, от которого першило в горле.

"Если не удастся, да поможет нам Господь", — подумал отчаявшийся Пауль.

Вот уже два дня он безуспешно искал работу, и за эти дни у них почти и крошки во рту не было. Денег, полученных за часы, которые они заложили, хватило на две ночи в пансионе и завтрак, состоявший из хлеба и пива. Мать тоже упорно искала работу, обращаясь в самые разные места, но вскоре обнаружила, что в эти времена куда-нибудь устроиться было настоящей утопией. Сейчас женщин увольняли отовсюду; даже те, у которых во время войны была работа, теперь ее лишились, как только с фронта вернулись мужчины. Впрочем, работодатели были от этого отнюдь не в восторге.

— Черт бы побрал это правительство вместе с их принципами! — бросил булочник, в чью пекарню она заглянула в поисках невозможного. — В последние месяцы нас вынудили нанять этих ветеранов, хотя женщины работали ничуть не хуже и обходились намного дешевле.

— Вы сказали, женщины работали ничуть не хуже мужчин? — спросил Пауль вызывающим тоном. Он был явно не в духе. Его желудок урчал от голода, а запах горячего хлеба щекотал нервы.

— Некоторые даже лучше. У меня была одна работница, которая как никто другой управлялась с тестом.

— Тогда почему им меньше платили?

— Что ж, парень, это очевидно, — ответил пожимая плечами булочник. — Они ведь женщины.

Тут не было никакой логики, Пауль не в состоянии был этого понять, хотя его мать, как и остальные работники булочной, кивнула.

— Поймешь, когда повзрослеешь, — сказал один из работников, когда они уходили. И все расхохотались за их спиной.

Паулю повезло не больше. После того, как он спрашивал, нет ли для него работы, первым делом ему задавали вопрос — не ветеран ли он войны. Столкнувшись за несколько часов со множеством разочарований, он решил подойти к проблеме более рационально. Доверившись судьбе, он последовал за угольщиком, чтобы изучить его и найти наилучший способ. Им удалось переночевать в пансионе и третью ночь, дав обещание заплатить на следующий день, хозяйка сжалась над ними.

Она даже дала им тарелку густого супа с плавающими в нем маленькими кусочками картошки и ломоть черного хлеба.

И вот Пауль пересекал Райнштрассе. Это было шумное и веселое место, со множеством лоточников, продавцов газет и точильщиков, которые громко пытались навязать свои коробки спичек, последние новости или преимущества остро наточенных ножей. Исходящий из булочных аромат смешивался с запахом навоза, поскольку в Швабинге лошадей было больше, чем машин.

Пауль воспользовался тем, что помощник угольщика отправился искать привратника, чтобы тот открыл дверь в подвал. А в это время угольщик готовил огромные корзины, в которых транспортировал свой товар.

"Может, в одиночестве он будет более любезным. Люди ведут себя с незнакомцами по-другому в присутствии подчиненных", — думал Пауль по дороге.

— Добрый вечер.

— Какое дело привело тебя сюда, парень?

— Мне нужна работа.

— Ступай, парень. Мне никто не нужен.

— Я сильный и мог бы быстро помочь вам разгрузить повозку.

Угольщик наконец-то удостоил Пауля взглядом и осмотрел с головы до ног. Тот по-прежнему был в черных брюках, белой рубашке и жилете и выглядел как официант. По сравнению с дородным и располневшим человеком, стоящим напротив, Пауль чувствовал себя слабаком.

— Сколько тебе лет, парень?

— Семнадцать, — соврал Пауль.

— Даже моя тетушка Берта, которая совсем не умела определять возраст, бедняжка, не дала бы тебе больше пятнадцати. К тому же ты вон какой хилый. Ступай!

— 22 мая мне исполнится шестнадцать, — обиженно ответил Пауль.

— В любом случае, ты мне не подходишь.

— Я прекрасно могу носить корзины с углем.

С этими словами он проворно взобрался на повозку, схватил лопату и наполнил доверху одну из корзин. Затем, стараясь не показать, каких усилий ему это стоит, погрузил свою ношу на плечо. Пятидесятикилограммовый груз нестерпимо давил ему на плечи, казалось, почки вот-вот не выдержат, однако он нашел в себе силы улыбнуться.

— Видите? — сказал он, собрав всю силу воли, чтобы ноги не подогнулись.

— Мальчик, для того, чтобы поднять эту корзину, большого ума не надо, — сказал угольщик, невозмутимо вытягивая из кармана пачку табака и набивая им свою трубку. —

Моя старая тетушка Лотта такую корзину поднимала запросто, причем не устраивая вокруг этого такой суеты. Она несла ее по мокрым скользким ступеням с изяществом танцовщицы кабаре. В подвалах, куда мы спускаемся, почти не бывает света, поскольку домовладельцам плевать, если кто-то из нас свернет шею. Быть может, ты сможешь донести одну корзину, ну, две... Но на третий раз...

В конце концов, колени и плечи Пауля не выдержали такой тяжести, и молодой человек ничком рухнул на кучу угля.

— ...она тебя раздавит, как ты только что убедился. А если это произойдет на одной из этих узких лестниц, то разобьется не только твоя голова.

Пауль с трудом поднялся.

— Но...

— Никаких "но", парень, уходи. Спускайся с моей повозки.

— Я... мог бы сказать, как улучшить ваше дело.

— Только этого мне и не хватало. И что же это? — поинтересовался угольщик с ироническим смешком.

— Вы теряете много времени после того, как закончится одна поставка и начнется другая, потому что вам приходится ездить на склад за новым углем. Если вы купите вторую повозку...

— Это и есть твоя блестящая идея? Хорошая повозка со стальными осями, чтобы выдерживали вес угля, стоит по меньшей мере семь тысяч марок, не говоря уже о сбруе и лошадях. Не завалились ли у тебя в этих мятых брюках семь тысяч марок, парень? Мне кажется, что нет.

— Но вы...

— Мне хватает и того, что приходится платить за уголь и содержать семью. Думаешь, я не мечтал купить еще одну повозку? Прости, парень, — сказал он, немного смягчив тон при виде замешательства мальчика, — но я не могу тебе помочь.

Пауль понурил голову, признав поражение. Ему придется поискать работу где-нибудь еще, и побыстрее, потому что хозяйка пансиона больше терпеть не будет. Он спускался с повозки, когда с ней поравнялась группа людей.

— О, Клаус! Это что, новое пополнение?

Помощник Клауса вернулся с привратником, но с ними шел также пожилой лысый мужчина низкого роста, в круглых очках и с кожаным саквояжем, именно он и обратился к угольщику шутливым тоном.

— Нет, герр Финкен. Это всего лишь парень, который ищет работу, но он уже уходит.

— А на лице у него следы этого ремесла.

— Он решил себя попробовать в деле. Что вы хотели предложить?

— Видите ли, Клаус, у меня есть другие дела, и я подумал, что заплачу за уголь за целый месяц. Это весь груз?

— Да, я загрузил две тонны, до последней унции.

— Я вам полностью доверяю, Клаус.

Услышав эти слова, Пауль развернулся. Он только что понял, в чем заключается главный капитал угольщика.

Доверие. И черт возьми, он сможет превратить его в деньги.

"По крайней мере, если меня выслушают", — подумал он, снова приблизившись к мужчинам.

— Хорошо, значит, если вам это не доставит неудобств... — проговорил Клаус.

— Минуточку!

— Можно узнать, что ты здесь делаешь, парень? Я же сказал, что ты мне не нужен.

— Я вам понадобится, если у вас будет вторая повозка.

— Ты что, дурак? Нет у меня другой повозки! Простите, герр Финкен, этот помешанный прицепился ко мне на улице.

Помощник угольщика, уже некоторое время недоверчиво рассматривающий Пауля, шагнул к нему, но Клаус жестом его остановил. Он не хотел устраивать сцену на глазах у клиента.

— А если я раздобуду средства, чтобы купить вторую повозку? — спросил Пауль, отпрянув от помощника и в то же время стараясь сохранять достоинство. — Тогда вы меня наймете?

Клаус почесал затылок.

— Ну, наверное, да, — с неохотой согласился он.

— Хорошо. Не могли бы вы сказать мне, какую прибыль вы получаете?

— Как и все, парень. Честные восемь процентов.

Пауль сделал быстрые подсчеты.

— Герр Финкен, вы согласились бы заплатить герру Графу прямо сейчас тысячу марок вперед взамен на снижение цены угля на четыре процента в течение года?

— Это приличная сумма, парень, — сказал Финкен.

— Да что ты такое говоришь, мальчик? Я не беру с клиентов деньги вперед.

— Вообще-то это очень соблазнительное предложение, Клаус. Для дома это будет неплохой экономией, — ответил старый администратор.

— Видите? — триумфально воскликнул Пауль. Нужно просто сделать такое же предложение еще шести клиентам. И все они согласятся. Я заметил, что люди верят вам на слово.

— Это точно, Клаус.

Угольщик на миг расправил грудь, как павлин, хотя тут же вернулся к своему ворчанию.

— Но если прибыль уменьшится, то на что я буду жить? — спросил он, ни на минуту не прекращая трезво оценивать это дело.

— С двумя повозками ваша работа пойдет вдвое быстрее. Вы заработаете больше денег. И две повозки с вашим именем будут разъезжать по всему Мюнхену.

— Две повозки с моим именем...

— Конечно, поначалу будет немного тяжело. К тому же вам ведь придется платить еще одно жалование.

Угольщик посмотрел на администратора, и тот улыбнулся.

— Ради бога, Клаус, если вы не возьмете этого парня, то его возьму я. У него прямо золотая голова, предпринимательская жилка.

— Ладно, парень. Считай, что я тебя взял. Но имей в виду, если идея не пойдет, я порежу твою шкуру на ремешки.

Клаус возил с собой Пауля до конца рабочего дня и предоставил ему разговаривать с администраторами домов. Из десяти первых семеро согласились на предложение, и только четверо потребовали письменную гарантию.

— Мне кажется, у вас будет повозка, герр Граф.

— Во всяком случае, теперь у нас чертова уйма работы. А тебе придется искать новых

клиентов.

— А я думал, что вы...

— Да ничего подобного, дружок. Я вижу, что ты хорошо ладишь с людьми, хоть и немного застенчивый, совсем как моя славная тетя Ирмушка. Думаю, у тебя всё получится.

Пауль некоторое время молчал, размышляя над событиями этого дня, а потом снова обратился к угольщику.

— Мне бы хотелось задать вам один вопрос.

— И какого дьявола ты хочешь знать? — нетерпеливо спросил Клаус.

— У вас в самом деле столько тетушек, герр Граф?

Угольщик закатился громовым хохотом.

— У моей матери было четырнадцать сестер, парень. Хочешь, верь, хочешь — нет.

Когда Пауль занялся поставками угля и поиском новых клиентов, дело начало процветать. Молодой человек вез нагруженную повозку от угольных складов у берега Изара до того дома, где Клаус и Хульберт — так звали немого помощника — занимались разгрузкой. Сначала он чистил лошадей и давал им воду в ведре, потом менял животных и запрягал свежую пару в только что прибывшую повозку.

Затем он помогал остальным побыстрее разгрузить повозку. Сначала ему было трудно, но потом он привык, его плечи стали шире, и он смог грузить огромные корзины. Закончив в этом доме, Пуаль снова гнал лошадей на склад, весело напевая, а угольщик с помощником тем временем направлялись к другому дому.

Илзе, в свою очередь, помогала хозяйке пансиона, где они жили, а в обмен та сделала небольшую скидку в оплате, что было весьма кстати, потому что жалования помощника угольщика едва хватало на двоих.

— Я бы с радостью снизила оплату больше, герр Райнер, но мне особо и помощь-то не нужна, — сказала ему хозяйка.

Пауль кивнул, понимая, о чем та говорит — его мать не сильно ей помогала. Другие жильцы пансиона перешептывались, что Илзе иногда застывает посреди коридора во время уборки или на кухне с наполовину очищенной картошкой, сжимая в руке швабру или нож и глядя в пространство.

Обеспокоенный Пауль поговорил с матерью, но она всё отрицала. Когда Пауль стал настаивать, Илзе частично призналась.

— Возможно, в последнее время я стала немного рассеянной. Слишком много переживаний, — сказала мать, ласково проведя по его лицу.

"Это лишь вопрос времени, — подумал Пауль. — Плохи дела".

Однако он подозревал, что мать скрывает что-то еще. Он собирался выяснить правду о смерти отца, но не знал, с чего начать. Невозможно было приблизиться к фон Шрёдерам, по крайней мере, пока они пользуются благосклонностью судьи. Они могли бы бросить Пауля в тюрьму в любой миг, а он не смел рисковать, когда мать в таком состоянии.

Эта проблема снедала его по ночам. Сейчас он хотя бы мог грезить, не боясь разбудить мать, потому что они впервые в жизни спали в разных комнатах. Пауль переехал в комнату на втором этаже, хоть и тесную, но зато он мог наслаждаться одиночеством.

— Никаких девушек в комнатах, герр Райнер, — повторяла хозяйка по меньшей мере раз в неделю. И Пауль, обладающий воображением и желаниями шестнадцатилетнего подростка, находил время, чтобы пофантазировать и на эту тему.

В следующие месяцы Германия снова возродилась, как и Райнеры. В конце июня 1919 года новое правительство подписало Версальский договор, в котором единственной виновницей войны была названа Германия, и ей присудили выплату огромных репараций. На улицах росло подспудное возмущение тем унижением, которому подвергла немцев Антанта, но в основном люди наконец-то вздохнули спокойно. В середине августа вступила в действие новая конституция.

Пауль стал ощущать, что жизнь возвращается к нормальному порядку. Еще непрочному, но порядку. Он также понемногу стал забывать окружающую его отца тайну. Частично из-за

трудности этой задачи, частично из-за страха ей заняться, а частично из-за всё возрастающей необходимости позаботиться о матери.

До той минуты, когда во время полуденного перерыва, как в тот день, когда он просил работу, Клаус отставил пустую пивную кружку, скомкал обертку от бутерброда и вернул Пауля к реальности.

— Ты кажешься умным пареньком, Пауль. Почему же ты не учишься?

— Такова жизнь. Война. Люди, — ответил тот, пожав плечами.

— С жизнью и войной ничего не поделаешь, но люди... людям ты можешь вернуть удар, Пауль, — заявил угольщик, выпустив облачко сизого дыма. — Ты из тех, кто возвращает удары?

Пауль внезапно ощутил досаду и бессилие.

— А если знаешь, что тебя ударили, но не знаешь, кто это и как?

— Тогда не оставь от них камня на камне, пока это не выяснишь, парень.

В Мюнхене стояла тишина.

Однако в роскошном здании на берегу Изара слышался какой-то шум. Недостаточно громкий, чтобы разбудить кого-либо из его обитателей. Из одной из комнат, выходящих на площадь, доносился лишь приглушенный звук.

Это была старомодная комната — детская, которая совершенно не соответствовала возрасту ее хозяйки. Она покинула этот дом пять лет назад и пока не имела времени поменять обои на стенах, заставленные куклами полки или кровать с розовым балдахинном. Однако в такую ночь ее раненое сердце с благодарностью принимало все эти предметы, возвращающие ее к тому безопасному миру, который она давно покинула. Она проклинала себя, что так отступила от своих принципов независимости и решительности.

Это был тихий плач, заглушенный подушкой.

На кровати лежало письмо, полускрытое сбившимися простынями, так что можно было прочесть лишь первые строчки.

"Колумбус, Огайо, 7 апреля 1920 года.

Дорогая Алиса!

Я надеюсь, у тебя всё хорошо. Если бы ты знала, как нам тебя не хватает, хотя до начала бального сезона осталось всего две недели. В этом году мы наконец-то сможем ездить на балы без родителей, только с компаньонкой. И мы сможем выезжать на балы по крайней мере раз в месяц!

Однако самая грандиозная новость за этот год — это помолвка моего брата Прескотта с одной девушкой с востока, Дотти Уолкер. Все кругом только и говорят, что о богатстве ее отца, Джорджа Герберта Уолкера, и о том, какая это хорошая партия для них обоих. Мама очень рада предстоящему браку, а мне бы хотелось, чтобы ты обязательно приехала на свадьбу, потому что это первая свадьба в нашей семье, а ты ведь — одна из нас".

Девушка всхлипывала медленно, словно никак не могла признать эти слезы своими. В правой руке она сжимала куклу, а когда это осознала, то швырнула ее в другой конец комнаты.

Я уже взрослая. Взрослая.

Той же рукой, что только что сжимала куклу, она медленно нащупала впотьмах край ночной рубашки на середине бедер и задрала ее наверх. Другая рука некоторое время сражалась с резинкой трусиков, приоткрыв проем, через который могла проникнуть правая, примкнув к тонкой коже живота.

Она начала медленно двигать рукой.

Алиса думала о Прескотте, о том, каким его помнила — как они вместе шли по дубовой аллее к дому в Колумбусе, а он шептал ей что-то на ухо и обнимал. Его тело было теплым и потным. Но когда она подняла голову, то обнаружила, что ее спутник не черноволосый и мускулистый, как Прескотт, а худой блондин. Его лицо она в своих грёзах не могла узнать.

Ее руки задвигались быстрее, а тихое всхлипывание прекратилось, пока не возникло снова.

Только это был уже не плач.

Всё случилось так быстро, что не суждено было подготовиться.

— Черт возьми, Пауль, где тебя носило?

Пауль только что прибыл на Принцрегентплатц с нагруженной повозкой, и как всегда, когда они работали в богатых кварталах, Клаус пребывал в ужасном расположении духа. Движение здесь было ужасным. Машины и трамваи вели вечную битву против передвижных вагончиков с пивом, ручных тележек лоточников и даже велосипедов чиновников. По площади каждые десять минут проходили наряды полиции, пытаясь навести порядок в этом хаосе, пряча непроницаемые лица под кожаными шлемами. Их уже два раза предупреждали, что нужно ускорить разгрузку, иначе они получают штраф.

Угольщики не могли себе такого позволить. Хотя в декабре 1920 года они получили много заказов, всего две недели назад энцефалит унес двух лошадей, и их пришлось заменить под слезы Хульберта, который жил только ради этих животных. У него не было семьи, даже спал он на конюшне. Клаус потратил все последние деньги на покупку новых лошадей, и теперь любые расходы его просто бы уничтожили.

Неудивительно, что в этот день угольщик начал орать, как только повозка показалась из-за угла.

— На мосту была ужасная пробка.

— Мне плевать! Спускайся сюда и помоги нам разгружать, пока не явились эти стервятники.

Пауль спрыгнул с козел и начал стаскивать корзины. Сейчас это давалось ему с гораздо меньшими усилиями. Хотя ему было еще далеко до семнадцати и он не полностью повзрослел, оставаясь таким же худым, но его руки состояли из одних мышц.

Оставалось разгрузить еще пять или шесть корзин, и они работали всё быстрее, поскольку с каждым разом цоканье копыт конного патруля раздавалось всё ближе.

— Они уже идут! — крикнул Клаус.

Пауль оттащил предпоследнюю корзину почти бегом, бросил ее в угольный погреб и помчался вверх по лестнице обратно на улицу, капли пота стекали у него со лба. И когда он высунул голову наружу, что-то ударило его прямо в лицо.

На мгновение мир вокруг застыл. Пауль едва заметил, как его тело по инерции за полсекунды перевернулось в воздухе, а ноги заскользили по лестнице. Он взмахнул руками и рухнул навзничь. Он даже не успел почувствовать боли, потому что еще раньше его поглотила темнота.

За десять секунд до этого Алиса и Манфред Танненбаумы шли по площади, возвращаясь из ближайшего парка, куда девушка водила брата немного прогуляться, прежде чем станет слишком холодно. В ту ночь выпал первый снег. Хотя он и не задержался надолго, вскоре мальчику придется провести три или четыре недели почти без движения.

Манфред использовал эти последние минуты по максимуму. Днем раньше он вытащил из шкафа старый футбольный мяч и теперь стучал им по стенам под неодобрительные взгляды прохожих. При других обстоятельствах Алиса скорчила бы недовольную физиономию — она не выносила, когда детей считали досадной помехой, но в этот день ей овладела меланхолия и неуверенность. Она сосредоточенно смотрела на пар от своего

дыхания в холодном воздухе, погруженная в размышления и обратив на Манфреда внимание, только когда нужно было взять мяч в руки, чтобы перейти улицу.

Когда до дома оставалось всего несколько метров, мальчик увидел открытые двери подвала, представил, что это ворота на стадионе Грюнвальдер, и изо всех сил забил гол. Мяч, сделанный из жесткой кожи, пролетел по идеальной дуге и ударил прямо в лицо человеку, который тут же исчез внизу.

— Манфред, осторожно!

Рассерженный окрик Алисы превратился в вопль, когда она увидела, что мальчик попал в человека. Ее брат в ужасе застыл на тротуаре. Девушка подбежала к дверцам подвала, но один из спутников упавшего, низкорослый и в бесформенной шляпе, уже ее опередил.

— Да будь ты проклят! Я всегда знал, что этот идиот упадет, — сказал другой угольщик, постарше. Но даже не повернул головы, заламывая руки и бросая беспокойные взгляды на угол Поссартштрассе, словно боялся того, что может оттуда появиться.

Алиса остановилась на краю лестницы в подвал, но не осмеливалась спуститься. В течение нескольких ужасных секунд она всматривалась в темный прямоугольник, пока оттуда не показался силуэт, словно чернота приобрела человеческую форму. Это был опередивший Алису помощник угольщика, и он нес того, кто упал.

— Боже правый, да он же совсем ребенок!

Левая рука раненого повисла под каким-то странным углом, пиджак и брюки были порваны. На голове и руках зияли раны, кровь ручьем стекала по лицу, смешиваясь с угольной пылью. Глаза его были закрыты, он даже не шевельнулся, когда товарищ уложил его на землю, вытащил из-под шляпы грязную тряпку и принялся вытирать кровь.

"Надеюсь, что он просто без сознания", — подумала Алиса, наклоняясь и взяв паренька за руку.

— Как вас зовут? — спросила Алиса, обращаясь к типу в шляпе.

Тот пожал плечами, показал на свое горло и замотал головой. Алиса поняла.

— Вы меня слышите? — спросила она, боясь, что он не только немой, но и глухой. — Мы должны ему помочь.

Тип в шляпе не обратил на нее ни малейшего внимания и повернулся в сторону угольных повозок, вытаращив глаза. Тот угольщик, что постарше, забрался на козлы первой повозки, наполненной углем, и отчаянно искал поводья. Он щелкнул кнутом, сделав в воздухе неуклюжую петлю. Лошади с фырканием тронулись.

— Поехали, Хульберт!

Тип в шляпе немного поколебался. Он шагнул в сторону второй повозки, но потом, похоже, передумал и развернулся. Он вложил окровавленную тряпку в руки Алисы, которая не могла прийти в себя от изумления при виде отвратительного поведения этих двоих. А потом он повернулся и последовал примеру старика.

— Вернитесь! — крикнула она. — Вы не можете бросить его здесь одного!

Девушка в ярости топнула ногой по мостовой. Но всё без толку.

Для Алисы самое сложное было не уговорить полицию, чтобы позволили отнести раненого к ней в дом, а побороть сопротивление Дорис, которая никак не хотела его выпускать. Алисе пришлось кричать на нее почти так же громко, как она завопила на Манфреда, чтобы он немедленно бежал искать помощь. В конце концов брат подчинился, а две горничные разогнали собравшихся в кружок зевак и внесли молодого человека в лифт.

— Фройляйн Алиса, вы же знаете, хозяин не терпит в доме посторонних, тем более, когда его нет дома. Я категорически против.

Угольщик безвольно и не приходя в сознание болтался между двумя служанками, которые были слишком стары, чтобы долго его тащить. Они находились на лестничной площадке, когда экономка преградила им путь.

— Мы не можем оставить его здесь, Дорис. Его нужно показать врачу.

— Это не наша забота.

— Дело в том, что в происшествии виноват Манфред, — сказала горничная, показывая на стоящего рядом побледневшего мальчика, который держал мяч так, чтобы он находился как можно дальше от тела, словно снова мог причинить кому-то увечья.

— А я говорю — нет. В конце концов, есть больницы для... специально для таких, как он.

— В этом доме за ним будет лучший уход.

Дорис смотрела на нее во все глаза, не веря своим ушам, а потом скривила губы в снисходительной улыбке. Она точно знала, какие слова больше всего разъярят хозяйскую дочь.

— Фройляйн, вы слишком молоды для того, чтобы...

"Так вот до чего дошло, — подумала Алиса, чувствуя, как ее лицо наливается кровью от гнева. — Но это у тебя не сработает".

— Дорис, ради всего святого, отойдите.

Она подошла к двери в квартиру и толкнула ее обеими руками. Экономка попыталась ее закрыть, но опоздала — дверь хлопнула ей по плечу. Она шлепнулась задом на ковер прихожей, беспомощно наблюдая, как брат и сестра ведут двух горничных внутрь. Служанки переглянулись, и Дорис была уверена, что они с трудом сдерживают смех.

— Имейте в виду, я этого так не оставляю, — заявила она в бешенстве. — Я обо всем сообщу вашему отцу.

— Можете не утруждаться, Дорис, — сказала Алиса, даже не посмотрев в ее сторону. — Когда он завтра вернется из Дахау, я скажу ему сама.

Хотя внутренне она была не настолько уверена, как прозвучали ее слова. Алиса знала, что с отцом возникнут проблемы, но в это мгновение не была расположена позволить экономке настоять на своем.

— Закройте глаза на минуточку. Мне бы не хотелось, чтобы в них попал йод. Вот так.

Алиса тихо вошла в гостевую комнату, стараясь не мешать врачу, который как раз протирал раненому лоб. Дорис с видом разъяренной фурии стояла в углу, переминаясь с ноги на ногу и многозначительно покашливая, выражая тем самым свое недовольство. Увидев Алису, она принялась демонстрировать его с удвоенной силой. Однако девушка упорно не замечала ее стараний и смотрела лишь на угольщика, лежавшего на кровати.

Покрывало было совершенно испорчено; Алиса с тоской думала об этом, когда ее глаза вдруг встретились с глазами раненого, и она тут же его узнала.

Ну конечно же! Тот официант на вечеринке! Нет, это не может быть он.

Но это был именно он, потому что она заметила, как он широко распахнул глаза и поднял брови. Прошло больше года, но она еще его помнила. Алиса вдруг поняла, чье лицо с белокурыми волосами завладело ее воображением, когда она пыталась представить себе Прескотта. Краем глаза она заметила, что Дорис не отрывает от нее взгляда, и потому изобразила зевок и открыла дверь комнаты. Используя ее в качестве ширмы между собой и экономкой, Алиса посмотрела на Пауля и приложила палец к губам.

— Ну что, как он? — спросила Алиса, когда врач вышел в коридор.

Это был щедушный человек с глазами навывкате, лечивший семью Танненбаумов еще до рождения Алисы. Сколько бессонных ночей она провела, проклиная этого человека, когда ее мать умерла от гриппа — проклиная за то, что он не смог ее спасти. Однако теперь его появление лишь заставило ее поежиться, словно от холода; казалось, от одного его взгляда по ее коже побежали мурашки.

— Левая рука сломана, но перелом, кажется, чистый. Я наложил шину и повязку, через шесть недель всё будет в порядке. Только проследите, чтобы он не двигал рукой.

— А что у него с головой?

— Все остальные раны поверхностные, должно быть, он получил их, ударившись о край ступеньки. Но кровоточили сильно. Я продезинфицировал рану на лбу, но ему необходимо принять ванну, и как можно скорее.

— Ему уже можно вернуться домой, доктор?

Врач повернул голову к Дорис, которая только что закрыла за ним дверь и явно хотела как можно скорее избавиться от раненого.

— Я бы посоветовал ему эту ночь провести здесь. Спокойной ночи, — ответил врач, надевая шляпу.

— Значит, так мы и поступим, доктор, — сказала Алиса, с вызовом глядя на Дорис.

Паулю было очень неудобно сидеть в ванне с горячей водой, скрючившись. Левую руку ему пришлось держать снаружи, чтобы не намочить только что наложенную шину. Малейшее движение причиняло боль покрытому ссадинами телу, которому никак не удавалось занять хоть сколько-нибудь удобное положение. С изумлением он глядел на окружающую его роскошь. Даже в особняке Шрёдеров, который по праву считался одним из самых роскошных в Мюнхене, не было таких удобств, как здесь — начиная с горячей воды, льющейся прямо из крана. Там приходилось таскать горячую воду из кухни ведрами, если кто-то желал принять ванну, что случалось каждый день.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не говоря уже о ванной комнате в пансионе, где все удобства ограничивались тазом и кувшином.

И это ее дом. Он думал, что больше никогда ее не увидит.

"Наверное, она меня стыдится", — подумал он, с тоской вспоминая, как она велела ему молчать.

— Какая грязная вода!

Пауль удивленно поднял голову. Алиса стояла в дверях ванной комнаты с веселой улыбкой на губах. Несмотря на то, что бортики ванной доходили ему почти до плеч, а поверхность воды покрывала серая пена, молодой человек покраснел.

— Что ты здесь делаешь?

— Пытаюсь соблюсти баланс, — улыбнулась она, глядя как Пауль прикрывается единственной рукой. — Я тебе кое-что должна за то, что ты меня спас.

— Учитывая, что это мяч твоего брата сбросил меня с лестницы, я бы сказал, что да, кое-что должна.

Алиса не ответила. Она пристально посмотрела на него, задержав взгляд на плечах и мускулистых руках. Отмытая от угольной пыли кожа оказалась очень светлой.

"Интересно, нежная ли она. Похоже, что да", — подумала Алиса.

— В любом случае, спасибо, Алиса, — сказал Пауль, приняв ее молчание за немой укор.

— Ты помнишь мое имя.

Теперь замолчал Пауль. Блеск глаз Алисы его удивил, и ему пришлось отвести взгляд.

— Ты так возмужал за этот год, — продолжила она через какое-то время.

— Это всё корзины с углем. Такие тяжелые, что кого угодно сделают силачом.

— Как случилось, что ты стал таскать уголь?

— Это долгая история.

Она взяла стоящий на углу ванны табурет и села совсем рядом.

— У нас достаточно времени. Так что можешь рассказывать.

— А ты не боишься, что тебя здесь застанут?

— Полчаса назад я легла спать. Экономка лично в этом убедилась. Но мне не составило труда обвести ее вокруг пальца и прийти сюда.

Пауль взял кусок мыла и стал крутить его в руке. Пена постепенно исчезала.

— После той вечеринки мы с тетей очень серьезно повздорили.

— По вине твоего кузена?

— Нет, причина была в другом. Это случилось много лет назад и касается моего отца. Мать говорила, что он погиб при кораблекрушении, а в тот день выяснилось, что все эти годы она мне лгала.

— Взрослые всегда нас обманывают, — со вздохом сказала Алиса.

— Нас с матерью вышвырнули на улицу. И эта работа — самое лучшее, что я смог найти.

— Я думаю, что тебе повезло.

— Ты называешь это везением? — дернулся Пауль. — Работать от зари до заката, не имея ни гроша в кармане и никаких перспектив на будущее? Хорошо везение, ничего не скажешь!

— У тебя есть работа, независимость, самоуважение, наконец, — сказала она, все больше распаляясь.

— Если бы ты знала, с какой радостью я бы обменял все эти блага вот на это, — указал он вокруг.

— Ты и понятия не имеешь, о чем говоришь. Правда ведь, Пауль?

— Имею, и гораздо большее, чем тебе кажется, — не сдержался он. — Ты уродуешь свою красоту и ум под этим бунтарским фасадом и тратишь время впустую, жалуясь на роскошную жизнь и наблюдая за жизнью других, вместо того, чтобы рискнуть и бороться за то, чего ты на самом деле хочешь.

Он резко замолчал, осознав, что только что сказал, и увидел, как на нее нахлынули чувства, словно в камине раздули огонь. Пауль открыл было рот, чтобы извиниться, но решил, что это будет только хуже, и промолчал.

Алиса медленно поднялась с табурета. На мгновение Пауль решил, что она уходит, в грядущие годы он еще много раз неправильно поймет намерения девушки. Она же лишь приблизилась к ванной, встала на колени рядом, склонилась над водой и поцеловала его в губы. Поначалу Пауля словно парализовало, но потом он начал отвечать на поцелуй.

Алиса отодвинулась и пристально на него посмотрела. Пауль понял, в чем заключена красота этой женщины: в бесстрашном блеске ее глаз. Он подвинулся и тоже ее поцеловал, но на этот раз слегка приоткрыв губы. Алиса ответила ему языком, поначалу робко, а потом со страстью. Через некоторое время она вырвалась из его объятий.

Они снова посмотрели друг на друга, а затем она вдруг окунула руку в воду.

— Что ты делаешь? — хрипло спросил Пауль.

— Рискую.

Вода оказалась холоднее, чем она ожидала.

Рука коснулась его живота, который был упругим, гладким и твердым, словно доска. Она нежно провела рукой по напряженным мускулам, по-прежнему глядя ему в глаза и даже не замечая, что грязная вода намочила рукав ее платья. Затем рука опустилась ниже, взъерошила волосы на его лобке и вдруг наткнулась на пенис, отвердевший, как палка. Пауль прикрыл глаза и застонал.

— Я сделала тебе больно?

— Нет, — ответил он, сглотнув. — Всё в порядке.

Она обхватила пальцами его пенис. Он оказался намного толще, чем ей представлялось. Весь свой опыт она почерпнула из зачитанных журналов, которые отец держал у себя в столе. Иногда по ночам она выбиралась из своей комнаты и пробиралась в кабинет отца, чтобы их полистать. Они садилась возле окна и читала их при свете луны, и сердце ее при этом замирало от возбуждения и страха, что ее могут здесь застать. Сопровождающие эти картинки истории были написаны фривольным языком, который казался ей смешным и при этом возбуждающим, с экстравагантными сравнениями.

Но в эту минуту все бывшие чувства показались ей лишь бледной тенью по сравнению с тем, что она испытала, лаская Пауля. Ведь это происходило по-настоящему.

— Не останавливайся, — прохрипел он чужим, странным голосом.

"Никто не делал ему этого раньше", — подумала Алиса, счастливая и гордая.

Ей хотелось сбросить одежду и забраться в ванну к Паулю, ощутить его член внутри себя. Пользуясь тем, что его глаза по-прежнему были закрыты, она запустила руку себе под юбку и принялась медленно себя ласкать.

И тут она услышала, как дверь в ванную комнату открылась.

Алиса вскочила и отпрянула от Пауля, однако было уже поздно. В ванную комнату вошел отец. Едва взглянув на нее, он всё понял. Рукав ее платья был совершенно мокрым, так что даже столь лишенному воображения человеку, каким был Йозеф Танненбаум, не составило труда догадаться, что здесь происходило за секунду до его прихода.

— Ступай в свою комнату, — велел он дочери.

— Но, папа... — пролепетала она, не зная, что сказать.

— Сейчас же!

Девушка разрыдалась и бросилась прочь. По дороге она едва не сбила с ног Дорис, которая наградила ее торжествующей улыбкой.

— Судя по всему, фройляйн, ваш отец вернулся домой не вовремя. Какая досада, не правда ли?

Пауль не чувствовал за собой вины, сидя голым под водой, становящейся всё холоднее. Когда Танненбаум приблизился, он попытался встать, но тот с силой схватил его за плечо. Несмотря на то, что он был гораздо ниже Пауля, сил у него оказалось значительно больше, чем предполагала располневшая фигура. Молодой человек попытался увильнуть, но сидя в скользкой ванной и опираясь лишь на одну руку, не мог подняться.

Танненбаум уселся на табурет, где несколько минут назад сидела Алиса. Он ни на секунду не выпускал из рук плечо Пауля, и тот испугался, что Танненбаум вдруг решит надавить и погрузить его в воду с головой.

— Как тебя зовут, угольщик?

— Пауль Райнер.

— Ты ведь не еврей, не так ли, Райнер?

— Нет.

— Так вот, Райнер, послушай меня, — произнес Танненбаум тем угрожающе-ласковым тоном, каким дрессировщик разговаривает с бестолковой собакой, стремясь обучить ее новым трюкам. — Моя дочь — наследница огромного состояния, и по своему рождению она стоит неизмеримо выше тебя. А ты — всего лишь кусок дерьма, прилипший к ее башмакам. Надеюсь, тебе это ясно?

Пауль не ответил. Он смог преодолеть смущение и молча смотрел на Танненбаума, в ярости сжав губы. В этот миг для него не было в мире никого более ненавистного, чем этот человек.

— Вижу, что не ясно, — сказал он, выпуская из цепкой хватки плечо Пауля. — Ну что ж, по крайней мере, я успел вернуться раньше, чем она натворила настоящих глупостей.

Танненбаум достал бумажник и извлек из него толстую пачку банкнот. Сложив деньги аккуратной стопкой, он пристроил ее на край мраморной раковины.

— Это компенсация за те неприятности, которые ты пережил из-за оплошности Манфреда. А теперь можешь идти.

С этими словами Танненбаум указал ему на дверь, однако прежде, чем Пауль вышел, взглянул на него в последний раз.

— Кстати говоря, Райнер, хоть тебя это и не касается, но этот вечер я провел в гостях у будущего свекра моей дочери, мы с ним обсуждали последние детали ее будущей свадьбы.

Этой весной она выйдет замуж за дворянина.

"Тебе повезло, Пауль. Ведь ты ни от кого не зависишь", — вспомнились Паулю слова Алисы.

— А Алиса знает? — спросил он, стиснув зубы.

Танненбаум презрительно фыркнул.

— Не смей произносить ее имени.

Пауль выбрался из ванны и стал одеваться, даже не воспользовавшись полотенцем. Его совершенно не заботило, что он может простудиться и подхватить воспаление легких. Затем он взял с раковины пачку банкнот и прошел в спальню, где за ним неотступно следила Дорис.

— Позвольте мне проводить вас до дверей, — предложила она.

— Не стоит беспокоиться, — ответил молодой человек, махнув в сторону коридора, в конце которого отчетливо маячила входная дверь.

— Нам бы не хотелось, чтобы вы по ошибке прихватили с собой что-нибудь лишнее, — саркастически заметила экономка.

— Верните эти деньги вашему хозяину, фрау, — сказал Пауль срывающимся голосом, протягивая ей пачку банкнот. — Мне они не нужны.

Почти бегом он бросился к выходу, но Дорис уже не смотрела в его сторону. Теперь она смотрела только на деньги, и плутоватая улыбка блуждала по ее лицу.

Последующие недели Пауль пережил с трудом.

Когда он снова появился в каретном сарае, ему пришлось выслушать натужные извинения Клауса, который избежал штрафа, но страдал от угрызений совести, что бросил Пауля на дороге. По крайней мере, это смягчило его недовольство сломанной рукой Пауля.

— Зима в самом разгаре, а разгрузкой придется заниматься бедняге Хульберту и мне, и это когда у нас столько заказов. Настоящая трагедия.

Пауль не стал добавлять, что столько заказов они имеют благодаря его плану по покупке второй повозки. Он просто не хотел слишком много болтать и погрузился в молчание, почти как Хульберт, на многие часы словно приклеившись к козлам с потерянным взглядом.

При удобном случае он попытался вернуться в квартиру на Принцрегентплатц, в тот час, когда посчитал, что Танненбаума нет дома, но слуга закрыл дверь перед его носом. Он бросил для Алисы несколько записок в почтовый ящик, назначив ей свидание в ближайшем кафе, но она так и не появилась. А по воскресеньям, в единственный день, когда он мог приблизиться к дому в дневные часы и пройти мимо подъезда, она никогда не показывалась. Он встречал только привратника, без сомнения, предупрежденного Йозефом Таннебаумом, который рекомендовал ему не болтаться в этом квартале, если не хочет собирать зубы с мостовой.

Пауль всё больше уходил в себя, и в те немногие минуты, когда сталкивался с матерью в пансионе, едва обменивался с ней парой слов. Ел он мало, почти не спал и правил повозкой почти машинально, не обращая внимания ни на что вокруг. Однажды заднее колесо повозки каким-то чудом избежало встречи с трамваем. Выслушивая проклятья пассажиров, которые ругались, что он мог бы погубить всех, молодой человек говорил себе, что должен что-то предпринять и разогнать меланхолию, в которую погрузился его разум, словно окутанные облаками горы.

Неудивительно, что пребывая в таком состоянии, он не заметил человека, который остановился однажды днем на Фрауенштрассе и уставился на него. Сначала он медленно приблизился к повозке, чтобы рассмотреть Пауля вблизи, пытаясь, однако, не попадаться ему на глаза. Потом он что-то записал в вынутom из кармана блокноте, тщательно выведя имя Клауса Графа — теперь, когда у Пауля появилось свободное время, а рука немного зажила, борта повозки всегда были чистыми, а буквы четко видны, и это немного смягчало гнев угольщика. И наконец, наблюдатель уселся в ближайшей от того места, где стояла повозка, пивной. Лишь после этого он подошел к дому, куда они поставляли уголь, чтобы задать несколько аккуратных вопросов привратнику.

Юрген пребывал в самом скверном расположении духа. Он только что получил табель

за первую четверть, и оценки были весьма неважными.

"Придется заставить этого придурка Курта дать мне несколько частных уроков. Может, он сделает за меня несколько домашних заданий. Попрошу, чтобы он пришел к нам домой и воспользовался моей печатной машинкой, чтобы нас не раскусили", — подумал Юрген.

Это был последний год бакалавриата, и он давал пропуск в университет и ко всему, что из этого вытекало. У Юргена не было особого интереса ни к какой профессии, но ему хотелось покрасоваться в студенческом городке своим баронским титулом. Хотя он им пока не обладал.

Там будет полно красоток. Они облепят меня, как мухи.

Он фантазировал об университете у себя в комнате, когда в дверь постучала горничная — новенькая, которую матери пришлось нанять после ухода Райнеров.

— Герр Юрген, к вам пришел герр Крон.

— Пусть войдет.

Когда приятель вошел, Юрген с радостным рыком бросился ему навстречу.

— Ты как раз вовремя, дружище. Поставь для меня закорючку в табеле, а то если его увидит отец, он будет вне себя. Я уже всё утро пытаюсь подделать его подпись, но так и не преуспел, — сказал он, показывая на пол, заваленный скомканными и исчириканными бумагами.

Крон взглянул на лежащий на столе раскрытый табель и удивленно присвистнул.

— Ну и дела-а!

— Ты же знаешь, что этот Вабург меня ненавидит.

— Я вижу, что и другие преподаватели полностью разделяют его чувства. Но я пришел не для того, чтобы обсуждать твою успеваемость, Юрген. Я принес тебе потрясающие новости. Готовься к открытию охотничьего сезона.

— О чем ты говоришь? Какая еще охота?

Крон улыбнулся, с удовольствием предвкушая, как будет ценить его Юрген, когда узнает.

— Охота на одну птичку, которая вылетела из гнезда, дружище. На одну птичку со сломанным крылышком.

Пауль слишком поздно заподозрил неладное.

День начался для него, как обычно: с поездки на трамвае от пансиона до сарая Клауса Графа на берегу Изара. Когда он добрался до места, было еще темно, и ему пришлось будить Хульберта, а потом поить его горячим кофе из термоса. В последнее время немой проникся к нему самой нежной дружбой, которая совершенно вытеснила первоначальное недоверие, и Пауль очень любил те утренние часы, когда они вдвоем запрягали лошадей и загружали повозки углем. Их подгоняли к огромному вагону, полному угля; вагон имел широкий металлический желоб, который заканчивался огромным ковшом, способным наполнить повозку за десять минут. Служащий записывал, сколько угля получили работники Графа, чтобы потом выслать еженедельный счет. Потом они с Хульбертом отправлялись к первому клиенту, где их уже дожидался Клаус, нетерпеливо попыхивая трубкой. Простые и утомительные будни.

Добравшись до сарая, Пауль толкнул дверь, как делал каждое утро. Ее никогда не запирали на ключ, потому что внутри нечего было красть, кроме лошадиной сбруи. Хульберт спал в полуметре от лошадей, в комнатке с кроватью, примыкающей к сараю справа.

— Просыпайся, Хульберт! Сегодня больше снега, чем обычно. Придется выйти чуть пораньше, если мы хотим оказаться в Мюнхене вовремя.

Немой не проявлял никаких признаков жизни, но в этом не было ничего удивительного. Паулю всегда стоило немалых трудов его разбудить.

Внезапно Пауль услышал беспокойное фырканье лошадей в стойлах, внутри у него всё сжалось и возникло чувство, которое он давно не испытывал. Словно легкие превратились в свинец, а во рту возник кислый привкус.

Юрген.

Он шагнул к двери, но тут же застыл. Они были там и надвигались из всех углов, он проклинал себя, что не заметил их раньше. Из шкафа, где хранились лопаты, из стойла, из-под повозок. Их было семеро — всё те же семеро, что преследовали его во время вечеринки на дне рождения Юргена, с тех пор прошла целая вечность. Их лица стали шире и грубее. Они больше не носили школьных курток, а были в толстых шерстяных костюмах и сапогах — вполне подходящая одежда для такой задачи.

— На этот раз тебе не удастся проскользнуть от нас на пузе, кузен. Пол здесь отнюдь не мраморный, — сказал Юрген, с усмешкой поглядев на грязный пол сарая.

— Хульберт! — безо всякой надежды крикнул Пауль.

— Твой умственно отсталый приятель привязан к кровати. Ему даже рот затыкать не пришлось, он ведь немой, — сказал один из приспешников кузена. Остальные, похоже, сочли эти слова крайне остроумными.

Пауль запрыгнул на одну из повозок, а дружки Юргена обступили его со всех сторон. Один из них попытался схватить его за лодыжку, но Пауль вовремя поднял ногу и опустил ее на пальцы нападавшего. Раздался хруст, и тот с воплем отдернул руку.

— Он мне ее сломал! Вот сукин сын!

— Заткнись! Этот кусок дерьма через полчаса будет весь, как твоя рука, — заявил Юрген.

Несколько человек приблизились с задней стороны повозки. Краем глаза Пауль заметил, как другой схватился за козлы, чтобы забраться наверх, но заколебался. Паулю показалось, что он видит блеск ножа.

И тут словно молния озарила разум, он вспомнил одну из тех многочисленных ситуаций, которые выдумывал в детстве в качестве причины кораблекрушения отцовского фрегата: он со всех сторон окружен врагами, идущими на абордаж, и Пауль сказал себе, что эта повозка — и есть его корабль.

И он не позволит взять его на абордаж.

Он огляделся, отчаянно выискивая что-либо, что может сгодиться в качестве оружия, но под руками оказались только кусочки угля, завалившиеся на деревянном полу повозки. Они были так малы, что пришлось бы кинуть штук сорок или пятьдесят, чтобы причинить хоть какой-нибудь ущерб. Учитывая сломанную руку, его единственным преимуществом оставалась высота повозки — идеальная, чтобы нанести удар прямо в лицо любому, кто решит на нее залезть.

Еще один нападавший попытался забраться на задок повозки, но Пауль понял, что это просто уловка. Тот, что находился у козел, воспользовался этим, чтобы ухватиться сильнее, подняться и наброситься на молодого человека сзади. Пауль быстро отвинтил крышку термоса и выплеснул горячий кофе в лицо тому, что был сзади. Кофе уже не был кипящим, как час назад, когда Пауль готовил его на плитке в своей комнате, но достаточно горячим, чтобы нападавший обхватил обожженное лицо руками. Пауль столкнул его с повозки. Тот со стоном завалился навзничь.

— Вот дерьмо! Чего мы ждем? Давайте все разом, — приказал Юрген.

Пауль заметил, как сверкнул нож. Он пару раз развернулся вокруг своей оси, поднимая кулаки, чтобы показать им, что не боится, но все, кто находился в этом замызганном сарае, знали, что это ложь.

Десяток рук уцепились за повозку в десяти местах. Пауль раздавал пинки направо и налево, но через несколько секунд его окружили. Один из задира схватил его за левую руку, и Пауль в попытке освободиться со всего маха налетел лицом на чей-то кулак. Он ощутил хруст и вспышку боли, когда ему сломали нос.

Мгновение он не видел ничего, кроме красного пульсирующего света. Он выбросил кулак, который прошел в километре от кузена Юргена.

— Держи его, Крон!

Пауль почувствовал, что его тащат назад за пояс и куртку. Он повернулся, но всё было бесполезно. Через несколько секунд он был полностью обездвижен и предоставлен на милость кузена. Железная хватка одного из нападавших, вцепившегося ему в шею, заставила его посмотреть прямо в лицо Юргену.

— Уже не убежишь, да?

Юрген перенес вес на правую ногу и отвел руку назад. Удар пришелся по животу. Пауль почувствовал, что из тела как из спущенной шины выходит воздух.

— Бей сколько угодно, Юрген, — выговорил Пауль, когда смог немного восстановить дыхание. — Ты всё равно останешься никчемной свиньей.

Еще один удар, на этот раз по голове, и бровь рассечена надвое. Кузен тряс рукой и массировал поврежденные пальцы.

— До тебя еще не дошло? Вы пришли за мной всемером, один меня держит, а я всё равно причинил тебе больше ущерба, чем ты мне, — заявил Пауль.

Не обращая внимания на поврежденную руку, Юрген надвинулся на Пауля и с такой силой схватил его за волосы, что тому показалось, будто у него вырвали половину шевелюры.

— Ты убил Эдуарда, подонок.

— Я должен был ему помочь. Это гораздо больше, чем сделала для него вся остальная семья.

— Теперь ты внезапно вспомнил о родстве с фон Шрёдерами, кузен? А я-то думал, что ты его отрицаешь. Разве ты не это сказал той еврейской шлюшке?

— Не смей называть ее так!

Юрген придвинулся еще ближе, так что их дыхание смешалось. Его глаза впились в глаза Пауля, как две голубые пиявки, готовые выпить всю кровь из тех ран, которые причинят его слова.

— Не волнуйся, она пробудет шлюшкой совсем недолго. Скоро она станет почтенной дамой. А именно — баронессой фон Шрёдер.

Пауль немедленно понял, что это правда, а не просто очередное оскорбление кузена. Где-то в животе возникла горечь боли, он издал неясный и отчаянный вопль, который Юрген встретил с широко открытыми глазами и хохотом. Наконец, он выпустил из рук волосы Пауля, и его голова упала на грудь.

— Ладно, ребята, пусть получит по заслугам.

В это мгновение Пауль со всей силы запрокинул голову. Тот, кто держал его сзади, ослабил хватку после ударов Юргена, считая Пауля уже поверженным. Затылок Пауля врезался в лицо молодчику, тот выпустил его и упал на колени. Остальные набросились на Пауля и свалились на пол всей кучей.

Пауль молотил руками, вслепую нанося удары, а деревянные борта повозки скрипели под весом всех этих тел. В неразберихе он нащупал пальцами что-то твердое и схватил этот предмет. Он хотел подняться и улизнуть, и это ему почти удалось, когда Юрген заметил его и навалился сверху, спрыгнув с кучи тел. Пауль машинально прикрыл лицо, не осознавая, что в руке держит тот предмет, который только что схватил.

Раздался чудовищный вопль, а потом всё затихло.

Пауль отпрянул чуть дальше, прижавшись в бортику повозки, и увидел, как кузен корчится на ее дне, стоя на коленях. Из его правого уха торчала деревянная рукоятка короткого ножа, чуть длиннее перочинного. Парню повезло — если бы кому-нибудь из его приятелей пришла в голову блестящая идея взять с собой что-нибудь побольше, Юрген был бы уже мертв.

— Вытащите его! Вытащите! — визжал он.

Остальные глядели на него, не в силах пошевелиться, лежа всё в той же куче на дне повозки. Они предпочли бы находиться где-нибудь в другом месте. Теперь это перестало быть игрой.

— Как больно! Помогите мне, черт возьми!

Наконец, один из молодчиков поднялся на ноги и подошел к Юргену.

— У тебя ничего не выйдет, — в ужасе сказал Пауль. — Отвезите его в больницу, пусть там вытащат.

Тот бросил на него безжизненный невыразительный взгляд, будто его вообще здесь нет или он не контролирует свои поступки. Он придвинулся к Юргену и схватился за рукоятку ножа, чтобы его вытащить, но не рассчитывал на то, что рана кривая. Когда он попытался вытащить нож, Юрген резко и произвольно дернулся в другую сторону, и лезвие, словно

лопата, подцепило большой кусок его глазного яблока.

Юрген прекратил вопить и поднес руку к тому месту, где за мгновение до того находился нож.

— Не вижу. Почему я не вижу?

И потерял сознание.

Тот его приятель, что только что вытащил нож, ошеломленно созерцал розоватую массу, которая вытекла из правого глаза Юргена фон Шрёдера на лезвие ножа и шлепнулась на пол.

— Везите его в больницу! — крикнул Пауль.

Остальные головорезы медленно поднялись на ноги, глядя на своего предводителя и не понимая, что случилось. Они шли сюда, чтобы завоевать легкую и полную победу, а вместо этого произошло совершенно немыслимое.

Двое взяли Юргена за руки и за ноги и спустили с повозки. Они направились к двери, а остальные последовали их примеру. Никто не произнес ни слова.

Остался лишь тот, что держал нож, вопросительно глядя на Пауля, который тоже встал.

— Ну давай, попробуй, — сказал он, взмолившись, чтобы тот не осмелился.

Молодчик с ножом раскрыл ладонь, выпустил нож и пустился бежать. Пауль проводил его взглядом, пока он не исчез в двери, а потом зарыдал.

— Я не стану этого делать.

— Ты — моя дочь, и будешь делать то, что я тебе велю.

— Я не вещь, которую можно купить или продать!

— Это откроет для тебя большие возможности в жизни.

— Скорее уж для тебя.

— Ты станешь баронессой.

— Ты его не знаешь, отец. Он же настоящая свинья, грубая и наглая...

— Когда мы познакомились с твоей матерью, она честила меня такими же словами.

— Ни слова о матери! Она бы уж точно не стала...

— Что не стала бы? Не стала бы заботиться о твоём благе? Не захотела бы сделать тебя счастливой?

— Не стала бы против воли выдавать дочь за ненавистного человека. К тому же — за гою.

— Ты бы предпочла кого-то другого? Какого-нибудь бедняка, умирающего от голода, как этот твой приятель-угольщик? Так ведь он тоже не еврей, Алиса.

— Зато он хороший человек.

— Это ты так думаешь.

— Он доказал мне это, если хочешь знать.

— Превосходные доказательства. Потянули на целых три тысячи марок.

— Что?

— В тот день, когда он почтил нас своим визитом, я положил для него на край раковины пачку банкнот. Ровно три тысячи марок — в качестве компенсации за причиненный ущерб, а также платы за то, чтобы он больше здесь не показывался.

— Что?

— Я всё понимаю, девочка моя... Понимаю, как тебе трудно это принять...

— Это ложь!

— Клянусь тебе памятью твоей матери, что твой друг-угольщик взял эти деньги. Ты же знаешь, я не шучу такими вещами.

— Я...

— Этот человек недостойн тебя, Алиса. Подойди, обними меня и...

— Не прикасайся ко мне!

— Это пройдет. И ты потом полюбишь сына барона фон Шрёдера, как твоя мать в конце концов полюбила меня, поверь.

— Я тебя ненавижу!

— Алиса! Алиса, вернись!

Два дня спустя она ушла из дома в предрассветную мглу, под завесой снегопада.

В руке она несла большой чемодан, куда сложила одежду и все деньги, какие только смогла собрать. Денег было не так много, но всё же достаточно, чтобы худо-бедно протянуть несколько месяцев, пока она не найдет приличную работу. Ее безумные и по-детски наивные планы отправиться в Соединенные Штаты на поиски Прескотта — вполне, впрочем, простительные для девочки, привыкшей путешествовать в каютах первого класса и

питаться омарами — теперь остались позади. Теперь это была совершенно другая Алиса, которая должна всего добиться сама.

Кроме того, в чемодане лежал медальон, когда-то принадлежавший матери, в котором хранились две фотографии: Алисы и Манфреда. Этот медальон был на шее матери в день ее смерти.

Перед тем, как уйти, Алиса остановилась возле двери в комнату брата. Она уже коснулась дверной ручки, но в итоге так и не решилась ее повернуть. Она боялась, что, если увидит круглое невинное личико Манфреда, ее охватят сомнения, и в итоге она останется дома. Ее воля на поверку оказалась далеко не такой нестигаемой, как она думала.

"И пора это изменить", — подумала она, выйдя на улицу.

Ее ноги, обутые в добротные кожаные ботиночки, оставляли за собой цепочку грязных следов, но вьюга позаботилась о том, чтобы их стереть.

Когда в день драки они с Хульбертом явились на погрузку на целый час позже обычного, Клаус Граф встретил их, совершенно белый от ярости. Однако, увидев разбитое лицо Пауля и выслушав его рассказ о случившемся, подтвержденный постоянными кивками Хульберта, которого Пауль действительно обнаружил на кровати, связанным по рукам и ногам, Клаус отправил его домой.

На следующее утро Пауль был чрезвычайно удивлен, застав его в сарае, где Клаус никогда не появлялся раньше вечера. Тем не менее, как бы ни был Пауль взволнован недавними событиями, от него всё же не укрылось странное выражение на лице угольщика.

— Добрый день, герр Граф? Почему вы здесь? — осторожно спросил Пауль.

— Да ничего такого, просто я хотел убедиться, что ты не влип в новую историю. А ты-то сам, Пауль, разве можешь поручиться, что эти парни больше не вернутся?

Молодой человек, слегка призадумавшись, вынужден был ответить:

— Нет.

— Вот и я так подумал.

С этими словами Клаус сунул руку в карман пальто, вытащил оттуда пару мятых грязных купюр и с виноватым видом протянул их Паулю.

Молодой человек молча взял деньги, он уже и сам всё понял.

— Здесь, как я понимаю, мое жалованье за месяц, в том числе и за сегодняшний день, — сказал он. — Вы меня увольняете?

— Я думаю, что после того, что случилось вчера... Мне бы не хотелось проблем в моем деле, ты ведь понимаешь?

— Понимаю.

— Я вижу, ты не удивлен, — заметил Клаус. Под глазами у него пролегли темные круги; очевидно, он провел бессонную ночь, долго раздумывая, прежде чем всё же решился уволить Пауля.

Тот посмотрел на него, сомневаясь, стоит ли рассказать о всей глубине той пропасти, в которую Клаус его отправляет этой пачкой банкнот в руке. И решил не говорить, потому что угольщик и так это знал. Он предпочел иронию, к которой ему всё чаще приходилось прибегать вместо сдачи.

— Это уже второй раз, когда вы меня предаете, герр Граф, — сказал он. — Когда такие вещи повторяются слишком часто, они теряют свою остроту.

— Этого не может быть!

Барон улыбнулся в ответ, сделав глоток травяного чая, довольно резко пахнущего. Он искренне радовался такому повороту дел и, что еще хуже, даже не считал нужным это скрывать. Ведь теперь он увидел перед собой возможность заполучить денежки еврея без необходимости женить Юргена на его дочери.

— Дорогой Танненбаум, я весьма сожалею, но ничего не могу поделать.

— Еще бы!

— Но согласитесь, ведь невеста исчезла, так?

— Так, — неохотно признал тот.

— А если нет невесты, значит, не может быть и свадьбы, — продолжал барон, многозначительно откашлявшись. — И, кстати, ее исчезновение — на вашей совести, и все расходы тоже ложатся на вас.

Танненбаум заерзал в кресле, не зная, что ответить. Он налил себе еще чаю, высыпав в чашку добрую половину сахарницы.

— Вижу, вам нравится сладкое, — сказал барон, подняв бровь. В свою очередь, удивленное выражение лица Йозефа медленно изменилось, и это изменение подействовало на барона гипнотически, благодаря чему баланс власти сместился, и Танненбаум снова взял в свои руки бразды правления.

— Как бы то ни было, за этот сахар заплатил я.

Барон отреагировал недовольной гримасой.

— А вот грубить, право, всё же не стоит.

— Вы считаете меня идиотом, барон? Помнится, вы говорили, что вам нужны деньги, чтобы построить завод резиновых изделий — вроде того, который вы потеряли несколько лет назад. Я поверил вам и ссудил огромную сумму, которую вы у меня попросили. И что же я обнаружил спустя два года? Я узнал, что никакого завода нет и в помине, а деньги вложены в ценные бумаги, к которым только вы имеете доступ.

— Это надежное капиталовложение, Танненбаум.

— Может, и так. Но я не доверяю его владельцу. Уже не в первый раз вы ставите состояние семьи на выигрышную комбинацию за карточным столом.

Отто изобразил на лице оскорбленное выражение, хотя ничего такого не чувствовал. В последнее время его снова охватила лихорадка игрока, и он проводил бессонные ночи, глядя на кожаную папку, содержащую те бумаги, в которые он вложил деньги Танненбаума. Все бумаги имели пункт о немедленном выкупе, так что он мог превратить их в банкноты меньше чем за час, всего лишь поставив свою подпись и выплатив приличную пеню. Он не обманывался: барон прекрасно знал, зачем включил это условие. Знал, на какой риск идет. Каждый раз перед сном он пил всё больше, а на прошлой неделе снова вернулся за карточный стол.

Не в мюнхенское казино, он не такой идиот. Он скрылся под самой скромной одеждой, какую смог найти, и отправился в трущобы Альтштадта [\[8\]](#). В притон с опилками на полу и размаляванными шляхами, на чьих лицах было больше краски, чем на всех полотнах Старой Пинакотеки [\[9\]](#). Он заказал корн и сел играть за столом, где ставки не превышали двух марок.

В его кармане было пятьсот — максимум, который он разрешил себе потерять.

Случилось самое худшее из того, что могло произойти: он выиграл.

Даже с этими засаленными картами, которые прилипали друг к другу, как новобрачные в медовый месяц, даже несмотря на опьянение, вызванное заказанным пойлом и дымом, от которого щипало в глазах, даже несмотря на мерзкий запах, наполнявший этот подвал. Он всё равно выиграл. Не слишком много, как раз достаточно, чтобы выйти из притона, не получив ножом в живот. Но он выиграл, и теперь жало азарта впивалось в него всё чаще.

— Боюсь, что вам придется довериться моим суждениям относительно этих денег, Танненбаум.

В ответ промышленник лишь скептически рассмеялся.

— Как я вижу, вы решили оставить меня и без денег, и без свадьбы. Хотя я всегда могу раньше времени потребовать оплату подписанных вами векселей, барон.

Отто сглотнул. Он не мог позволить, чтобы у него забрали папку, хранящуюся в ящике стола. И не только потому, что дивидендами от этих бумаг он понемногу покрывал свои долги.

Нет.

Только лаская эту папку и воображая, что сможет сделать с деньгами, он был в состоянии пережить все эти длинные ночи.

— Как я вам уже сказал, не стоит грубить. Я обещал вам брачный союз между нашими семьями, и вы его получите. Разыщите невесту, и мой сын будет ждать ее у алтаря.

В течение трех дней Юрген не желал разговаривать с матерью.

Когда на прошлой неделе его выписали из больницы, барон услышал историю — весьма однобокую — о том, как Юрген лишился глаза. Увечье сына стало для него тяжким ударом (даже более тяжким, чем когда Эдуард вернулся с войны калекой — как тупо подумалось Юргену). Тем не менее, он наотрез отказался обращаться в полицию, как ни возмущались по этому поводу Юрген и его мать.

— Но мы не должны забывать, что именно они явились туда с ножом, — стоял на своем Отто.

Юрген, тем не менее, знал, что отец лжет, и что на самом деле причины здесь куда более серьезные. Он пытался расспросить об этом Брунхильду, но она вновь и вновь уклонялась от ответа, подтверждая тем самым его подозрения, что здесь дело нечисто. Тогда Юрген заперся у себя в комнате и погрузился в глухое молчание, полагая, видимо, что мать долго не выдержит и уступит.

Однако Брунхильда хоть и страдала, но не сдавалась.

Вместо того, чтобы скандалить с сыном, она принялась заваливать его подарками, сладостями и любимыми деликатесами. Их было столько, что в конце концов даже Юрген, уж на что избалованный, испорченный и привыкший считать себя центром Вселенной, начал задыхаться от такого внимания и готов был бежать из особняка куда глаза глядят.

Поэтому, когда его навестил Крон и предложил, как всегда, сходить вместе на какой-то

митинг, Юрген дал совершенно неожиданный ответ.

— Пошли, — сказал он, хватая пальто.

Крон, который уже несколько лет безуспешно пытался заинтересовать Юргена политикой — сам он состоял сразу в нескольких националистических партиях — пришел в восторг от такого решения своего друга.

— Не сомневаюсь, что это поможет тебе развеяться, — сказал он, всё еще немного смущенный тем, что произошло в сарае неделю назад, когда они всемером не смогли справиться с одним задохликом.

Юрген не питал слишком больших надежд. Он принимал болеутоляющие, и пока они ехали на трамвае в центр города, нервно теребил широкую повязку, которую носил уже несколько дней.

"А потом всю оставшуюся жизнь придется носить накладку на глазу по вине этой жалкой свиньи Пауля", — думал он, почувствовав прилив жалости к самому себе.

Вдобавок тот еще и испарился. Двое приятелей Юргена караулили у сарая и обнаружили, что Пауль больше там не работает. Юрген сомневался, что в ближайшее время им удастся его найти, и это жгло ему нутро.

Охваченный жалостью к самому себе и ненавистью, по дороге в "Хофбройхаус" [\[10\]](#) сын барона едва слушал Крона.

— Это просто потрясающий оратор. Это великий человек, Юрген, сам убедишься.

Он не обращал внимания ни на великолепный интерьер старой пивоварни, построенной более трех столетий назад баварскими королями, ни на фрески на стенах. Он сел на одну из скамеек в огромном зале рядом с Кроном и в угрюмом молчании поглощал пиво.

Когда на трибуну поднялся оратор, о котором говорил Крон, Юрген подумал, что его друг свихнулся. Этот человечек с ковыляющей походкой меньше всего походил на того, кто обладает твердой позицией. Всё в нем, начиная с прически и усов и до мятого дешевого костюма, несло тот дух, который Юрген ненавидел.

Пять минут спустя Юрген изумленно оглядывался вокруг. В зале собралась толпа по меньшей мере из двухсот человек, и все они хранили полное молчание. Их губы размыкались только для того, чтобы пробормотать в очередной раз "браво" или "он прав". Говорили их руки, хлопающие каждый раз, когда человечек делал паузу.

Почти против своей воли Юрген начал прислушиваться. Он едва понимал тему выступления, потому что сын барона жил совершенно в ином мире, чем все эти люди, беспокоясь лишь о развлечениях. Он узнавал отдельные обрывки фраз, которые отец произносил за завтраком, листая газету. Проклятья в сторону французов, англичан и русских. Вся эта безумная галиматья.

Однако из этой неразберихи Юрген начал извлекать здравый смысл. Не из слов, которые едва понимал, а с помощью эмоций, которыми полнился голос этого человека, из его страстных жестов и сжатых кулаков в конце каждой фразы.

Совершена чудовищная несправедливость.

Германия получила удар в спину.

Евреи и масоны нанесли ей роковой удар в Версале.

Германия потеряна.

Вину за бедность, безработицу, босые ноги немецких детей несут евреи, контролирующее правительство в Берлине — свою огромную бесхребетную марионетку.

Юрген, которого совершенно не трогали ни босые ноги немецких детей, ни Версаль,

которого никогда не волновало ничто, кроме собственной персоны, вдруг вскочил и бешено аплодировал оратору целую четверть часа. Еще до конца его речи Юрген сказал себе, что последует за ним хоть на край света.

Во время митинга Крон извинился и объявил, что скоро вернется. Юрген снова замолчал, пока приятель не тронул его за плечо. Он вернулся вместе с оратором, который снова выглядел бедным и беспомощным, с бегающим и недоверчивым взглядом. Но наследник барона уже ничего этого не замечал, он сделал шаг вперед, чтобы его поприветствовать, когда Крон с улыбкой провозгласил:

— Дорогой Юрген, позволь представить тебе Адольфа Гитлера.

1923

Где посвященный открывает новую реальность с новыми правилами

Это секретное рукопожатие ученика, которое служит для того, чтобы члены масонского братства узнали друг друга. Большой палец прижимают к верхней фаланге указательного пальца того человека, которомужимают руку, а он, в свою очередь, отзывается таким же жестом. Его тайное название — ВООЗ, такое имя носит колонна, олицетворяющая луну в Храме Соломона. Если масон сомневается, что второй тоже принадлежит братству, он просит его произнести это слово по буквам. Самозванцы начинают с буквы В, а настоящий посвященный начнет с буквы О, вот так: О-В-О-З.

— Добрый вечер, фрау Шмидт, — сказал Пауль. — Что вам угодно?

Женщина быстро огляделась, словно делая вид, что раздумывает, хотя на самом деле не сводила глаз с мешка картошки в поисках ценника. Но тщетно. Паулю надоело ежедневно их менять, так что он просто каждое утро запоминал цены.

— Два килограмма картошки, пожалуйста, — ответила она, не решаясь спросить.

Пауль стал класть клубни на весы. За спиной женщины пара ребятишек созерцала витрину с леденцами, стиснув кулачки в пустых карманах.

— Килограмм картошки стоит шестьдесят тысяч марок, — послышался из-за прилавка колючий неприятный голос.

Женщина взглянула на герра Циглера, владельца лавки, но лишь покраснела и ничего не сказала.

— Простите, фрау... У меня больше не осталось картошки, — солгал Пауль, который утром до ломоты в позвоночнике разгружал в подсобке мешки, но еще должны были прийти многие обычные клиенты. Почему бы не дать ей всего килограмм?

На ее лице отразилось такое очевидное облегчение, что Паулю пришлось отвести взгляд, чтобы не улыбнуться.

— Хорошо. Наверное, придется записать его в кредит.

Пауль вытащил из сумки несколько картофелин, пока весы не остановились на отметке 1000. Последний клубень, особенно крупный, он не вытащил из сумки, а просто придержал рукой, убедившись, что всё остальное весит ровно килограмм, а потом бросил его обратно, словно по рассеянности.

Этот жест не ускользнул от внимания женщины, у которой слегка задрожала рука, когда она расплачивалась и забирала сумку. Когда она уходила, герр Циглер ее остановил.

— Минуточку!

Побледнев, женщина повернулась к нему.

— Да?

— Это потерял ваш сын, фрау, — сказал лавочник, протягивая ей маленькую кепочку.

Женщина пробормотала слова благодарности и выскочила вон из лавки.

Герр Циглер снова направился за прилавок. Он поправил на толстом курносом носу маленькие круглые очки и снова принялся вытирать мягкой тряпкой банки с зеленым горошком. Магазин был безупречно чист, Пауль за этим следил, пыль в нем просто невозможно было найти.

— Я всё видел, — заявил лавочник, не переставая протирать банки.

Пауль вытащил из-за прилавка газету и стал ее листать. В этот вечер вряд ли придет кто-то еще, потому что был четверг, и жалование уже несколько дней как потрачено. Но завтра начнется настоящий ад.

— Я знаю.

— В таком случае, зачем притворяться?

— Она должна считать, будто вы не догадываетесь, что я дал ей лишнюю картошку. Иначе другие покупатели начнут требовать, чтобы вы им тоже отпускали товар бесплатно.

— Стоимость этой картошки я вычту из твоего жалованья, — пригрозил Циглер,

стараясь казаться рассерженным.

Пауль кивнул и снова погрузился в чтение. Владелец лавки уже давно перестал вызывать в нем страх, не только потому, что никогда не выполнял своих угроз, но и потому, что его дурной нрав был лишь фасадом. Пауль мысленно улыбнулся, вспоминая, как минуту назад Циглер сунул пригоршню конфет в кепку мальчугана.

— Не знаю, что ты такого интересного находишь в этих проклятых газетах, — сказал лавочник, покачивая головой.

А Пауль со всей энергией пытался найти в газетах способ спасти предприятие герра Циглера. Если он его не найдет, лавка обанкротится через пару недель.

Внезапно он задержал взгляд на двух страницах "Альгемайне Цайтунг" и почувствовал, как заколотилось сердце. Там, в маленькой заметке из двух колонок, выглядящей смехотворно рядом с броскими заголовками, провозглашающими бесконечные беды, вплоть до падения правительства, он увидел идею. Он мог бы и пропустить ее, если бы так упорно не искал.

Это было настоящим безумием.

Это было невысказано.

"Но если это дело выгорит... Тогда мы разбогатеет", — подумал Пауль.

Это сработает, Пауль был уверен. Гораздо сложнее будет убедить герра Циглера. Старый консервативный пруссак вроде него даже и в мечтах не согласился бы на этот план. Пауль не представлял, как его уговорить.

"Так что лучше придумать это поскорей", — говорил себе Пауль, яростно кусая губы.

Всё началось с убийства министра Ратенау.

Трудно признать, что то отчаяние, в которое погрузилась Германия между 1922 и 1923 годом, когда у двух поколений полностью поменялись жизненные ценности, началось в то самое утро, когда три студента поравнялись с машиной Ратенау и расстреляли его. Но так оно и было. 24 июня 1922 года было заложено жуткое семя, которое более чем два десятилетия спустя оставило после себя счет в пятьдесят миллионов мертвецов.

До 24 июня немцы считали, что дела идут плохо. С этого дня, глядя, как страна превращается в сумасшедший дом, они желали только одного — чтобы всё стало как раньше. Этот человек был министром иностранных дел. В тот бурный период, когда Германия находилась в руках кредиторов, этот пост был важнее, чем должность президента республики.

В тот день, когда убили Ратенау, Пауль спросил себя, сделали ли это за то, что он был евреем, политиком или за то, что пытался примирить Германию с версальской катастрофой. Бесчисленные репарации, которые придется выплачивать стране аж до самого 1984 года, погрузили народ в нищету, и Ратенау оставался последним бастионом здравого смысла.

После его смерти страна просто начала печатать деньги, чтобы выплатить репарации. Знали ли те, кто это делал, что каждая напечатанная марка снижает ценность остальных? Наверное, да, но какие еще имелись варианты?

В июне 1922 года за марку можно было купить две сигареты, а за двести семьдесят две — один американский доллар. В марте 1923, в тот самый день, когда Пауль рассеянно бросил лишнюю картофелину в сумку фрау Шмидт, не хватило бы и пяти тысяч марок, чтобы купить сигарету, и двух миллионов, чтобы войти в банк и выйти оттуда с хрустящей долларовой банкнотой.

Люди пытались поспевать за этим безумием. По пятницам, когда выдавали жалованье, женщины поджидали мужей у дверей фабрик, и все вместе совершали набеги на магазины и лавки, наводняя Виктуалиенмаркт на Мариенплац, чтобы потратить всё жалование до последней марки. Они возвращались домой, нагруженные продуктами в попытках сопротивляться обстоятельствам. В остальные дни недели в Германии торговля почти не шла. Карманы были пусты, и администратор с фабрики БМВ вечером в четверг имел такую же покупательскую способность, как и нищий ветеран, который волочил свои культы по грязи под мостами Изара.

Многие не выдерживали.

Старики, люди с отсутствием воображения — все те, кто многое принимали как нечто само собой разумеющееся — страдали больше остальных. В их разуме не нашлось места для подобных перемен, для вывернутого наизнанку мира. Многие кончали жизнь самоубийством. Другие впадали в нищету.

Некоторые менялись.

Пауль был одним из них.

Пауль провел чудовищный месяц, когда его выгнал Клаус Граф. У него едва оставалось время, чтобы задуматься о случившемся с Юргеном несчастье и о судьбе Алисы или посвятить больше времени размышлениям о загадочной смерти отца. В очередной раз, как

когда он бродил по улицам Швабинга после самоубийства Эдуарда, перед ним с такой неотвратимостью встала необходимость как-то выжить, что он подавил свои желания и чувства, скрутив их в тугий узел боли. Этот огонь часто разгорался по ночам, населяя его сны призраками. С каждым разом он спал всё хуже, и всё чаще по утрам ковылял по улицам Мюнхена в изношенных и забитых снегом ботинках и мечтал о смерти.

Иногда, возвращаясь в пансион без работы и без сил, он оказывался на Принцрегент Брюке [\[1\]](#), глядя на Изар невидящим взглядом. Он хотел прыгнуть в ледяную воду и позволить течению протащить его тело до самого Дуная, а потом в море. В это огромное водное пространство, которое он никогда не видел и где, как всегда считал, закончил жизнь отец.

Каждый раз ему приходилось находить причины, чтобы не поставить ноги на перила и не прыгнуть. Образ матери, ожидающей каждый вечер в пансионе, и уверенность в том, что без него она не выживет, удерживали его от желания навсегда погасить полыхающий внутри огонь. Иногда его сдерживали те же причины, которые разожгли этот огонь.

И наконец показался проблеск надежды, явившейся в виде смерти.

Однажды утром к ногам Пауля прямо посреди улицы рухнул разносчик. Его пустая тележка опрокинулась на бок. Колеса еще вращались, когда Пауль наклонился и попытался помочь ему подняться, но парень не шевелился. Он отчаянно разевал рот, пытаясь вздохнуть, а глаза его остекленели. Подошел еще один прохожий в темной одежде и с кожаным саквояжем.

— Отойдите! Я врач.

Некоторое время он пытался вернуть упавшего к жизни, но не преуспел. В конце концов доктор поднялся и покачал головой.

— Сердечный приступ или инсульт. Просто не верится, он так молод.

Пауль посмотрел в лицо умершему. Ему было лет девятнадцать, а то и меньше.

"Как мне", — подумал Пауль.

— Доктор, вы займетесь трупом?

— Не могу, я должен ехать в больницу. Но сначала надо дождаться полиции.

Когда прибыли полицейские, Пауль не торопясь описал происшествие. Доктор подтвердил его слова, что придавало его просьбе достоверности.

— Вы не возражаете, если я отвезу его тележку хозяину?

Полицейский посмотрел сначала на пустую тележку, а потом надолго задержал взгляд на Пауле. Ему не хотелось тащить эту тележку в участок. Молодой человек ни на секунду не отвел глаз.

— Как тебя зовут, юноша?

— Пауль Райнер.

— И откуда мне знать, что я могу тебе доверять, Пауль Райнер?

— Потому что я получу гораздо больше, если отвезу ее хозяину лавки, чем пытаюсь продать эти плохо пригнанные четыре доски на черном рынке, — ответил Пауль совершенно искренне.

— Ладно. Скажи ему, чтобы связался с полицией. Нам нужно имя ближайшего родственника. Если он нам не позвонит в течение трех часов, я тебя найду.

И полицейский протянул ему счет, где аккуратными буквами был выведен адрес магазина — на улице неподалеку от Изарских ворот — и список покупок, которые покойный перевозил последний раз в своей жизни:

Полкило кофе.

Три килограмма картошки.

Один пакет лимонов.

Одна банка супа Крунца.

Четверть кило соли.

Две бутылки корна.

Когда Пауль открыл дверь магазина с тележкой в руках и попросил у его владельца работу покойника, рассеянная улыбка герра Циглера не слишком отличалась от той, которую он бросил на молодого человека шесть месяцев спустя, когда тот объяснял свой план спасения от банкротства.

— Мы должны превратить магазин в банк.

Лавочник так и сел на пол, не выпуская из рук тряпки, которой протирал банки с мармеладом. Одна из них разбилась бы, упав на пол, если бы Пауль ее вовремя не подхватил.

— Да что ты такое говоришь, парень? Ты что, напился? — сказал он, уставившись на Пауля глазами в огромных очках, припоминая, как накануне Пауль поднял голову от газеты со сверкающим взглядом, а нынче утром отпросился на пару часов.

— Нет, — ответил Пауль, который провел почти всю ночь без сна, обдумывая свой план. Он вышел на заре и был у дверей городской администрации за час до открытия. Затем он бегал от окошка к окошку, собирая информацию о лицензиях, налогах и требованиях. Вышел он оттуда с толстой картонной папкой. Он знал, что это может показаться безумием, но таковым не являлось. В эти дни деньги не имели никакой ценности. Жалованье поднимали ежедневно, а цены в магазине приходилось пересчитывать каждое утро.

— Да, и это мне напомнило о том, что сегодня утром пришлось справляться самому, — раздраженно заявил лавочник. — Ты даже не представляешь, чего мне это стоило. Да еще в пятницу! Через пару часов здесь будет полно народу.

— Знаю. И нужно постараться распродать сегодня всё. Сегодня же я поговорю с разными клиентами, предложив им товары взамен на их труд, потому что в понедельник должны начаться перемены. Во вторник утром мы пройдем муниципальную инспекцию, а в среду откроемся.

Циглер скривился, как будто Пауль только что попросил его вымазаться мармеладом и пройтись голым по Мариенплатц.

— Никоим образом. Этот магазин работает семьдесят три года. Его основал мой прадед, унаследовал дед, отец и под конец я.

Пауль заметил в глазах лавочника угрозу. Он знал, что находится в шаге от увольнения за неповиновение и безумные идеи. И потому решил поставить на кон всё.

— Прекрасная история. К сожалению, через пару недель кто-то, не носящий фамилию Циглер, выставит магазин на продажу за долги, и все эти традиции пойдут прахом.

Лавочник с укоризной поднял палец, собираясь отчитать Пауля, но тут же осознал, в каком ужасном положении находится торговля, и рухнул на стул. С самого начала кризиса накапливались долги, которые, в отличие от многих других, не уменьшались. Для некоторых положительная сторона происходящего безумия заключалась в том, что с такой дикой инфляцией ипотеку, проценты по которой пересчитывались ежегодно, можно было легко выплатить. К сожалению, люди вроде Циглера, выплачивающие часть своего дохода, а не фиксированную сумму, только теряли.

— Я тебя не понимаю, Пауль. Каким образом это может спасти мое дело?

Молодой человек с бесконечным терпением протянул ему стакан воды и показал вырезку из вчерашней газеты. Краска в нескольких местах расплылась, столько раз Пауль читал и перечитывал статью.

— Это статья профессора университета. Он говорит, что в такие времена, когда люди не верят в деньги, нужно вернуться к началу. К тому, что было до денег. К обмену.

— Но...

— Минутку, герр Циглер. К сожалению, никто не может идти по жизни с одним столом или тремя бутылками спиртного, чтобы менять их на другие вещи, а ломбарды уже ломаются. И потому мы должны спрятаться под обещаниями. Обещаниями прибыли.

— Не понимаю, — повторил лавочник, чувствуя, как у него начинает кружиться голова.

— Акции, герр Циглер. Акции заменят деньги. Биржа разрослась, как пена. И мы станем их продавать.

Циглер смягчился.

В следующие пять дней Пауль почти не смыкал глаз. Убедить квалифицированных рабочих — плотников, штукатуров, краснодеревщиков — забрать в эту пятницу продукты бесплатно в обмен на несколько часов работы в конце недели оказалось несложно. Бедняги были так благодарны, что Паулю пришлось протянуть некоторым носовой платок.

"До чего же дошло, если водопроводчик с большими усами зарыдал, когда ему предложили сосиски в обмен на час работы", — подумал Пауль.

Труднее всего оказалось иметь дело с бюрократией, но даже в этом Паулю чрезвычайно повезло. Он изучил все нормативы и регламенты, на которые ему указали чиновники, включая все дополнительные условия, какие только услышал, постоянно боясь наткнуться на страшную фразу, которая похоронит его надежды. Исчеркивая лист за листом в блокнотике, где Пауль планировал все предстоящие шаги, он сократил требования для создания "Циглербанка" до двух:

1. Директором может быть гражданин в возрасте не менее 21 года.

2. Нужно внести депозит в размере полумиллиона немецких марок в городскую администрацию.

Первое было просто: директором станет герр Циглер, хотя Пауль прекрасно понимал, что большую часть времени он будет просто сидеть в своем кабинете. Второе... Еще год назад это была астрономическая цифра, дабы удостовериться, что за такое ответственное дело возьмутся только кредитоспособные люди. Сегодня полмиллиона марок были просто смехотворной суммой.

— Никто не потрудился изменить сумму! — воскликнул Пауль, кружа по лавке перед изумленными взглядами плотников, которые уже начали снимать со стен полки.

"Интересно, может, чиновники предпочтут взамен пару окороков?" — подумал Пауль, развеселившись. Они хотя бы могут пригодиться.

Грузовик был без верха, и ночной ветер дул прямо в лицо тем двадцати, что ехали в кузове.

Почти все молчали, сосредоточившись на том, что произойдет через несколько минут. Коричневые рубашки почти не защищали от холода, но это не имело значения, потому что они очень скоро от души разогреются.

Юрген наклонился и принялся постукивать по металлическому днищу грузовика дубинкой. Он приобрел эту привычку во время первой вылазки, когда его товарищи по батальону еще глядели на него скептически. СА, штурмовые отряды нацистской партии, были местом для закаленных ветеранов, людей из более низких классов, которые с трудом могли прочитать вслух один абзац без запинки. Появление этого щеголеватого молодого человека — да еще сына барона! — немедленно вызвало у них отторжение. Когда Юрген впервые использовал днище грузовика как барабан, один из товарищей ткнул в него пальцем.

— Отбиваешь телеграмму баронессе, новичок?

Все остальные злобно рассмеялись.

Но в ту же ночь им стало стыдно. Теперь, напротив, как только он начал стучать по полу, остальные последовали его примеру. Поначалу ритм был медленным и четким, удары точно синхронизированы. Но по мере того, как грузовик приближался к цели — таверне неподалеку от железнодорожного вокзала Хауптбанхоф — ритм нарастал, пока не превратился в оглушительный грохот, наполнивший всех адреналином.

Юрген улыбнулся. Ему с трудом удалось добиться их доверия, но сейчас он чувствовал, что держит всех в кулаке. Когда почти год назад он впервые присутствовал на выступлении Адольфа Гитлера и настоял на том, чтобы секретарь партии тут же записал его в члены НСДАП, его приятель Крон был вне себя от радости, но быстро разочаровался, когда несколько дней спустя Юрген вступил в СА.

— Что у тебя общего с этими гориллами в коричневом? Ты умный и мог бы сделать политическую карьеру. И эта повязка на глазу... вызывает правильные слухи, она могла бы стать твоей визитной карточкой. Мы могли бы говорить, что ты потерял глаз, защищая Рур.

Сын барона не обратил на него внимания. Он действовал под влиянием иррационального порыва, но на подсознательном уровне его действия имели логику. Его привлекли присущая этому полувоенному подразделению нацистов жестокость, гордость от принадлежности к группе и безнаказанность за творимое насилие.

Та группа, в которую он не сразу вписался, сделала его мишенью для оскорблений и шуточек вроде "Барон Циклоп" или "Одноглазая божья коровка".

Юрген трусливо отбросил хулиганское поведение, которое раньше использовал со школьными приятелями. Это были действительно суровые люди, и они тут же сплотили бы ряды, если бы он попытался навязать что-то силой. Вместо этого Юрген мало-помалу завоевывал их уважение, при каждой встрече демонстрируя отсутствие каких-либо колебаний.

Раздался визг тормозов, и дубинки разом перестали стучать. Грузовик резко остановился.

— Вниз, вниз!

Коричневые рубашки сгрудились в кузове грузовика. Двадцать пар черных ботинок грохнули по мокрым булыжникам мостовой. Один штурмовик поскользнулся в луже грязной воды, и Юрген поспешил протянуть ему руку и помочь подняться. Он выучился, что такими жестами заработает очки среди своих товарищей.

На заведении перед ними не было вывески, лишь нарисовано на двери слово "таверна" и красная баварская шляпа сбоку. Здесь часто проводили свои встречи члены коммунистической партии, и сейчас там как раз шла одна из них. Внутри находилось больше тридцати человек, принимающих участие в конференции. Услышав шум тормозов грузовика, некоторые подняли головы, но было уже слишком поздно. Задней двери в таверне не было.

Они вошли гуськом, стараясь производить как можно меньше шума. Официант в ужасе спрятался за стойкой, пока возглавлявшие отряд хватали со столов кружки и тарелки и швыряли их за прилавок, в зеркала и заполненные бутылками полки.

— Что вам надо? — спросил низкорослый человек, явно хозяин таверны.

— Мы пришли, чтобы разогнать незаконное собрание, — произнес командир взвода СА, выступив вперед с неуместной улыбкой.

— У вас нет никакого права!

Командир взвода поднял дубинку на уровень пояса и ударил того прямо в живот, хозяин таверны со стоном упал, а штурмовик пнул его еще пару раз, прежде чем вернуться к своим.

— Все вместе!

Юрген вскоре взял инициативу на себя. Он всегда так делал, чтобы в решающий момент осторожно шагнуть назад и предоставить остальным получить пулю или нарваться на нож. Огнестрельное оружие в Германии было запрещено, поскольку Антанта хотела лишить ее зубов, но многие ветераны войны сохранили штатные или трофейные пистолеты.

Встав плечом к плечу, они продвигались вглубь заведения. Напуганные до смерти коммунисты хватали всё, что попадалось под руки, и бросали. Штурмовик рядом с Юргеном получил стеклянной кружкой прямо по лицу и покачулся. Его подхватили с задних рядов, и другой занял его место.

— Сукины дети! Сосите у своего фюрера! — заорал какой-то юнец в кожаной кепке, схватив в руки скамью.

Их разделяло всего метра три, как раз достаточно для броска, и Юрген притворился, что споткнулся, и дал выйти вперед тем, кто стоял в задних рядах.

И вовремя. Со стороны собравшихся в таверне в штурмовиков полетели несколько скамеек. Раздался стон, и штурмовик, который только что занял место Юргена, рухнул навзничь с рассеченной головой.

— Готовы? — крикнул командир взвода. — Гитлер и Германия!

— Гитлер и Германия! — хором рявкнули остальные.

Обе группы одновременно набросились друг на друга, как дети, играющие в платочек, только что получившие команду судьи. Юрген ускользнул от гиганта в комбинезоне механика, который шел в его направлении, и мимоходом стукнул его по коленкам. Механик покачулся, и штурмовики из задних рядов начали безжалостно его избивать.

Юрген продолжал напирать. Он перепрыгнул через перевернутый стул и пнул по столу, который ударил по бедру старика в очках, и тот упал на пол, увлекая за собой стол. Он по-прежнему сжимал в руке какие-то бумаги с каракулями, из чего сын барона заключил, что это, должно быть, оратор, чью речь все собрались послушать. Ему было всё равно. Он даже не знал имени этого старика.

Юрген перешагнул через него, прежде чем приблизиться к главной цели, с которой не сводил глаз с тех пор, как они вошли в таверну.

Парень в кожаной кепке стоял перед двумя штурмовиками в коричневых рубашках, держа перед собой скамью. Первый из штурмовиков попытался обойти его с фланга, но молодой человек сместил вес скамьи и смог достать ему до шеи, сбив с ног. Другой штурмовик выбросил руку с дубиной в надежде застать противника врасплох, но тот проворно пригнулся и локтем двинул ему по почкам. Когда штурмовик согнулся, скорчившись от боли, парень в кепке сломал скамью об его спину.

"Поглядите-ка, этот умеет драться", — подумал сын барона.

Обычно самое сложное он оставлял другим, но этот тощий парень с запавшими глазами чем-то его задел.

Парень в кепке с вызовом посмотрел на Юргена.

— Иди сюда, нацистская шлюха. Боишься ноготки обломать?

При этом оскорблении Юрген задержал дыхание, но он был слишком хитер, чтобы позволить обвести себя вокруг пальца, и пошел в контратаку.

— Неудивительно, что ты любишь красных, кусок дерьма! У твоей матери такая мохнатая задница, что ее не отличишь от бороды Маркса.

Лицо парня под кожаной кепкой загорелось от ярости, он поднял остатки скамейки и бросился на Юргена.

Тот ожидал его, повернувшись боком, пытаясь держать в поле зрения единственного глаза. Когда парень нанес удар, Юрген отклонился в сторону, и противник упал, а кепка слетела. Юрген трижды быстро стукнул его по спине дубинкой, не очень сильно, но достаточно, чтобы вышибить дух и заставить опуститься на колени. Парень попытался отползти от Юргена, но тому только этого и надо было. Он завел назад правую ногу и пнул его со всей силы. Ботинок с кованным носком обрушился на живот парня, подняв того на полметра над полом. А потом он снова упал, скорчившись и пытаясь глотнуть воздуха.

С сияющей улыбкой Юрген начал методично его избивать. Он заметил, как треснули ребра, а потом одна рука парня повисла, как сухая ветка, когда он на нее наступил.

Схватив парня за волосы, Юрген заставил его подняться на колени.

— И теперь попробуй повтори, что ты только что сказал про фюрера, размазня коммунист.

— Пошел в задницу, — пробормотал парень.

— По-прежнему желаешь болтать глупости? — не веря своим ушам воскликнул Юрген.

Он схватил противника за волосы еще крепче, поднял дубинку и ткнул ей в зубы.

Удар.

Второй.

Третий.

Зубы парня превратились в кровоточащие обломки на деревянном полу таверны. Его лицо распухло и превратилось в бесформенную массу, и в это мгновение питавшая мышцы Юргена агрессия улетучилась. Он понял, почему выбрал именно этого человека.

Он был похож на его кузена.

Он выпустил волосы коммуниста, и тот безвольно упал на пол.

"Ну что ж, когда он отсюда выйдет, то будет ни на кого не похож", — подумал он.

Юрген поднял взгляд и увидел, что схватка вокруг прекратилась. На ногах оставались только штурмовики в коричневых рубашках, смотрящие на него со смесью одобрения и

страха.

— Пошли отсюда! — рявкнул командир взвода.

На обратном пути в грузовике к Юргену подсел штурмовик, которого он прежде никогда не видел, приехавший сюда не вместе с ними. Сын барона едва окинул его взглядом. После каждого такого жестокого нападения он погружался в меланхолию и одиночество, ему не нравилось, когда его беспокоят. По этой причине он недовольно заворчал, когда тот начал тихо говорить.

— Как тебя зовут?

— Юрген фон Шрёдер, — процедил он сквозь зубы.

— Так это ты Юрген фон Шрёдер? Я слышал о тебе и пришел сюда, чтобы с тобой познакомиться. Меня зовут Юлиус Шрек.

Юрген уставился на знаки различия на форме этого человека. Он носил черный галстук и значок с черепом и костями.

— Чтобы со мной познакомиться? И зачем?

— Я собираю особую группу... людей ловких, умных и смелых. Без буржуазных предрассудков.

— Почему вы так уверены, что я обладаю всеми этими достоинствами?

— Я видел, как ты вел себя внутри. Ты это делал хитро, не как остальные — просто пушечное мясо. И к тому же дело еще в твоей семье. Твое присутствие прибавит нам престижа. Выделит из остального отребья.

— Говорите яснее. Чего вы хотите?

— Хочу, чтобы ты вступил в мой батальон "Штоссгрупп" [\[12\]](#). Это элита СА, которая подчиняется только лично Гитлеру.

Тот вечер, когда Алиса увидела Пауля в другом конце кабаре, оказался сущим кошмаром. Это было последнее место, где она ожидала его увидеть. Она снова посмотрела на него, чтобы убедиться, потому что скудное освещение и дым сбивали с толку, но глаза ее не обманывали.

Какого черта он здесь делает?

Первым делом она пристыженно спрятала Кодак Брауни за спиной. Однако в таком положении она задержалась недолго, потому что камера с массивной вспышкой слишком много весила.

А кроме того, она ведь работала. И это вызывало у нее гордость, так что какого черта.

— Хороша фигурка! Сделай-ка мне фото, сладкая!

Алиса улыбнулась, подняла вспышку, прикрученную к длинному штативу, и нажала на кнопку, чтобы она сработала самостоятельно, без камеры. Двое пьянчуг, заслонявшие ей обзор столика, за которым находился Пауль, отшатнулись и завалились на бок. Хотя ей приходилось часто заряжать вспышку порошковым магнием, это был наиболее эффективный способ избавляться от прилипал.

В такие ночи, когда ей приходилось делать двести, а то и триста фото клиентов клуба "Бельда", вокруг нее всегда увивалось множество таких типов. После проявки фотографий хозяин клуба отбирал полдюжины, чтобы повесить их на стенах рядом со входом, показывая, как хорошо клиенты клуба проводят время с танцовщицами. Лучшие, по мнению хозяина, фотографии получались глубокой ночью, когда самые беспутные гости пили шампанское из тувель девушек. Алиса ненавидела эту атмосферу: шумную музыку, платья с блестками, фривольные песенки, выпивку и тех, кто ее без меры потреблял. Но это была ее работа.

Она колебалась, стоит ли подойти к Паулю. Она не считала себя особенно красивой, тем более в этом синем костюме с чужого плеча и не очень подходящей к нему шляпке, однако пьяниц к ней всё равно тянуло как магнитом. Она пришла к выводу, что мужчинам просто нравится находиться перед ее объективом. Она решила этим воспользоваться, чтобы приблизиться к Паулю и сломать лед. Ей по-прежнему было ужасно стыдно за то, как ее отец выгнал его из дома, и остался неприятный осадок от лжи, что Пауль взял предложенные деньги.

"Я превращу всё в шутку. Подойду к нему с камерой, направив ее прямо в лицо, сделаю фото, а потом покажу, кто я такая. Наверняка он будет безумно рад".

Она начала приближаться, огибая столики и пьяных, защищаясь от них улыбкой.

Восемь месяцев назад Алиса бродила по улицам в поисках работы.

В отличие от Пауля, ее поиски не были такими отчаянными, потому что она располагала деньгами на несколько месяцев, но столь же изнурительными. Единственное занятие, которое ей предлагали, окликивая на углах или шепча в подсобках, это работа проституткой или жизнь на содержании, а этот путь Алиса не избрала бы ни в коем случае.

Она поклялась, что домой тоже не вернется.

Она подумывала уехать в другой город. Гамбург, Дюссельдорф, Берлин. Однако оттуда приходили такие плохие новости, даже хуже мюнхенских. И была еще одна надежда — встретить кое-кого, которая удерживала ее в родном городе. Но по мере того, как ее запасы

истощались, а работы всё не было, Алиса всё больше впадала в отчаяние. До тех пор, пока однажды днем, вышагивая по Агнесштрассе в поисках швейного ателье, о котором ей говорили, она не увидела табличку на витрине.

ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК КРОМЕ ЖЕНЩИН

Она даже не взглянула, что это за лавка, в негодовании толкнув дверь, и извещающий о новом посетителе колокольчик бешено заколотился. Она твердым шагом приблизилась к единственному человеку, стоящему за прилавком. Это был худой мужчина средних лет с огромными залысинами на седой голове.

— Добрый день, фройляйн.

— Добрый день. Я ищу работу.

Мужчина серьезно на нее посмотрел.

— Могу я спросить, фройляйн, умеете ли вы читать?

— Да, но не собираюсь глотать такую наглость.

После этих слов выражение лица мужчины изменилось. Вокруг его рта появились веселые складки, а вслед за благожелательной улыбкой он разразился смехом.

— Наняты!

Алиса посмотрела на него, совершенно сбита с толку. Она вошла в эту лавку с намерением поскандальить с владельцем этого несправедливого объявления, решив, что просто даст ему это понять.

— Вы удивлены?

— Весьма.

— Видите ли, фройляйн...

— Алиса Танненбаум.

— Август Мунтц, — ответил тот, отвесив цветистый поклон. — Видите ли, фройляйн Танненбаум, я написал это объявление, чтобы нанять именно такую женщину, как вы. Для работы, которую я предлагаю, требуются определенные технические навыки, присутствие духа и в особенности приличный уровень нахальства и дерзости. Похоже, что последними качествами вы обладаете в достатке, а первому можно научиться, судя по моему опыту...

— Чего именно вы от меня хотите? — подозрительно спросила Алиса.

— Разве это не очевидно, фройляйн? — спросил тот, обводя руками заведение. Алиса впервые огляделась и поняла, что это фотостудия. Значит, делать фотографии.

Если Пауль менялся с каждой своей новой работой, то Алиса преобразилась полностью. Девушка немедленно влюбилась в фотографию. Она ни разу не стояла за камерой, но когда овладела базовыми навыками, то поняла, что не хочет заниматься в жизни ничем другим. Особенно ей нравилась комната для проявки, где она смешивала химические соединения в кюветах. Она не могла отвести зачарованного взгляда, когда на бумаге начинал появляться образ и можно было различить черты и лица.

Она быстро подружилась с фотографом. Хотя на вывеске было написано "Мунтц и сыновья", Алиса быстро обнаружила, что сыновей никогда не существовало. Август жил в квартире над студией с утонченным молодым блондином, которого называл "мой племянник Эрнст". Девушка провела много вечеров, играя с обоими в нарды, и мало-помалу начала снова улыбаться.

Была лишь одна часть работы, которая ей не нравилась, и именно ради этого ее и нанял Август. Хозяин ближайшего кабаре (однажды вечером Август признался Алисе, что это его

давний любовник) предложил приличную сумму за то, чтобы три вечера в неделю заведение посещал фотограф.

— Конечно, он хотел, чтобы это был я. Но думаю, лучше пусть это будет хорошенькая девушка... которая не даст себя закабалить, — подмигнул ей Август.

Хозяин кабаре остался доволен. Фотографии у входа в заведение прославили клуб "Бельда", и он стал флагманом мюнхенских ночей. Конечно, не на уровне берлинских кабаре, но в эти смутные времена любое заведение, основанное на сексе и алкоголе, пользовалось бешеным успехом. Ходили упорные слухи, что многие клиенты за пять безумных часов тратили там всё свое жалование, а потом спускали курок, затягивали петлю или глотали упаковку пилюль.

Приближаясь к Паулю, Алиса надеялась, что он окажется не из этих "последних" клиентов.

"Наверняка он пришел с другом, из любопытства", — размышляла она. В конце концов, в нынешние времена все ходили в клуб "Бельда", хотя бы чтобы поглотить за несколько часов всего одну кружку пива. Бармены были понимающими типами и обычно заключали разного рода договоры в обмен на пару кружек.

Подходя ближе, она подняла к лицу камеру. За столиком сидело пятеро — двое мужчин и три женщины. На скатерти стояли многочисленные бутылки шампанского, полупустые или опрокинутые, и куча еды, к которой едва притронулись.

— Эй, Пауль! Попозируй для потомства, приятель! — сказал мужчина, что сидел ближе к Алисе.

Пауль поднял голову. Он был в черном смокинге, который не очень хорошо сидел в плечах, и в развязанной бабочке поверх рубашки. Говорил он нерешительно и заплетающимся языком.

— Слышали, девочки? Изобразите-ка улыбочку.

Две девушки по обе стороны Пауля были одеты в серебристые вечерние платья и игривые шляпки. Одна взяла его за подбородок, повернула лицом к себе и впилась прилипчивым поцелуем, высунув язык, как раз в то мгновение, когда Алиса сделала фото. Молодой человек удивленно вернул поцелуй и рассмеялся.

— Видел? Она заставила тебя изобразить улыбку! — произнес его приятель с кривой усмешкой.

От такого зрелища Алиса просто ошалела, да так, что Кодак чуть не выскользнул из рук. Она почувствовала, что ее вот-вот стошнит. Этот пьяный человек, один из тех, которых она презирала, видя каждую ночь уже многие недели, был так далек от образа робкого угольщика, что девушка не могла поверить, что это Пауль.

Тем не менее, это действительно был он.

Несмотря на опьянение, он ее узнал и вскочил, смутившись.

— Алиса!

Его приятель повернулся к ней и поднял бокал.

— Вы знакомы?

— Мне так казалось, — произнесла Алиса ледяным тоном.

— Потрясающе! Ты должна знать, что твой друг — самый успешный банкир у Изарских ворот. Мы продаем столько акций, сколько не продает ни один банк из тех, что в последнее время появляются, как грибы после дождя. А я горжусь тем, что я его бухгалтер... Выпей с нами.

Алиса почувствовала, как по телу разливается волна презрения. Она слышала о феномене новых банков. Почти все они были созданы в последние месяцы молодыми людьми, и многие университетские студенты приходили каждый вечер, чтобы растратить заработанное за день на шампанское и шлюх, прежде чем эти деньги потеряют всякую стоимость.

— Когда отец сказал мне, что ты взял деньги, я ему не поверила. Как же я ошиблась. Теперь я вижу — это единственное, что тебя интересует, — сказала она, поворачиваясь спиной.

— Алиса, подожди... — пристыженно пробормотал Пауль. Он пошатываясь обошел стол и попытался взять ее за руку.

Алиса развернулась и влепила ему пощечину, которая прозвучала, как удар колокола. Пауль покачнулся и повалился ничком на стол. Он попытался ухватиться за скатерть, но упал на пол, утянув за собой ливень из разбитых бутылок и вызвав смех трех хористок.

— Кстати, — сказала Алиса, уходя, достаточно громко, чтобы он услышал, — в этом смокинге ты снова похож на официанта.

Пауль оперся на стул, чтоб подняться, и увидел, как спина Алисы исчезает в толпе, а его приятель бухгалтер ведет девушек танцевать. Вдруг чья-то рука с силой схватила его и помогла встать, так что стул упал.

— Похоже, она дала тебе от ворот поворот, а?

Мужчина, который помог ему подняться, стоял совсем рядом. Его лицо было чем-то знакомо, но Пауль не мог его вспомнить за пеленой алкоголя и стыда.

— Вы кто, черт возьми?

— Друг твоего отца, Пауль. Человек, который сейчас задает себе вопрос — а достоин ли ты носить его фамилию.

— Что вам известно о моем отце?

Мужчина вытащил визитную карточку и вложил ее во внутренний карман смокинга Пауля.

— Приходи, когда проспишься, парень.

Пауль поднял взгляд от незамысловатой визитной карточки и уставился на вывеску книжной лавки, всё еще не понимая, что он там делает.

Он был в одном шаге от площади Мариенплатц, в самом центре Мюнхена. Здесь мясные лавки и уличные торговцы Швабинга уступали место часовым мастерским и магазинам шляп и тростей. А недалеко от лавки Келлера даже был маленький кинотеатр, в котором всё еще показывали "Носферату" Мурнау, хотя со дня премьеры прошло уже больше года. Наступил вечер, второй сеанс, должно быть, уже дошел до середины. Пауль вообразил киномеханика внутри кабины, раз за разом менявшего заезженные бобины с фильмом, и почувствовал к нему жалость. Он уже посмотрел этот фильм — первый и единственный в своей жизни — пробравшись в зал кинотеатра неподалеку от пансиона через заднюю дверь, когда фильм обсуждала половина города. Ему не слишком понравилось это сквернейшее подражание "Дракуле" Брэма Стокера. Подлинное переживание истории заключалось для него в словах и паузах, в белизне, окружавшей черные буквы. Этот фильм показался ему слишком простым, подобно мозаике всего из двух частей.

Пауль осторожно вошел в книжную лавку, но подозрения отступили, как только он начал рассматривать книги, аккуратно расставленные на полках от пола до потолка и широких столах рядом с витриной. Прилавка не было видно.

Он с упоением листал первую редакцию "Смерти в Венеции", когда услышал за спиной голос.

— Томас Манн — неплохой выбор, но ты ведь определенно уже читал ее, так?

Пауль обернулся. Это был улыбающийся Келлер. Его волосы были совершенно белы, он щеголял старомодной бородкой и постоянно почесывал огромные уши, привлекая к ним еще больше внимания. Пауль снова почувствовал, что знаком с ним, хотя был не в состоянии определить, откуда.

— Да, я читал ее, но очень быстро и мельком. Мне одолжил ее один гость пансиона, где я живу. Обычно книги не задерживаются в моих руках надолго, как бы мне ни хотелось их перечитывать.

— Ах, ах. Не перечитывай их, Пауль. Ты очень молод, а те, кто перечитывают книги,

склонны раньше времени наполняться неположеной им мудростью. Сейчас тебе нужно читать, читать всё, что можешь, как можно более разношерстное. Только когда доживешь до моего возраста, будешь знать, что перечитываемое — не пустая трата времени.

Пауль снова окинул его взглядом. Келлеру было уже за пятьдесят, но его спина была прямой, как палка, а тело под старомодным костюмом-тройкой оставалось крепким. Именно седые волосы делали его внешность почтенной, хотя юноша подозревал, что на самом деле тот был светло-русый и подкрашивал волосы, чтобы добиться однородного белого цвета. Внезапно он осознал, где видел его раньше.

— Вы были на празднике в честь дня рождения Юргена, четыре года назад.

— У тебя хорошая память, Пауль.

— Вы сказали мне, чтобы я быстрее шел... что она ждет снаружи, — ответил юноша с грустью.

— Я очень ясно помню спасение девушки прямо посередине танцевального зала. Ах, в свое время и у меня были хорошие мгновения. Так же, как и плохие, но ни разу я не совершал оплошность столь огромную, какую видел вчера в твоём исполнении, Пауль.

— Не напоминайте мне об этом. Как, черт возьми, я должен был догадаться, что она там? Я не видел ее уже два года!

— Что ж, думаю, что правильным вопросом будет: какого черта делал там ты, пьяный, как матрос?

Пауль тревожно заерзал и ничего не ответил. Ему было стыдно обсуждать подобные вещи с совершенно незнакомым человеком, но в то же время он ощущал странное спокойствие от разговора с книготорговцем. Он лишь хотел сменить тему.

— Одним словом, — продолжил Келлер, — я не хочу тебя мучить, потому как круги под твоими глазами и бледность говорят мне, что ты, должно быть, не слишком много спал или вообще только что проснулся.

— Вы сказали, что хотели поговорить о моем отце, — нетерпеливо прервал его Пауль.

— Нет, я сказал не это. Я сказал тебе, чтобы ты пришел увидеться со мной.

— И зачем?

В этот раз промолчал Келлер. Он подвел Пауля к витрине и указал ему на фасад церкви Святого Михаила, прямо напротив книжной лавки. Родословное древо дома Виттельсбахов, вылитое из бронзы, оберегало статую архангела, именем которого назвали здание. Под лучами заходящего солнца тени статуй были длинными и зловещими.

— Смотри... три с половиной века блистательного величия. И это лишь начало. Вдохновленный великолепными формами этой церкви, в 1825 году Людовик I решил превратить наш город в новые Афины. С аллеями и бульварами, полными света, пространства, гармонии. А теперь опусти немного взгляд, Пауль.

У двери храма толпились нищие, выстроившись в ряд, чтобы получить суп, который церковная община раздавала на закате. Очередь только возникла и уже была длиннее, чем можно было разглядеть из витрины. Пауль не удивился, увидев ветеранов войны в замызганной форме, уже пять лет как запрещенной. Не удивили его и старые бродяги, на лицах которых улица и вино оставили лиловый отпечаток бедности. Что его удивило, так это вид десятков взрослых мужчин в потрепанных костюмах, но с прекрасно выглаженными рубашками, при этом все были без верхней одежды, несмотря на то, что этим июньским вечером дул сильный ветер.

Пальто отца семейства, который ежедневно должен отправляться на поиски хлеба для

своих детей — одна из тех вещей, что закладывают в последнюю очередь, подумал Пауль, тревожно шевельнув руками в карманах своего собственного. Он купил его с рук, с удивлением обнаружив столь великолепное сукно по цене средней головки сыра.

Так же, как и смокинг.

— Пять лет спустя после падения монархии: террор, убийства на улицах, голод, бедность. Какую версию Мюнхена предпочитаешь, парень?

— Думаю, подлинную.

Келлер взглянул на него, явно довольный ответом. Пауль заметил, что отношение книготорговца слегка изменилось, словно бы это была лишь проверка перед чем-то намного более важным, что вот-вот должно было произойти.

— Я познакомился с Хансом Райнером много лет назад. Не помню точно, когда это было, но, кажется, в 1895 году, потому что тогда он зашел в мою лавку и купил "Замок в Карпатах" Жюль Верна, только что вышедший из печати.

— Он тоже любил читать? — спросил Пауль, не сумев скрыть волнение. Он так мало знал о человеке, давшем ему жизнь, что любое сходство с ним наполняло юношу смутным чувством гордости и замешательства, словно это было эхом прошедших времен. Он почувствовал безрассудную необходимость довериться книготорговцу и выжать из него любые подробности об отце, которого ему не позволили узнать.

— Он обожал чтение! Тем вечером мы с твоим отцом проговорили часа два. По тем временам это было долго, тогда моя лавка не была пустой, как сейчас, она была переполнена с открытия и до закрытия. У нас обнаружились общие интересы, например, поэзия. Хотя и очень умный, он становился совершенно бестолковым, когда дело касалось слов, и его восхищало, на что способны люди, подобные Гёльдерлину или Рильке. Он даже попросил меня однажды помочь ему с маленьким стихотворением, которое написал твоей матери.

— Помню, как она рассказывала мне об этом стихотворении много лет назад, — грустно пробормотал Пауль, — хотя так и не дала мне его прочитать.

— Может быть, оно сейчас среди бумаг твоего отца, — предположил книготорговец.

— К несчастью, те немногие его вещи, что у нас были, остались в доме, где мы жили раньше. Нам пришлось поспешно уехать оттуда.

— Жаль. Так или иначе... каждый раз, как он бывал в Мюнхене, мы пользовались возможностью провести интересный вечер вместе. Именно так я впервые услышал от него о Великой Ложке Восходящего солнца.

— Что это?

Торговец книгами понизил голос.

— Ты знаешь, что такое масонство, Пауль?

Молодой человек озадаченно посмотрел на него.

— В газетах пишут, что это могущественная тайная секта.

— Цель которой — объединить всех евреев и править миром? — усмехнулся Келлер. — Я тоже много раз слышал эту байку, Пауль. Как и во все времена, люди ищут, на кого бы свалить всю вину за собственные неудачи.

— В таком случае, что же она представляет собой на самом деле?

— Масоны — тайное общество, а не секта. Оно состоит из избранных людей, которые ищут просветления и торжества нравственности в мире.

— Под избранными имеются в виду могущественные?

— Нет. Эти люди сами себя выбирают. Ни один масон не вправе попросить

непосвященного стать масоном. Об этом должен попросить сам непосвященный, так же, как я попросил твоего отца принять меня в Ложу.

— Так значит, мой отец был масоном? — спросил вконец ошеломленный Пауль.

— погоди минутку, — сказал Келлер. Он захлопнул дверь лавки, перевернул табличку на "закрыто" и направился в подсобку. По возвращении он показал Паулю старую студийную фотографию. На ней молодой Ханс Райнер и еще три человека, которых Пауль не знал, смотрели прямо в камеру с характерным для начала века застывшим выражением лица, когда моделям приходилось не шевелиться в течение минуты, чтобы фотография не получилась смазанной. Один из незнакомцев держал в руках странный символ, который Пауль видел несколько лет назад в кабинете дяди: наугольник и циркуль с большой буквой G в центре.

— Твой отец был хранителем храма в Великой Ложе Восходящего солнца. Это человек, который заботится о том, чтобы дверь храма всегда была закрыта, пока не откроется работа... говоря языком непосвященных, пока не начнется ритуал.

— Вы вроде сказали, что это не имеет ничего общего с религией.

— Мы, масоны, верим в сверхъестественную сущность, которую мы называем Великим Архитектором Вселенной. Таково наше учение. Каждый масон почитает Великого Архитектора в той форме, какую сочтет для себя удобной. В моей ложе состоят евреи, католики и протестанты, но никто не пытается проповедовать свою религию другим. В ложе под запретом две темы: религия и политика.

— Ложа имеет какое-то отношение к смерти моего отца?

Прежде чем ответить, книготорговец надолго замолчал.

— Я мало знаю об обстоятельствах его смерти, кроме того, что всё, что о ней рассказывают — ложь. В тот день, когда я видел его в последний раз, он передал мне записку, и мы встретились неподалеку от книжной лавки. Мы говорили на бегу, прямо на улице. Он сказал, что ему угрожает опасность, что он боится за жизнь твоей матери и твою. Две недели спустя распространились слухи о том, что его корабль затонул в колониях.

Пауль размышлял, сказать ли Келлеру о последних словах кузена про ту ночь, когда его отец пришел в особняк Шрёдеров, о выстреле, который слышал Эдуард, но решил, что не стоит. Он долго раздумывал над этой информацией, но так и посчитал ее достаточным доказательством, что за исчезновение отца несет ответственность дядя. В глубине души он полагал, что тот что-то знает, но не хотел разделять эту ношу ни с кем, пока сам точно не убедится.

— Он также просил меня передать тебе одну вещь. когда повзрослеешь. Я уже много месяцев тебя ищу, — продолжил Келлер.

Сердце у Пауля заколотилось.

— Что это?

— Не знаю, Пауль.

— Так чего же вы ждете? Отдайте мне это! — почти прокричал Пауль.

Книготорговец окинул Пауля ледяным взглядом, дав ему понять, что не выносит, когда ему отдают приказы в собственном доме.

— Думаешь, что достоин наследия своего отца, Пауль? Юноша, которого я видел третьего дня в клубе "Бельда", мне кажется всего лишь пьяным мужланом, который впустую растрчивает тот талант, которым его наградила судьба.

Пауль уже открыл рот, чтобы с вызовом рассказать ему о холоде и голоде, которые он

пережил после того, как их выгнали из особняка Шрёдеров. О том, как это изнурительно — таскать уголь вверх-вниз по влажным ступеням. Об отчаянии, когда невозможно найти работу, но всё равно нужно продолжать искать. Об искустельном призыве холодных вод Изара. Но потом осекся, потому что его страдания не давали права вести себя так, как он вел себя в последние недели.

Что заставило его почувствовать себя еще более виноватым.

— Герр Келлер... а принадлежность к ложе сделает меня достойным?

— Это стало бы началом, если ты просишь от чистого сердца. Но уверяю тебя, это не так-то просто, даже для такого, как ты.

Молодой человек сглотнул, прежде чем ответить.

— В таком случае я смиренно прошу вашей помощи. Я хочу стать масоном, как отец.

Алиса закончила полоскать бумагу в подносе с проявителем и положила ее в жидкий закрепитель. Когда она смотрела на бумагу, у нее возникало странное чувство. С одной стороны, гордость, потому что с технической точки зрения фотография была совершенной. Жест девицы легкого поведения, прижавшейся к Паулю. Блеск в ее глазах, и его — лишь слегка приоткрытые... Детали, которые делали сценку почти осязаемой, но несмотря на профессиональную гордость, эта фотография грызла ей нутро.

Стоя в проявочной, погруженная в свои мысли, она почти не обратила внимания на звонок колокольчика, извещающий о новом посетителе студии. Однако она подняла голову, услышав знакомый голос. Прикинув к оконцу из красного стекла, она четко видела всю студию, и глаза подтвердили ей то, о чем сообщили уши и сердце.

— Добрый день, — сказал Пауль, приблизившись к прилавку. Чтобы зайти в "Мунтц и сыновья", молодой человек сделал большой крюк на обратном пути в пансион, где до сих пор жил вместе с матерью, осознавая, что приносимая его торговлей акциями прибыль в любое мгновение может испариться. Он выудил адрес фотостудии у одного из служащих кабаре, развязав ему язык с помощью нескольких банкнот.

Под мышкой он нес тщательно завернутый пакет. В нем лежала толстая черная книга с золотым тиснением. Вручив ему книгу, Себастьян сказал, что в этом томе содержатся основы, с которыми должен познакомиться непосвященный до того, как стать масоном. С нее начинал Ханс Райнер, а потом и Себастьян. Пауль горел желанием собственными глазами пробежать по тем строчкам, которые читал и отец, но до того у него было более срочное дело.

— Мы уже закрыты, — заявил Паулю фотограф.

— В самом деле? А мне казалось, что до закрытия еще целых десять минут, — ответил молодой человек, недоверчиво взглянув на стенные часы.

— Для вас мы уже закрыты.

— Для меня?

— Разве вы не Пауль Райнер?

— Откуда, черт возьми, вы знаете мое имя?

— Оно прилагалось к описанию. Высокий, худой, с ледяным взглядом и чертовски красив. Были и другие прилагательные, но лучше я о них умолчу.

В подсобке послышался какой-то грохот, и Пауль попытался заглянуть через плечо фотографа.

— Там Алиса?

— Это, наверное, кошка.

— Не похоже на кошку.

— Нет. Похоже на кювету с проявителем, которую специально сбросили на пол. Но поскольку Алисы там нет, то это, видимо, кошка.

Снова раздался грохот, на сей раз еще сильнее.

— Ну вот, еще одна. Хорошо хоть они металлические, — сказал Август, элегантно жестом закуривая сигару.

— Лучше идите и дайте кошке поесть. Похоже, она очень голодная.

— Скорее, в ярости.

— И я могу понять, по какой причине, — сказал Пауль, понутив голову.

— Слушайте, приятель, она кое-что для вас оставила.

Фотограф протянул ему фотографию, изображением вниз. Перевернув ее, Пауль увидел расплывчатый снимок, сделанный в парке.

— Это женщина, спящая на скамейке в Энглишер Гартен.

Август сделал длинную затяжку и выпустил дым в сторону Пауля.

— В тот день, когда Алиса сделала эту фотографию, был ее первый выход в одиночку. Я дал ей камеру, чтобы она побродила по городу в поисках образа, который ее тронет. Она решила прогуляться по парку, как все начинающие. И вдруг увидела эту женщину, сидящую на скамейке, и ее привлекло это спокойствие. Она сделала фото и подошла, чтобы поблагодарить женщину. Та не ответила, и Алиса тронула ее за плечо. Женщина упала на землю.

— Она была мертва, — в ужасе произнес Пауль, осознав, на что смотрит.

— Умерла от голода, — подтвердил Август, в последний раз затянувшись сигарой и потушив ее в пепельнице.

Пауль несколько мгновений держался за прилавок, не спуская глаз с фотографии. И наконец вернул ее фотографу.

— Спасибо, что показали мне это. Будьте добры, передайте Алисе, чтобы послезавтра пришла по этому адресу, — сказал он, взяв с прилавка клочок бумаги и карандаш и записав что-то на нем. — Пусть сама увидит, что я всё понял.

Спустя минуту после его ухода Алиса вышла из проявочной.

— Надеюсь, что ты не помяла кюветы. В противном случае тебе придется выправлять их молотком, пока не примут прежнюю форму, предупреждаю.

— Вы слишком многое ему сказали, Август. И про фото... я же просила, чтобы вы ничего ему не говорили.

— Он влюблен в тебя.

— Откуда вы знаете?

— Я многое знаю о влюбленных мужчинах. В особенности, как сложно их найти.

— У нас было довольно мрачное начало, — сказала Алиса, покачав головой.

— И что с того? День начинается в полночь, в самой темноте. А потом приходит свет.

Перед "Циглербанком" стояла огромная очередь.

Прошлой ночью, в постели в своей комнате, которую она снимала неподалеку от студии, Алиса решила, что не пойдет на встречу с Паулем. Она повторяла себе это, пока одевалась, пока примеряла одну за другой шляпки из своей коллекции, насчитывающей аж две модели, пока ехала на трамвае, на который обычно никогда не садилась. К своему удивлению, она очутилась перед очередью в банк.

Приблизившись, она поняла, что на самом деле очередей две, одна длиннее другой. Одна заканчивалась в банке, а другая — в двери по соседству. Из этой двери люди выходили с улыбкой облегчения и с сумками, из которых высывались колбасы, хлеб и связки чеснока.

Пауль находился в новом магазине, рядом с человеком, взвешивающим овощи и ветчину, и отчитывал его недовольным тоном. Увидев Алису, он тут же выбежал наружу, расчистив проход между теми, кто пытался войти.

— Торговцу по соседству пришлось закрыть лавку после банкротства. Мы открыли ее и превратили в новый магазин герра Циглера. Бывший владелец счастлив.

— И люди тоже, как я вижу.

— Мы продаем товары со скидкой и доверяем клиентам банка. Это полностью съест нашу прибыль, но чиновники и пенсионеры, которые не могут поспевать за безумным ритмом инфляции, нам чрезвычайно благодарны. Сегодня доллар стоит больше трех миллионов марок.

— Вы потеряете целое состояние.

Пауль пожал плечами.

— По вечерам, начиная со следующей недели, мы начнем раздавать суп нуждающимся. Не как иезуиты, потому что у нас будет не больше пятисот порций, но уже есть группа добровольных помощников.

Алиса продолжала смотреть, прищурившись.

— И всё это ты сделал ради меня?

— Я это делаю, потому что имею такую возможность. Потому что это правильно. Потому что на меня произвело впечатление то фото из парка. Потому что на город надвигается зима. И да, потому что вел себя как кретин и хочу, чтобы ты меня простила.

— Я тебя уже простила, — ответила девушка, удаляясь.

— Тогда почему ты уходишь? — не веря своим глазам спросил он, разведя руками.

— Потому что я по-прежнему на тебя злюсь!

Когда Пауль помчался за ней, Алиса повернула голову и улыбнулась.

— Хотя можешь зайти за мной завтра вечером, если хочешь узнать, прошла ли моя злость.

— И нахожу тебя достойным и подходящим, чтобы начать это путешествие, в котором ты покажешь, на что годишься. Наклонись.

Пауль подчинился. Человек в костюме надел ему на голову плотный черный мешок. Резко дернув, он завязал две кожаные тесемки вокруг его шеи.

— Видишь что-нибудь?

— Нет.

Собственный голос из-под мешка казался чужим. Остальные звуки извне тоже, казалось, доносятся из другого мира.

— Сзади есть два отверстия. Если начнешь задыхаться, потяни чуть-чуть к затылку.

— Спасибо.

— А теперь крепче держись за мою левую руку своей правой. Мы вместе пройдем большое расстояние. Очень важно, чтобы ты двигался, когда я велю, и без колебаний. Нет нужды торопиться, но внимательно слушай инструкции. В некоторых местах я скажу тебе, чтобы ты шел, ставя одну ногу перед другой. Иногда велю поднимать выше колени, чтобы забраться по лестнице или спуститься. Готов?

Пауль кивнул.

— Отвечай на вопросы четко и громко.

— Я готов.

— Тогда начнем.

Пауль начал медленно идти, довольный, что наконец-то может двигаться. Последние полчаса он отвечал на вопросы человека в костюме, которого видел впервые в жизни. Он знал все ответы заранее, потому что видел их все в полученной от Келлера книге, уже три недели назад.

— Я должен запомнить всё наизусть? — спросил он книготорговца.

— Эти формулы — часть ритуала, который мы должны соблюдать и уважать. Вскоре ты узнаешь, что в масонстве очень важны церемонии посвящения, и как они тебя изменят.

— Их несколько?

— Своя для каждого градуса: ученик, подмастерье и мастер. Над последним, третьим градусом, стоят еще тридцать, но это почетные градусы, и ты об этом узнаешь в свое время.

— А каков ваш, герр Келлер?

Тот проигнорировал вопрос.

— А сейчас я хочу, чтобы ты прочитал книгу и поразмыслил над ее содержанием.

Пауль так и сделал. Книга повествовала о происхождении масонства: о гильдиях строителей в Средние века, а до них — о легендарных строителях Древнего Египта.

— Всем им открылась мудрость символов строительства и Геометрии. Они всегда писали это слово с заглавной G, потому что она также символизирует Великого Архитектора Вселенной. А как его почитать — это дело личное. В ложе ты высечешь единственный камень — свою совесть и то, что принесешь с ней вместе. Для этого братья дадут тебе инструменты во время посвящения... если ты пройдешь через четыре испытания.

— Они будут сложными?

— Ты боишься?

— Нет. А если честно, то да, немного боюсь.

— Они будут сложными, — признался книготорговец через некоторое время. — Но ты смелый и уже подготовился.

До сих пор Паулю не пригодилась его смелость, хотя испытания еще не начались. Ему назначили встречу в переулке Альтштадта, старинной части города, в пятницу в девять часов вечера. Снаружи дом выглядел вполне обычным, хотя немного заброшенным. Рядом со звонком висел ржавый почтовый ящик с неразличимым именем на нем, хотя замочная скважина была смазана и явно новая. Ему открыл мужчина в синем костюме и провел в обставленный разнообразной мебелью зал, где прошел ритуал с вопросами.

Стоя с черным мешком на голове, Пауль спрашивал себя, где Келлер. Он полагал, что именно книготорговец — единственная ниточка, связывающая его с отцом и ложей — его представит. Вместо этого его встретил незнакомец, и он чувствовал себя в некотором роде беззащитным, когда вслепую шел за человеком, которого впервые увидел полчаса назад.

Пройдя, как ему показалось, огромную дистанцию — пришлось подниматься и спускаться по лестницам и преодолевать длинные коридоры — человек в костюме в конце концов остановился.

Раздались три громких удара, а затем незнакомый голос.

— Кто стучит в дверь храма?

— Брат, который привел непосвященного, желающего приобщиться к нашим тайнам.

— Он достаточно подготовлен?

— Да.

— Как его зовут?

— Пауль, сын Ханса Райнера.

Они снова пустились в путь. Пауль заметил, что пол под его ногами более твердый и скользкий — каменный или, возможно, мраморный. Он шел долго, хотя время под черным мешком, казалось, имеет другую плотность, и он не мог сказать, сколько именно прошло. В некоторые мгновения он чувствовал, больше благодаря интуиции, чем реальным ощущениям, что они идут по тем местам, которые уже проходили, словно сделали круг и должны ступать точно по своим отпечаткам.

Его проводник снова остановился и стал развязывать тесемки мешка на его голове.

Когда мешок сняли, Пауль моргнул и увидел, что они находятся в небольшом и холодном помещении под крышей. Стены были полностью покрыты известкой, а на ней разными почерками и на разной высоте написаны беспорядочные и незаконченные фразы, в которых Пауль узнал разные версии масонских заповедей.

Мужчина в костюме тем временем снял с него все металлические предметы, в том числе ремень и пряжки с ботинок, которые просто сорвал без размышлений. Пауль пожалел, что забыл надеть ботинки без металлических частей, потому что эти теперь испорчены.

— У тебя есть что-нибудь золотое? Входить в ложу с драгоценными металлами — это величайшее оскорбление.

— Нет, — ответил Пауль.

— Вот перо, бумага и чернила, — сказал мужчина. И не прибавив больше ни слова, исчез за дверью, закрыв ее за своей спиной.

Пауль посмотрел в ту сторону, куда показал мужчина. Маленькая свеча освещала столик, едва ли пригодный для письма, на котором стоял череп. Пауль приблизился и, покрывшись мурашками, убедился, что он настоящий. Рядом с черепом стояли разные

склянки с веществами, символизирующими перемены и посвящение: хлебом и водой, солью и серой, пеплом.

Он был в Камере размышлений. Там, где должен написать свою клятву непосвященного. Он взял ручку и начал выписывать старинную формулу, которую так и не смог понять, и для него она была лишена смысла.

Всё не так. Весь этот символизм, эти повторения... У него было чувство, что это просто пустые буквы, не несущие духа.

Внезапно он отчаянно пожелал сейчас идти по Людвигштрассе при свете фонарей, и чтобы ветер обдувал щеки. Под темным мешком его охватил страх темноты, который ни на йоту не утих с тех пор, как он повзрослел. Через полчаса они вернутся за ним в эту мрачную клетку, и он просто попросит, чтобы его выпустили.

Еще было время вернуться назад.

Но в таком случае он никогда не узнает правду об отце.

Человек в костюме снова вошел в комнату.

— Я готов, — сказал Пауль.

Теперь он уже не знал, какая церемония его ожидает. Он знал ответы на вопросы, которые ему зададут, но и только. Настало время для испытаний.

Проводник перебросил веревку вокруг его шеи и снова закрыл ему глаза. Теперь он использовал не черный мешок, а полоску из той же ткани, которую завязал на три тугих узла. Пауль был рад, что может более свободно дышать, а чувство неуверенности постепенно растворялось, хотя что-то от него всё же осталось. Вдруг мужчина в костюме стащил с него пиджак и с силой потянул за левый рукав рубашки, порвав ее. Он открыл Паулю грудь и оставил его с голым торсом. Наконец, он засучил его левую штанину и снял с этой ноги ботинок и носок.

— Идем.

Они снова тронулись в путь. С необычными ощущениями Пауль наступал голой ногой на холодный пол, сейчас он точно был уверен, что это мрамор.

— Стой!

Он почувствовал у груди какой-то острый предмет, и от этого прикосновения волосы у него на затылке встали дыбом.

— Принес ли соискатель свою клятву?

— Принес.

— Воткни ее на острие меча.

Пауль поднял левую руку, в которой держал написанную в Камере бумагу, и осторожно проткнул ее колющим предметом.

— Пауль Райнер, ты пришел сюда по собственной воле?

"Этот голос... Это же Себастьян Келлер!", — подумал Пауль.

— Да.

— Ты готов пройти через испытания?

— Я готов, — ответил Пауль, не сдержав дрожь.

С этого мгновения сознание Пауля начало отключаться и вспыхивало через некоторые интервалы. Он понимал вопросы, которые ему задавали, и отвечал на них, но страх и отсутствие зрения настолько усилили все остальные чувства, что он с трудом держал их под контролем. Он начал быстрее дышать.

Он поднимался по лестнице и попытался сосчитать ступени, чтобы успокоиться, но дойдя до десяти, сбился со счета.

— Теперь начинается испытание воздухом. Дыхание — это первое, что мы получаем при рождении, — прогремел голос Келлера.

Человек в костюме прошептал на ухо:

— Ты на узком мостике. Сделай три шага вперед. Остановись. Потом сделай еще один шаг, но только твердый, иначе сломаешь шею!

Пауль подчинился, ощущая, как поверхность под ногами изменилась. Вместо мрамора появилось выщербленное дерево. Прежде чем сделать последний шаг, он пошевелил пальцами левой ноги и заметил, что мостик там заканчивается. Он спросил себя, на какой

высоте находится, и в его разуме число ступенек, которые он преодолел, увеличилось в десяток раз, в сотню, в тысячу. Ему казалось, что он оказался под куполом башни Фрауэнкирхе и слышит рядом гуканье голубей и суету Мариенплац где-то внизу, в бесконечности.

Сделай это.

Давай, сделай.

Он шагнул и потерял равновесие.

Он даже не изменил положение тела, настолько был скован страхом. Он упал головой вниз, и падение длилось не больше секунды, а потом лицо ударилось о толстую сетку, и зубы щелкнули от столкновения. Он прикусил внутреннюю поверхность щеки, и рот наполнился вкусом собственной крови.

Когда Пауль вернул контроль над своим телом, то отметил, что крепко держится за сеть. Он должен снять с головы мешок, чтобы убедиться, что это так, что сеть задержала падение.

Нужно выйти из темноты.

У него даже не было времени, чтобы паниковать, потому что тут же в него вцепились несколько пар рук, оттащили и поставили вертикально. Он снова был на ногах и шагал, а голос Келлера провозгласил новое испытание.

— Второе испытание — водой. Это то, из чего мы состоим и откуда пришли.

Пауль повиновался, когда ему приказали поднять ноги — сначала левую, а потом правую, и задрожал. Он только что вступил в огромную емкость с холодной водой, доходящей до колен.

И снова он услышал шепот проводника на ухо.

— Сядь на корточки. Набери полные легкие воздуха, а потом откинься на спину и погрузись под воду. Не шевелись и не пытайся подняться, или ты не пройдешь испытание.

Пауль согнул колени, задрожав еще больше, когда вода дошла до паха и живота. По позвоночнику волнами прокатывалась боль. Он изо всех сил вдохнул и упал навзничь.

Вода сомкнулась над ним, как одеяло.

Поначалу главным ощущением был холод. Он никогда ничего подобного не чувствовал. Тело, казалось, затвердело, превратилось в кусок льда, мрамора или скалу.

Затем заныли легкие.

Это началось как хриплый стон, потом он перешел в сухой вой, а затем в отчаянный, пронзительный крик. Он непроизвольно пошевелил рукой, и пришлось собрать всю силу воли, чтобы не оттолкнуться от дна бассейна и не вынырнуть на поверхность, которая, он знал, была так близко, как открытая дверь из ледяного ада. Лишь когда он уже думал, что больше не может терпеть ни секунды, его резко вытащили из воды, и он отчаянно хватал ртом воздух, снова наполняя им грудь.

И снова он шагал. Он промок, с волос и одежды стекала вода. Правая нога, на которой был ботинок, издавала смешной чмокающий звук, когда он на нее опирался.

И снова голос Келлера.

— Третье испытание — огнем. Это искра Создателя, это то, что нами движет.

Чьи-то руки заставили его повернуться и шагнуть вперед. Человек, который его держал, приблизился настолько, словно хотел обнять.

— Перед тобой — круг из огня. Сделай три шага назад, чтобы разогнаться. Вытяни вперед руки. А потом беги и прыгай вперед изо всех сил.

Пауль заметил теплый воздух перед лицом, высушивший кожу и волосы. Он услышал зловещее потрескивание, и в его воображении огненное кольцо приняло огромные размеры, превратившись в отверстую пасть дракона.

Делая три шага назад, он спрашивал себя, как сможет перепрыгнуть через пламя и уцелеть, и понадеялся, что мокрая одежда защитит его, если он окажется слишком близко к огню. Или еще хуже — если плохо рассчитает разбег и прыгнет прямо в огонь.

В его разуме осталась единственная связная мысль: ему просто нужно представить линию на полу и перепрыгнуть через нее.

Он попытался мысленно вообразить прыжок, как он висит в воздухе, словно ничто не в состоянии причинить ему вред. Он напряг икры, присел, вытянул руки и сделал три быстрых шага вперед.

И прыгнул.

Он почувствовал, как его лицо и руки обнимает теплый воздух, и даже шипение, когда от огня с промокшей рубашки частично испарилась вода. Он упал на руки и ощупал лицо и грудь в поисках ожогов, но ничего не нашел, кроме ссадин на локтях и коленках.

На сей раз ему даже не дали встать на ноги, а подняли, словно дрожащий мешок, и засунули в тесное пространство.

— Последнее испытание — землей, куда мы все вернемся.

Всё произошло без лишних церемоний и без советов проводника. Он лишь услышал шум камней, которыми заваливали вход.

Пауль ощупал пространство вокруг себя. Он находился в очень тесном помещении, где не мог даже встать на ноги. Он сидел на корточках и чувствовал прикосновение трех стен, а понемногу выпрямляя руку, смог дотронуться до четвертой и до потолка.

"Спокойно, — сказал он себе. — Это уже конец. Через несколько минут все закончится".

Он попытался восстановить дыхание и вдруг услышал, как потолок начинает медленно опускаться.

— Нет!

Но едва это слово сорвалось с его губ, как Пауль прикусил язык. По правилам он не должен был говорить во время испытаний. Он задавался вопросом, слышали ли его снаружи.

Пауль попытался упереться руками в потолок, чтобы остановить его снижение, но в такой позе вряд ли мог сопротивляться огромному весу, который на него надвигался. Он толкал изо всех сил, но тщетно. Потолок продолжал опускаться, и вскоре Паулю пришлось лечь спиной на пол. В таком положении он мог делать еще меньше усилий.

Я должен закричать. Должен сказать им, чтобы прекратили!

Внезапно, словно время остановилось, в его голове возникло воспоминание, мелькнул образ, как в детстве он возвращался из школы в полной уверенности, что придя домой получит взбучку. Каждый шаг приближал его к тому, чего он больше всего боялся. Но он ни разу не развернулся. Иногда выбирать не приходится.

Нет.

Он перестал толкать потолок.

Мгновение спустя потолок снова начал подниматься вверх.

— Приступим к голосованию.

Пауль стоял, снова держась за проводника. Испытания закончились, но он еще не знал, прошел ли их. В испытании воздухом он упал камнем, совсем не так, как ему приказали. Он пошевелился во время испытания водой, несмотря на запрет. И он говорил во время испытания землей — самое большое нарушение из всех.

Он услышал какой-то шум, похожий на потряхивание банки с камнями.

Из книги он узнал, что в это мгновение все присутствующие члены ложи направляются в центр Храма, где стоит деревянная шкатулка. Они бросают в нее мраморные шары — белый, если согласны, черный, если отказывают. Вердикт должен быть единогласным. Хватит всего одного черного шара, чтобы его вновь проводили к выходу с завязанными глазами.

Гул голосования закончился, его сменило быстрое постукивание, которое почти мгновенно прекратилось. Пауль предположил, что кто-то высыпал шары на блюдо или поднос, и результаты предстали глазам всех присутствующих, кроме него самого. Возможно, в эти минуты единственный черный шар превратил все испытания, через которые он прошел, в бессмысленные.

— Пауль Райнер, результат голосования является окончательным и обжалованию не подлежит, — снова прогремел голос Келлера.

На миг воцарилось молчание.

— Ты допущен к тайнам масонов. Сними повязку!

Пауль зажмурился, когда глаза снова увидели свет. По его сетчатке опять ударила вся полнота ощущений, смешанная с эйфорией. Он попытался почувствовать всё это разом.

Он находился в огромном зале с мраморным плиточным полом, алтарем и двумя рядами прикрепленных к стенам скамеек.

Члены ложи — почти сотня человек, одетые в вечерние костюмы, замысловатые фартуки и увешанные медалями, стоя аплодировали ему руками в белых перчатках.

Инструменты для испытаний выглядели смешными и безобидными, как только появились на виду: деревянная лестница над сетью, ванна, пара мужчин, держащих факелы, и большой ящик с крышкой.

Себастьян Келлер стоял в центре, рядом с алтарем, украшенным наугольником и циркулем, протягивая Паулю закрытую книгу, на которой ему предстояло принести клятву.

И он положил на книгу левую руку, поднял правую и поклялся никогда не разглашать тайны масонов.

— ... а иначе чтоб мне вырвали язык, разорвали глотку и закопали тело в морских песках, — закончил Пауль.

Он пробежал взглядом по сотне неизвестных лиц, которые его окружали, спрашивая себя, сколько из них были знакомы с его отцом.

И есть ли среди них тот, кто его предал и убил.

После посвящения в жизни Пауля мало что изменилось. Той ночью, после церемонии, он вернулся домой уже под утро, потому что после испытаний все братья-масоны отправились в соседний зал на банкет, который продолжался до самого утра. На самом почетном месте восседал Себастьян Келлер, поскольку он, к величайшему изумлению Пауля, оказался самым Великим Магистром, главой этой ложи.

Несмотря на все прилагаемые усилия, Паулю так ничего и не удалось узнать о своем отце, поэтому он решил пока подождать какое-то время, чтобы войти в доверие к членам ложи, прежде чем начать задавать вопросы. Вместо этого всё свое время он теперь посвящал Алисе.

Девушка снова начала с ним разговаривать, и они даже начали встречаться. Оказалось, что они совершенно разные люди, однако именно это несходство парадоксальным образом влекло их друг к другу. Пауль с большим интересом выслушал ее историю о том, как она сбежала из дома, чтобы избежать ненавистного брака по расчету с его кузеном, и от души восхитился мужеством Алисы.

— И что ты теперь собираешься делать? — спросил он. — Ты ведь не намерена всю жизнь работать фотографом в этом кабаре?

— Мне нравится фотографировать. Со временем я надеюсь устроиться фотографом в какое-нибудь международное агентство... Там хорошо платят, но туда очень трудно пробиться.

Он же, со своей стороны, рассказал девушке о том, что произошло с ним за последние четыре года, и о том, как он все эти годы пытался выяснить, что же на самом деле случилось с Хансом Райнером, и это стало для него поистине навязчивой идеей.

— Странная из нас пара, — заметила Алиса. — Ты стараешься любой ценой восстановить доброе имя своего отца, а я молюсь, чтобы мне никогда не довелось встретиться со своим.

Юноша улыбнулся до ушей, хотя и не из-за удачного сравнения.

"Она сказала, что мы — пара," — думал он.

Правда, к большому огорчению Пауля, Алиса по-прежнему сильно переживала из-за той сцены со шлюхой из кабаре. Когда однажды вечером, проводив ее домой, Пауль на прощание попытался ее поцеловать, она вlepила ему такую затрещину, что у него чуть все зубы не вылетели.

— Черт! - выругался Пауль, сжимая челюсти. — Что, черт возьми, с тобой происходит?

— Не смей этого делать! Даже не пытайся!

— Не буду, если ты собираешься еще раз меня ударить. Дерешься ты не как девушка, — сказал он.

При этих словах Алиса улыбнулась и, схватив его за лацкан пиджака, поцеловала. Страстным, сильным, но коротким поцелуем. Она оттолкнула его и исчезла на лестнице, оставив Пауля ошарашенно стоящим с еще полуоткрытыми губами и пытающимся понять, что происходит.

Паулю приходилось с боем завоевывать каждое сближение, даже в вопросах, которые он считал простыми и элементарными, как, например, пропустить ее вперед в дверях — этого

Алиса в особенности не выносила, предложить донести за нее тяжелую сумку или заплатить по счету за пиво и котлеты.

Через две недели после посвящения Пауль отправился за ней в кабаре примерно в три часа ночи. По пути в находящийся неподалеку пансион Алисы молодой человек спросил, почему ее так раздражают эти проявления галантности.

— Потому что я в состоянии и сама это сделать. Нет нужды, чтобы меня пропускали вперед или провожали до дома.

— Ну да... а в прошлую среду я не пришел в кабаре, потому что проспал, а ты из-за этого пришла в ярость.

— В чем-то ты необычайно умен, Пауль, — сказала она, возбужденно размахивая руками. — Зато в другом ты глупее последнего идиота. Черт, как же ты действуешь мне на нервы!

— Как и ты мне.

— В таком случае, почему ты никак не перестанешь за мной бегать?

— Потому что боюсь того, что ты сделаешь, если перестану.

Алиса остановилась и удивленно посмотрела на него. В тусклом свете фонарей, под полями шляпы ее лицо оставалось в тени, и Пауль не мог понять, как она отреагировала на это замечание, и боялся худшего. Когда Алиса сердилась, она могла несколько дней с ним не разговаривать.

Не сказав больше ни слова, они дошли до дверей пансиона на Штальштрассе, где она жила. В их молчании было что-то тревожное; быть может, этому способствовала гнетущая и жаркая тишина, повисшая над городом. Сентябрь был на исходе — самый теплый в Мюнхене сентябрь за последние десятилетия, маленький глоток радости в этом году, полном невзгод. Поздний ли час, тишина или угрюмое молчание Алисы были тому виной, но сердце Пауля вдруг охватила необъяснимая тоска, ему отчего-то вдруг подумалось, что девушка хочет его бросить.

— Почему ты сегодня всё время молчишь? — спросила она, отыскивая ключи в сумочке.

— Это ведь я произнес последнюю фразу.

— Скажи, ты сможешь подняться по лестнице так, чтобы ни одна ступенька не скрипнула? У моей хозяйки весьма строгие правила в отношении мужчин, а слух у этой крысы чрезвычайно тонкий.

— Ты приглашаешь меня к себе? — спросил Пауль, разинув рот от изумления.

— Если хочешь, можешь оставаться здесь.

Пауль бросился в подъезд с такой прытью, что чуть не потерял шляпу.

Лифта в доме не было, и им пришлось подниматься на третий этаж по деревянным ступенькам, которые при каждом шаге издавали жалобный скрип. Алиса поднималась, прижимаясь к стене — так ступеньки меньше скрипели — но всё равно, когда они оказались между первым и вторым этажом, за дверью одной из квартир послышались шаги.

— Вот же ведьма! — прошептала она. — Бегом, скорее!

В мгновение ока Пауль проскользнул за спиной у Алисы и достиг верхней площадки за секунду до того, как дверь открылась, и яркий свет высветил стройную фигуру Алисы на фоне облезлой лестницы.

— Кто там? — послышался чей-то голос, мало отличимый от скрипа лестницы.

— Добрый вечер, фрау Казин.

— Добрый вечер, фройляйн Танненбаум. — Вы не находите, что не вполне прилично возвращаться домой в столь поздний час?

— Я знаю, фрау. Но у меня такая работа.

— Не могу сказать, что одобряю подобное поведение.

— Я тоже не одобряю, что у меня в ванной течет кран, — ответила Алиса. — Но в мире нет совершенства, фрау Казин.

В эту минуту Пауль слегка пошевелился, и старое дерево заскрипело у него под ногами.

— Кто это там, наверху? — сварливо спросила хозяйка.

— Сейчас посмотрю! — ответила Алиса, поспешно поднимаясь по ступенькам, отделяющих ее от Пауля, и толкая его в направлении своей двери. Она успела повернуть ключ в замке и втолкнуть Пауля внутрь, прежде чем старуха, хромя, поднялась по лестнице за ней следом и попыталась заглянуть в квартиру.

— Я уверена, что слышала чьи-то шаги. Вы привели в мой дом мужчину?

— Не беспокойтесь, фрау Казин. Это всего лишь кошка, — сказала Алиса, захлопнув дверь у нее перед носом и заперев ее на задвижку и цепочку.

— Трюк с кошкой никогда не подведет в случае непрошенных гостей, да? — прошептал Пауль, обнимая Алису со спины и целуя в длинную шею, прямо под ухом. Его дыхание обжигало. Руки и ноги Алисы покрылись мурашками.

— Я боялась, что нам опять кто-то помешает, как в тот день в ванной.

— Ни слова больше. Лучше поцелуй меня, — сказал он, обнимая ее за плечи и разворачивая к себе.

Алиса поцеловала Пауля, безо всякого стыда прижимаясь к нему, и заметила, что его тело ответило. Пауль сорвал с себя пиджак, пытаясь при этом не отрывать губ от девушки, а потом начал стягивать одежду с нее.

Алиса позволила, радуясь каждой пуговице, которую он смог расстегнуть по пути к постели, как маленькой победе, сближающей их кожу. Когда они упали на матрас и его тело прижалось сверху, она собрала всю свою гордость и сказала:

— Остановись.

Пауль замер и посмотрел на нее с тенью разочарования и удивления на лице. Алиса выскользнула из его объятий и легла сверху, навязывая свой ритм и взяв трудоемкую задачу по избавлению от одежды на себя. Когда оба остались голыми, она снова опустила пальцы к его паху и сомкнула их на члене, хотя на этот раз ее взгляд не отделяли от того предмета, который она с силой массировала пальцами, двести литров грязной воды.

— Я больше не могу, Алиса.

— Не двигайся.

Она потянулась к ночному столику, выдвинула ящик и достала оттуда небольшой пакетик. Из этого пакетика она извлекла презерватив, дрожащими руками натянула и села на него сверху.

— Что с тобой?

— Ничего, — ответила она.

— Ты плачешь.

Алиса не сразу решилась признаться. Сказать ему, почему она плачет, означало полностью раскрыть перед ним душу, а к этому она еще не была готова, даже сейчас.

— Просто...

— Что?

— Я так хотела быть первой твоей женщиной.

Пауль застенчиво улыбнулся. Тень скрывала его лицо, но Алиса не сомневалась, что он покраснел.

— Не беспокойся об этом.

— А как же те шлюшки из кабаре?

Пауль приподнялся на локтях, высушил губами ее слезы и посмотрел в глаза.

— Ты — первая.

Она застонала в ответ и наконец приняла его в себя.

Когда ему принесли конверт от Себастьяна Келлера, Пауль не смог сдержать дрожи.

Месяцы после его посвящения в масоны оказались самыми разочаровывающими. Поначалу вступление почти вслепую в тайное общество казалось ему романтическим и трогательным приключением. Когда прошла начальная эйфория, Пауль начал спрашивать себя, зачем ему это нужно. Во-первых, ему было запрещено говорить на собраниях лож — пока не закончится его трехгодичный срок в качестве ученика. Но худшее было не в этом, а в длительных ритуалах, которые казались ему пустой тратой времени.

Не считая формальностей, заседания представляли собой просто дебаты о масонской символике и ее практическом применении для улучшения способностей братьев-масонов. Пауль находил занятой лишь ту часть, когда члены лож решали, на что потратить свою лепту — деньги, которые собирались в конце каждого заседания и предназначенные на благотворительность.

Проходящие раз в две недели заседания начинали превращаться для Пауля в тягостную обязанность, которую он терпел лишь ради того, чтобы познакомиться со всеми членами лож. Но даже эта цель оказалась труднодостижимой, поскольку старейшие масоны, которые наверняка были знакомы с его отцом, сидели за отдельными столами в большой столовой. Он время от времени пытался приблизиться к Келлеру и надавить на него, чтобы книготорговец исполнил свое обещание и отдал то, что оставил в его лавке отец Пауля, но в ложе тот держался отстраненно, а в лавке читал ему длинные нравоучения.

Однако Пауль никогда не пытался ему написать, и он тут же понял, что в продолговатом коричневом конверте, который протянула ему хозяйка пансиона, содержится то, что он так долго ждал, что бы это ни было.

Пауль сел на край кровати, задержав дыхание. Он был уверен, что там письмо от отца, и не мог сдержать слез, когда представил, в каком тяжелом положении оказался Ханс Райнер, когда писал сыну, которому было всего несколько месяцев от роду, чтобы его голос пережил два десятилетия до тех пор, пока сын не сможет понять послание.

Он не решался открыть письмо, пытаясь вообразить, что собирался сказать отец. Может, он даст ему несколько советов. Может, из глубины времен обнимет его.

"Может, он наведет на след тех, кто собирались его убить", — подумал Пауль, сжав зубы.

Он осторожно разорвал конверт и засунул туда ладонь. Внутри находился еще один конверт, белый и поменьше, и записка на обратной стороне визитной карточки книготорговца.

"Дорогой Пауль!

Поздравляю. Ханс гордился бы тобой. Твой отец оставил для тебя письмо. Его содержание мне неизвестно, но надеюсь, что оно тебе пригодится.

С.К."

Он открыл второй конверт, и маленький белый листок с синими буквами упал на пол. Подбрав его, Пауль застыл — то ли от разочарования, то ли от удивления.

В закладной конторе Метцгера было очень холодно, еще холоднее, чем на улице в эти ноябрьские дни. Паулю пришлось тщательно вытереть ноги о коврик перед дверью, потому что на улице не переставая шел дождь. Затем он повесил на вешалку свой зонт и огляделся. Он довольно смутно помнил то утро четыре года назад, когда они с матерью пришли в ломбард в Швабинге, чтобы заложить отцовские часы. Та контора поразила его стерильной чистотой, стеклянными полками и сотрудниками в галстуках.

Контора же Метцгера, напротив, скорее напоминала огромный сундук, пропахший нафталином. Снаружи это здание казалось маленьким и ничем не примечательным, однако, стоило Паулю переступить порог, как он оказался в огромном зале, битком набитом всевозможным добром. Здесь была и мебель, и радиоприемники, и фарфоровые статуэтки, и даже золоченая клетка для птиц. Всё было покрыто пылью и ржавчиной; казалось, настоящая жизнь этих вещей осталась в далеком прошлом, и они уже утратили всякую надежду, что снова кому-то понадобятся. Пауль с удивлением рассматривал сломанное чучело кота, пытавшегося поймать воробья в полете. Между лапой кота и крылом птицы протянулась паутина.

— Здесь тебе не музей, парень.

Пауль испуганно обернулся. Возле него, как по волшебству, возник тощий высохший старик, закутанный в синий халат, который был ему слишком велик и еще больше подчеркивал худобу.

— Это вы — герр Метцгер? — осведомился Пауль.

— Да, это я. Но должен предупредить: я принимаю только золото.

— Я пришел не затем, чтобы что-то заложить, а напротив, для того, чтобы выкупить, — твердо ответил Пауль. Этот коварный человек был ему глубоко неприятен.

В крошечных глазках старика мелькнули искорки жадности. Дела в нынешние времена явно шли неважно.

— Прости, парень... сюда каждый день приходит с десятков человек, и все считают, что старая камей прабабки стоит несколько тысяч марок. Что ж, давай-ка посмотрим, что тебя сюда привело.

Пауль протянул ему бело-синий листок, который обнаружил в присланном книготорговцем конверте. В его верхнем левом углу стояло имя и адрес Метцгера, так что Пауль со всей скоростью помчался к нему, как только отошел от удивления. В центре от руки было написано четыре слова:

"Арт. 91231

21 марка".

Старик внимательно изучил квитанцию.

— Здесь не хватает одного угла. Мы не принимаем испорченных бумаг.

Правый верхний угол, где было написано имя закладчика, действительно был оторван; от него остался лишь неровный край.

— Номер заклада виден отчетливо, — сказал Пауль.

— Тем не менее, мы не можем отдавать вещи клиентам первому встречному.

— Эта вещь принадлежала моему отцу.

Старик почесал подбородок, делая вид, что с интересом изучает квитанцию.

— В любом случае, заклад очень давний, прошло много лет с тех пор, как эту вещь заложили. Наверняка ее давно уже продали с аукциона.

— Понимаю. И как в этом удостовериться?

— Полагаю, что если клиент желает выкупить свое имущество, то, принимая во внимание инфляцию...

Когда владелец ломбарда наконец открыл карты, Пауль чуть не подпрыгнул, сообразив, что тот лишь хочет извлечь как можно больше прибыли. Он во что бы то ни стало решил заполучить этот предмет.

— Хорошо.

— В таком случае, подожди здесь, — ответил тот, торжествующе улыбаясь.

Старик исчез внутри, но через полминуты вернулся, держа в руках изъеденную молью картонную коробку с наклеенной на ней желтой этикеткой.

— Вот она, парень.

Пауль протянул руку, чтобы ее взять, но старик с силой схватил его за запястье. Прикосновение его морщинистой и холодной кожи было отвратительным.

— Что вы делаете, черт возьми?

— Деньги вперед.

— Сначала позвольте мне посмотреть, что внутри.

— Ничего подобного, — заявил старик, медленно мотнув головой. Я верю, что ты — законный наследник этой коробки, а ты веришь в то, что в ней что-то ценное. Двойной акт доверия, так сказать.

Пауль некоторое время боролся с самим собой, но понял, что у него нет иного выбора, кроме как поддаться на шантаж владельца ломбарда.

— Отпустите меня.

Метцгер разжал пальцы, и Пауль тут же сунул руку в карман пальто, нащупывая бумажник.

— Сколько? — спросил он.

— Сорок миллионов марок.

Эта сумма равнялась примерно десяти долларам по нынешнему курсу; на эти деньги можно было кормить семью в течение нескольких недель.

— Многовато запрашиваете, — ответил Пауль, поджав губы.

— Не нравится — не бери.

Пауль вздохнул. У него было с собой достаточно денег, поскольку на следующий день он собирался внести в банк кое-какие платежи. Придется вычитать эту сумму из собственного жалования в ближайшие полгода — из того небольшого, что ему удавалось оставлять, направив всю прибыль предприятия в благотворительный магазин герра Циглера. Вдобавок в последнее время курс акций застопорился или начал падать, а он вложил в них все деньги, так что, учитывая очереди в благотворительных столовых, становящиеся с каждым днем всё длиннее, кризис был уже не за горами.

Он вытащил из кармана огромные банкноты, только что напечатанные. В те дни бумажные деньги не успевали состариться. Банкноты, отпечатанные в предыдущем квартале, имели хоть какую-то ценность только в ближайшем, а дальше отправлялись на растопку мюнхенских каминов, поскольку становились дешевле дров.

Ростовщик вырвал их из рук Пауля и медленно пересчитал, рассматривая каждую на

просвет. Наконец он посмотрел на него и улыбнулся, продемонстрировав отсутствие нескольких зубов.

— Ну что, довольны? — спросил Пауль, саркастически усмехнувшись.

Метцгер убрал руку.

Пауль осторожно открыл коробку, подняв облачко пыли, оставшееся висеть в воздухе, танцуя в свете лампочки. Он вытащил оттуда плоскую квадратную шкатулку из гладкого и потемневшего красного дерева. На ней не было ни украшений, ни резьбы, лишь замок, который открывался при нажатии. Пауль нажал, и крышка шкатулки медленно и тихо поднялась, словно с последнего раза, когда ее открывали. не прошло девятнадцать лет.

Пауль почувствовал, как похолодело на сердце, когда он взглянул на содержимое шкатулки.

— Ты уж иди аккуратней, парень, — сказал старик, в чьих руках только что исчезли банкноты, словно по волшебству. — А то можешь нарваться на неприятности, если у тебя найдут эту игрушку.

Что же ты хотел этим сказать, отец?

Внутри коробки, на подкладке из красного бархата, покоились блестящий пистолет и магазин на десять патронов.

— Только если речь идет о чем-то действительно важном, Метцгер. Я очень занят. Так что, если речь идет о процентах, то лучше вам зайти в другой раз.

Отто фон Шрёдер встретил его, сидя у камина в своем кабинете, не предложив даже сесть, не говоря уже о том, чтобы угостить стаканчиком. Ростовщик, вынужденный стоять перед ним со шляпой в руке, с трудом скрывал свою неприязнь к этому человеку, пряча ее под любезной улыбкой и раболепными поклонами.

— Господин барон, я пришел совсем по другому вопросу. Деньги, которые вы вносили все эти годы, вот-вот принесут свои плоды.

— Он вернулся в Мюнхен? — в тревоге спросил барон. — Нагель вернулся?

— Гораздо хуже, ваша светлость.

— Ладно, не заставляйте меня гадать. Скажите, чего вы хотите.

— Вообще-то, ваша светлость, перед тем, как сообщить эти важные сведения, я хотел бы напомнить о некоторых предметах, чья продажа весьма затруднена в нынешние времена, и это наносит серьезный ущерб моей торговле...

— Короче, Метцгер...

— ... поскольку пришлось их переоценить. Ваша светлость обещали мне ежегодные выплаты за то, что я оповещу вас, если Кловис Нагель заберет какой-либо предмет. Со всем уважением, но ваша светлость не платили мне ни в этом году, ни в прошлом.

Барон понизил голос, и в нем послышалась угроза.

— Метцгер, я не позволю себя шантажировать. За последние двадцать лет я выплатил гораздо больше, чем стоит весь тот хлам, что вы храните в своей дыре.

— Что я на это могу сказать? Ваша светлость дали слово, и ваша светлость его не сдержали. В таком случае, наш договор расторгнут. Всего хорошего, — сказал старик, надевая шляпу.

— Подождите! — сказал барон, хватая его за руку.

Ростовщик повернулся, с трудом сдерживая улыбку.

— Что-нибудь еще, господин барон?

— У меня нет денег, Метцгер, — сказал он. — Я разорен.

— Что вы говорите, ваша светлость!

— У меня есть казначейские облигации, которые могут что-то стоить, если правительство выплатит дивиденды или восстановит экономику. В противном случае это просто бесполезная бумага.

Старик осмотрелся по сторонам, прищурившись.

— Ну что ж, ваша светлость... Думаю, что в счет погашения задолженности за год, я мог бы взять этот столик из бронзы и мрамора, который стоит рядом с вами.

— Он стоит дороже, чем годовая плата, Метцгер.

Старик пожал плечами и ничего не ответил.

— Хорошо. Говорите.

— Кроме того, мне хотелось бы получить залог в счет оплаты будущего года, ваша светлость. Полагаю, что серебряный чайный сервиз, который стоит на столике, как раз подойдет.

— Да вы просто подлец, Метцгер, — сказал барон с нескрываемой ненавистью.

— Это всего лишь бизнес, господин барон, — усмехнулся ростовщик.

Отто на несколько секунд замолчал, но не видел другого выхода, кроме как поддаться на шантаж старика.

— Ваша взяла. Но я надеюсь, что дело хотя бы стоит того.

— Сегодня в мою контору приходил некто, пожелавший выкупить одну из вещей вашего друга.

— Это был Нагель?

— Нет, если только он не придумал способа омолодиться на тридцать лет. Это был совсем молоденький мальчик.

— Он назвал свое имя?

— Он был худенький, русоволосый, с голубыми глазами.

— Пауль...

— Я уже сказал, я его не знаю.

— И что же он выкупил?

— Шкатулку из черного дерева с пистолетом внутри.

Барон вскочил со своего кресла так быстро, что оно опрокинулось и с треском ударилось об угол камина.

— Что вы сказали? — воскликнул он, вцепившись ростовщику в глотку.

— Мне больно!

— Говорите, черт побери, или я сломаю вам шею!

— Это была шкатулка из красного дерева, без украшений, — прохрипел старик.

— Пистолет! Опишите пистолет.

— Маузер-К96 с деревянной рукояткой. Рукоятка не дубовая, как у оригинальной модели, а из черного дерева, в комплекте со шкатулкой. Великолепное оружие.

— Святые небеса! — воскликнул барон. — Как такое возможно?

Внезапно силы его покинули, он выпустил ростовщика и рухнул в первое попавшееся кресло.

Старый Метцгер стоял, потирая шею.

— Сумасшедший! Настоящий сумасшедший! — пробормотал он, бросаясь к выходу.

Барон даже не заметил его ухода. Он сидел, обхватив голову руками, погруженный в свои мрачные мысли.

Илзе подметала коридор, когда в свете бра на полу появилась тень посетителя. Она поняла, кто это, даже не поднимая головы, и потому замерла.

Боже милосердный, как он нас нашел?

Поселившись в этом пансионе с сыном, Илзе расплачивалась за проживание работой, поскольку жалованья Пауля в качестве угольщика не хватало. Позже, когда Пауль превратил магазин Циглера в банк, молодой человек настаивал, чтобы они подыскивали жилье получше. Илзе отказалась. В ее жизни и так произошло слишком много перемен, и она хваталась за то малое, что придавало ей уверенности.

Одной из этих вещей была швабра. Пауль и хозяйка пансиона, считавшая, что пользы от Илзе всё равно немного, настаивали, чтобы она прекратила работать, но она не обращала на них внимания. Ей просто нужно было чувствовать свою необходимость, хоть каким-то образом. Молчаливая отстраненность, в которую она погрузилась после ухода из особняка, стала поначалу результатом нервного напряжения, но позже превратилась в демонстративное проявление любви к Паулю. Она избегала разговоров с сыном, потому что боялась его вопросов. Когда они говорили, то о всяких незначительных вещах, и в них Илзе вкладывала всю свою нежность. Всё остальное время она лишь молча и со стороны им любовалась, сетуя на то, что сын от нее отдалился.

И потому она чрезвычайно встревожилась, встретившись с одним из тех, кто был виновен в том, что она потеряла сына.

— Добрый день, Илзе.

Она отступила на шаг назад.

— Что тебе нужно, Отто?

Барон стукнул по полу своей тростью. Здесь он явно чувствовал себя неловко, очевидно было и то, что его визит не предвещает ничего хорошего.

— Мы можем поговорить наедине?

— Я не хочу с тобой разговаривать, — ответила она. — Скажи, что тебе нужно, и ступай прочь.

Барон недовольно фыркнул, а потом презрительно обвел вокруг руками. Обои на стенах покрылись грибком, пол в некоторых местах вздулся, тусклые лампы давали больше тени, чем света.

— Посмотри на себя, Илзе, до чего ты докатилась. Подметаешь лестницы в каком-то третьеразрядном пансионе. Тебе должно быть стыдно.

— Какая разница, где мне мести лестницы: в пансионе или в особняке. Бывает и линолеум достойнее, чем мрамор.

— Илзе, дорогая ты же знаешь, что когда мы тебя приняли, сами были в сложном положении. И ты не хотела...

— Хватит, Отто. Я знаю, чья это была идея. Но ты же не думаешь, что я приму за чистую монету эту комедию с бароном-марионеткой. Это ты с самого начала управлял моей сестрой, заставив ее расплачиваться за совершенную ошибку. За то, что совершил ты, спрятавшись за спиной жены.

Отто отшатнулся, испугавшись ярости, которой были наполнены слова Илзе. Монокль

выпал из его глаза и болтался на груди поверх пальто, как висельник в петле.

— Ты меня удивляешь, Илзе. Хотя меня предупреждали, что ты...

Илзе в ответ лишь рассмеялась безрадостным смехом.

— Повредилась в уме? О нет, Отто. Я здорова, как никогда. Я молчала все эти годы, потому что боялась того, что мог бы натворить мой сын, если бы узнал правду.

— Тогда останови его. Он зашел слишком далеко.

— Так вот зачем ты явился! — бросила она, не скрывая своего презрения. — Ты боишься, что правда выплывет наружу.

Барон приблизился к ней вплотную. Мать Пауля отступила назад, упершись затылком в стену, в то время как Отто наклонился к самому ее лицу, так что она ощутила его дыхание.

— Послушай, Илзе. Ты — единственная связь с той ночью. Если ты его не остановишь, пока еще не слишком поздно, придется порвать эту связь.

— Давай, Отто, — сказала Илзе, притворяясь смелой. — Убей меня. Но только знай, что я написала письмо, в котором рассказываю всё. Всё. Если со мной что-то случится, Пауль его получит.

— Но... ты ведь это не серьезно. Ты не могла это записать! А если письмо попадет не в те руки?

Илзе не ответила. Она лишь пристально посмотрела на него, потому что вся смелость, которую она собрала, чтобы противостоять барону, иссякла. Отто — высокий, крепкий и хорошо одетый мужчина — пытался выдержать взгляд хрупкой женщины в выцветшем платье, которая опиралась на швабру, чтобы не упасть.

И в конце концов отвел взгляд.

— Я этого так не оставлю, — сказал Отто, поворачиваясь и быстро направляясь к выходу.

— Ты звал меня, отец?

Отто окинул Юргена подозрительным взглядом. Они не виделись уже несколько недель, ему по-прежнему трудно было признать своим сыном этого человека в форме, стоящего в центре столовой. Он вдруг осознал, как широкие плечи Юргена распирают коричневую рубашку, как красная нарукавная повязка со свастикой подчеркивает крепкий бицепс, как черные ботинки придают ему стати, так что ему даже приходится слегка наклонять голову, чтобы не задеть дверные притолоки. Он почувствовал прилив гордости, который тут же утонул в приливе жалости к самому себе. Он не мог не сравнивать себя с Юргеном и ощущал себя старым и усталым, на все свои пятьдесят два.

— Давненько ты не заглядывал домой, Юрген.

— У меня много важных дел.

Барон не ответил. Хотя он разделял идеи нацистов, но не слишком их ценил. Как и большинство жителей Мюнхена, он считал, что у этой партии нет будущего, она обречена на исчезновение. Если они дожили до этих времен, то только потому, что с выгодой использовали тяжелое положение людей, которые слепо верили экстремистам с их нелепыми обещаниями. Но сейчас у него не было времени с этим разбираться, потому что его собственное положение было не менее тяжелым.

— Таких, чтобы позабыть о матери? Она о тебе беспокоится. Можно узнать, где ты ночуешь?

— В казармах СА.

— Ты должен начать обучение в университете, и так уже опоздал на два года! — сказал Отто, качая головой. — Сейчас ноябрь, а ты так и не был ни на одной лекции.

— Я занимаю ответственный пост.

Слушая его, Отто видел, как хранящиеся в его памяти остатки того образа избалованного мальчишки, который мог бросить на мраморный пол чашку, потому что чай оказался слишком сладким, разбиваются на мелкие кусочки. Он спрашивал себя, как лучше к нему подступить. От того, послушается ли его Юрген, зависит многое.

Он не спал много ночей, беспокойно ворочаясь на матрасе и раздумывая над тем делом, ради которого вызвал сына.

— Ответственный пост, говоришь.

— Охраняю самого важного в Германии человека.

— Самого важного в Германии человека, — повторил отец. — Ты, будущий барон фон Шрёдер, и какой-то головорез из темного австрийского угла с претензиями на величие. Есть чем гордиться.

Юрген вздрогнул, как будто получил пощечину. На мгновение в его взгляде запылал пожар, словно раздутый из искры порывом ветра. Единственный глаз в бешенстве дернулся.

— Ты не понимаешь...

— Хватит. Я хочу, чтобы ты сделал что-то действительно важное. Я не могу доверять это никому, кроме тебя.

Юрген смутился от такой перемены темы. Ответ замер у него на губах, сменившись любопытством.

— И что же это? — спросил он.

— Я разыскал твою тетку и кузена.

Юрген не ответил. Он сел рядом с отцом, снял с глаза повязку, открыв неестественную пустоту, которую скрывала лишь сморщенная кожа век, и медленно потерял это место.

— Где ты их нашел? — поинтересовался он ледяным голосом, лишенным выражения.

— В пансионе, в Швабинге. Но я запрещаю тебе даже думать о том, чтобы отомстить. Сейчас у нас есть гораздо более важные дела. Я хочу, чтобы ты вошел в комнату тети, обыскал ее сверху донизу и забрал все бумаги, которые там найдешь. Особенно это касается рукописных бумаг. Письма, дневники, всё такое...

— Но зачем они тебе?

— Этого я не могу сказать.

— Не можешь сказать! Ты позвал меня, попросил о помощи, запретив перед тем мстить тому, кто со мной такое сделал, того, кто дал моему больному брату пистолет, которым он разнес себе голову. Ты запрещаешь мне мстить и ждешь, что я тебе повинуюсь без единого объяснения! — заявил Юрген, постепенно повысив голос почти до крика.

— Ты сделаешь то, что я тебе велю, если не хочешь, чтобы я лишил тебя наследства!

— Сделай одолжение, папа! Я никогда не любил оплачивать чужие долги. Единственное, что ты можешь мне оставить, это титул барона, а он и так принадлежит мне по закону. Так что я в любом случае его унаследую, нравится тебе это или нет.

Выскочив из столовой, Юрген хлопнул дверью и бросился через прихожую на улицу, когда его окликнули.

— Подожди, сынок.

Он обернулся. По лестнице спускалась Брунхильда.

— Мама, — прошептал молодой человек, нервно сглотнув.

Она подошла и поцеловала его в щеку, для чего ей пришлось встать на цыпочки. Она поправила ему черный галстук на рубашке и вытянула кончики пальцев, чтобы погладить то место, где раньше находился правый глаз. Юрген при этом прикосновении отпрянул и снова надел повязку.

— Ты должен сделать то, о чем просит тебя отец, — сказала она.

— Но как же...

— Ты должен сделать это, Юрген. Он будет гордиться тобой, если ты сможешь это сделать. И я тоже.

Брунхильда говорила довольно долго. Голос матери был нежным, Юрген даже не представлял, что он может быть таким, вызывая образы и чувства, которых он давно уже не испытывал. Он всегда был любимчиком матери. Она обращалась с ним по-другому, никогда ни в чем не отказывала. Юргену захотелось свернуться калачиком у нее на коленях, как в детстве, когда лето не кончалось.

— И когда?

— Завтра.

— Но завтра же восьмое ноября, мама. Я не могу...

— Ты можешь пойти туда завтра вечером. Твой отец хорошо изучил их распорядок. Пауля в это время никогда не бывает дома.

— Но у меня уже есть обязательства!

— Что-то более важное, чем семья, Юрген?

Брунхильда снова встала на цыпочки и дотронулась до его лица. На сей раз Юрген не

отшатнулся.

— Думаю, что смогу это сделать, если поспешу.

— Вот и хорошо, золотой мой мальчик. Так вот, когда ты раздобудешь эти бумаги, — сказала она, понизив голос до шепота, — то сначала принеси их мне. И ничего не говори отцу.

Алиса смотрела из-за угла, как Манфред выходит из трамвая. Как и каждую неделю за последние два года, она стояла рядом со своим бывшим домом, надеясь увидеть брата. За всё это время она ни разу так страстно не желала подойти к нему, поговорить, в конце концов сдаться и вернуться домой. Она спрашивала себя, как поведет себя отец при ее появлении.

Я не могу этого сделать, в особенности в этой... ситуации. Это как дать ему решающую причину. Это как умереть.

Она следила взглядом за Манфредом, который превратился в стройного подростка — из-под кепки торчат непослушные волосы, руки в карманах, а под мышкой ноты.

"Уверена, что на рояле ты играешь всё так же плохо", — подумала Алиса с смесью раздражения и тоски.

Манфред шел по тротуару и, не доходя до дома, остановился перед кондитерской. Алиса улыбнулась. Впервые она это увидела два года назад, когда случайно обнаружила, что по четвергам брат возвращается с уроков фортепиано на общественном транспорте вместо отцовского мерседеса с шофером, который в это время был занят. Полчаса спустя Алиса вошла в кондитерскую и сунула продавщице деньги, чтобы та на следующей неделе вложила в пакет с конфетами для Манфреда записку. В спешке нацарапанная на оберточной бумаге записка гласила:

"Это я. Приходи каждый четверг, я буду тебе писать. Всегда спрашивай Ингрид и отдавай ей ответ.

Любящая тебя

А".

Все семь дней она ожидала в нетерпении, опасаясь, что брат не захочет ответить или разозлился на нее за то, что она ушла, не попрощавшись. Однако ответ был типичным для Манфреда. Он начал с изящного анекдота про швейцарцев и итальянцев, а закончил рассказом о школе и о том времени, когда он не получал от нее известий, словно они расстались десять минут назад. Хотя новости от брата сделали ее счастливой, одна фраза, последняя, подтвердила ее худшие страхи:

"Папа продолжает тебя искать".

Она выбежала из кондитерской, боясь, что кто-нибудь может ее узнать. Несмотря на опасность, Алиса возвращалась каждую неделю, но всегда натягивая шляпку до бровей и надевая пальто или шаль, скрывавшие фигуру. Она никогда не поднимала взгляд в сторону окон отцовской квартиры, потому что он мог выглянуть и узнать ее. Каждую неделю, как бы ни были ужасны ее собственные обстоятельства, она погружалась в будничные события, маленькие победы и большие поражения в жизни брата. Когда в двенадцать лет он получил медаль по легкой атлетике, она плакала от радости. Когда мальчишки избили его во дворе школы, назвав "грязным жидом", она пылала от ярости. Какой бы тонкой ни была эта нить, эти письма связывали ее с воспоминаниями о счастливом прошлом.

В тот четверг, восьмого ноября, Алиса прождала чуть меньше обыкновенного, поскольку боялась, что если проведет на Принцрегентплатц больше времени, ее душой овладеют сомнения, и она выберет самое простое и самое ошибочное решение. Она вошла в кондитерскую, как обычно попросила пакет мятных леденцов и как обычно заплатила за них

тройную цену. Она всегда ожидала, пока не подойдет трамвай, но в этот день тут же нащупала завернутую в целлофан записку и незаметно ее развернула. Там было всего три слова, но их оказалось достаточно, чтобы ее руки задрожали.

"Меня раскрыли. Беги".

Она с трудом сдержала крик.

Опустив голову, Алиса шла медленно, не глядя по сторонам. Может быть, за кондитерской не следят.

Она открыла дверь магазина и шагнула на улицу. Не сдержавшись, она оглянулась.

За ней шли двое мужчин в габардиновых пальто и шляпах, по меньшей мере в пятидесяти метрах сзади. Один из них, поняв, что она их заметила, сделал знак другому, и оба ускорили шаг.

Вот дерьмо!

Алиса пыталась идти как можно быстрее, не переходя на бег. Если ее остановит полиция, то они ее настигнут, и всё будет кончено. Это наверняка нанятые отцом детективы, которые выдумают какую-нибудь историю, чтобы ее задержать или привести в квартиру семьи. Официально она еще несовершеннолетняя — до двадцати одного года ей оставалось одиннадцать месяцев, так что если такое произойдет, она будет в полной власти отца.

Алиса перешла на другую сторону улицы, не останавливаясь, чтобы оглянуться. Мимо проехал велосипедист, чуть прикоснувшись к ней, так что всколыхнулась юбка. Парнишка потерял управление и упал, задержав преследователей, которые были вынуждены его огибать.

— Вы что, рехнулись? — крикнул ей упавший на мостовую парень, хватаясь за ободренные колени.

Алиса снова оглянулась и увидела, как двое мужчин пересекли улицу, воспользовавшись отсутствием машин. Теперь они были меньше чем в десяти метрах и быстро сокращали дистанцию.

Один квартал до трамвая. Всего один.

Она проклинала свои туфли на деревянной подошве, которые слегка скользили по мокрому тротуару после пролившегося днем дождя. Саквояж из кожи и картона, где она хранила камеру, стучал по бедру, и она поправила ремень на плече.

Если она ничего не придумает, то точно не уйдет от преследователей. Она уже слышала их шаги. Если один из них протянет руку, то в любой миг сможет ее схватить.

Нет, только не это. Только не так близко к спасению.

И тут прямо перед ней за угол завернула группа школьников в форме во главе с учителем, который сопровождал детей до остановки. Двадцать детей шли строем и перегородили улицу. Теперь ей придется признать поражение.

Если только...

Она опустила левую руку в карман пальто, нащупала пакет с леденцами, которые только что купила в кондитерской, и надорвала целлофан ногтями. Вытащив приличную горсть, она показала круглые зеленые леденцы детям, перегородившим проход.

— Эй, ребята, кто хочет леденцов?

Все разом подняли руки и заголосили. Алиса бросила горсть леденцов вверх и втиснулась между детьми, воспользовавшись суматохой и брешью в их строю. Оказавшись в центре, она вытащила другую горсть и тоже бросила вверх. Дети дрались, чтобы схватить конфеты, а Алиса смогла перейти на другую сторону улицы как раз вовремя. Там катился

трамвай, трезвоня в колокольчик по мере приближения. Учитель во всю глотку орал на детей, которые вовсю наслаждались неожиданным нарушением распорядка.

Алиса протянула руку и схватилась за поручень трамвая, поставив ногу на ступеньку. Кондуктор слегка замедлил скорость, чтобы она смогла войти, а Алиса повернулась, чтобы оглядеть улицу, как только оказалась в трамвае.

Преследователей нигде не было видно.

С облегчением вздохнув, Алиса заплатила за билет и дрожащими руками вцепилась в поручень, совершенно не осознавая, что в это мгновение две фигуры в габардиновых пальто и шляпах садились в трамвай с задней подножки.

Пауль ждал Алису на Розенхаймер штрассе, рядом с Людвигсбрюке. Увидев, как она выходит из трамвая, он собирался ее поцеловать, но заметив ее встревоженное лицо, остановился и просто обнял.

— Что случилось?

Алиса закрыла глаза и зарылась в крепкие объятия Пауля. В этом таком комфортном убежище она не заметила, как двое преследователей вышли из трамвая и скрылись в ближайшем кафе. Ожидающий ответа Алисы Пауль тоже не обратил на них ни малейшего внимания, для него они были всего лишь прохожими.

— Я забирала письмо брата, как всегда по четвергам, но, похоже, за мной следили. Я больше не смогу так делать.

— Это ужасно. Как ты?

Алиса немного поколебалась. Стоит ли ему всё рассказать?

Было бы так легко это сказать. Просто открыть рот и произнести два слова. Так просто и так невыносимо.

— Думаю, что да. Они остались за углом, когда я садилась в трамвай.

— Хорошо... но думаю, тебе следует отменить сегодняшнюю ночную работу, — задумчиво сказал Пауль.

— Не могу, Пауль. Это мой первый заказ.

После многочисленных попыток через несколько месяцев ей удалось привлечь внимание кого-то из "Мюнхен Альгемайне", ежедневной газеты со средним тиражом, чей фоторедактор поручил ей отправиться нынешним вечером в "Бюргербройкеллер". В этой пивной, находящейся менее чем в тридцати шагах от того места, где они сейчас стояли, через полчаса должен был выступать комиссар Баварии Густав фон Кар. Для Алисы бросить рабскую жизнь в ночном кабаре и заниматься тем, что ей больше всего нравилось — фотографией, было просто мечтой.

— Но после того, что случилось... мы могли бы пойти к тебе, забраться под одеяло, и я бы тебя утешил, — искушающе прошептал Пауль ей на ухо.

— Ты только об этом и в состоянии думать? — сказала Алиса, отталкивая его.

— Я просто...

— Не просто! Ты хоть понимаешь, как важна для меня работа сегодня вечером? Я несколько месяцев дожидалась этой возможности!

— Успокойся, Алиса. Не устраивай сцену.

— И не говори, чтобы я успокоилась, идиот! Это тебе нужен холодный душ! Или ты думаешь, я ничего не заметила, когда ты меня обнимал?

— Алиса, перестань. Ты преувеличиваешь, — произнес Пауль, ничего не понимая.

— Я преувеличиваю. Только этого не хватало, — фыркнула девушка, повернувшись и

направившись к пивной.

— Подожди! Разве мы не выпьем по чашке кофе?

— Пей один.

— Может, я хотя бы пойду с тобой? Эти политические собрания могут быть опасными, люди пьют, и иногда возникают драки.

Произнеся эти слова, Пауль понял, что только что совершил непоправимую ошибку. Ему захотелось схватить слова на лету, прожевать и проглотить, но было уже слишком поздно.

— Большое спасибо, я не нуждаюсь в твоей защите, Пауль, — ледяным тоном ответила Алиса.

— Прости, Алиса. Вообще-то я не хотел...

— Желаю хорошо провести вечер, Пауль, — сказала она, оставив его с извинениями на губах и влившись в поток входящих в пивную людей.

Пауль, оставшись в одиночестве посреди оживленной улицы, почувствовал желание кого-нибудь придушить, завопить, затопать ногами и зарыдать одновременно.

Было семь часов вечера.

Сложнее всего оказалось проникнуть в пансион.

Хозяйка кружила у двери с метлой и шваброй, как ищейка. Юргену пришлось прождать пару часов, прогуливаясь по соседству и поглядывая на вход в здание, когда он проходил мимо. Он не мог рисковать и войти это на виду у всех, потому что его не должны были потом опознать. На прилегающей улице вряд ли кто-нибудь обратил бы внимание на человека в черном пальто и шляпе, шагающего с газетой под мышкой.

В сложенной газете он прятал дубинку. Опасаясь, что она может упасть, Юрген с такой силой ее прижимал, что на следующий день наверняка выступит приличный синяк. Под гражданской одеждой он носил коричневую форму СА, которая привлекла бы слишком много внимания в этом полном евреях квартале. Фуражку он нес в сумке, а сапоги оставил в казарме, надев вместо них тяжелые ботинки.

Наконец, много раз пройдя мимо дома, он смог найти брешь в обороне. Хозяйка прислонила метлу к стене и исчезла в ведущей внутрь дверце, видимо, чтобы приготовить ужин. Юрген воспользовался этим, чтобы проскользнуть в дом и взбежать по лестнице на последний этаж. Пройдя по нескольким холлам и коридорам, следуя указателям на выцветших деревянных табличках, выглядящих так, будто им лет сто, он оказался перед дверью Илзе Райнер.

И постучал костяшками пальцев.

"Может, ее там нет, и тогда всё будет гораздо проще", — подумал Юрген, спеша побыстрее выполнить задачу и перейти на западный берег Изара, где через два часа собирались члены "Штоссгрупп". Это был знаменательный, исторический день, а он терял время на интриги, которые совершенно его не интересовали.

Если бы он смог схватиться с Паулем... это было бы другое дело.

По его лицу пробежала улыбка. В тот же миг дверь открылась, и прямо в глаза ему смотрела тетя. Возможно, она прочла в них предательство и убийство, возможно, ощутила в его присутствии страх. Как бы то ни было, она попыталась захлопнуть дверь.

Но Юрген оказался проворней. Он смог просунуть внутрь левую руку. Дверь с силой стукнула его по пальцам, и Юрген сдержал крик, но рука уже была повреждена. Как бы Илзе не напирала, пытаясь закрыть дверь, ее маленькое хрупкое тело не могло противостоять яростному нажиму Юргена. Он навалился на дверь всем телом, удерживающая ее цепочка разорвалась, а Илзе свалилась на пол.

— Если закричишь — убью, старуха, — сказал Юрген серьезным и тихим голосом.

— Имей уважение. Я моложе твоей матери, — ответила Илзе с пола, колеблясь между страхом и уязвленной гордостью.

Юрген промолчал. Пальцы кровоточили, удар оказался сильнее, чем ему показалось. Он бросил газеты с дубинкой на пол, приблизился к опрятно убранной кровати и оторвал кусок простыни. Он обматывал клочок ткани вокруг ладони, когда Илзе, решив, что он не заметит, встала и открыла дверь. Но когда она уже собралась броситься бежать, Юрген дернул ее за платье, так что она снова упала.

— Хорошая попытка. Может, всё-таки поговорим?

— Ты ведь пришел сюда не для того, чтобы разговаривать.

— Это верно.

Он изо всех сил дернул ее за волосы, заставив подняться и посмотреть ему прямо в лицо.

— Где ты хранишь бумаги, тетя?

— Как это типично для барона, — усмехнулась Илзе. — Прислать тебя, чтобы сделать то, на что он не осмеливается. Ты знаешь, что именно он отправил тебя искать?

— Да ну вас с вашими секретами. Нет, отец ничего мне не объяснил, просто попросил принести эти бумаги. К счастью, мама высказалась более определенно. Я должен найти твое письмо со всяким враньем и второе — от твоего мужа. И я хочу их получить.

— Я не намерена ничего тебе отдавать.

— Боюсь, ты даже не представляешь, что я могу с тобой сделать, тетя.

Он снял пальто и положил его на стул, завел руку за спину и вытащил оттуда охотничий нож с красной ручкой. При свете керосиновой лампы лезвие поблескивало серебром и отражалось в испуганных глазах Илзе.

— Ты не посмеешь...

— О, еще как посмею!

Вопреки бравade, это оказалось гораздо труднее, чем он воображал. Совсем не то же самое, что драка в пивной, где он позволял овладеть собой инстинктам и адреналину, пока голова управляла жестокой и грубой машиной.

Когда он взял тетю за правую руку и с силой прижал ее к круглому столу, то ничего не почувствовал, никаких эмоций кроме грусти при виде заостренных, похожих на пилу зубов. Он царапнул ее ножом по животу, а потом с тем же почтением поставил нож между пальцами и двумя не слишком уверенными движениями отрезал указательный.

Илзе издала вопль, но Юрген был к нему готов и заткнул ей рот рукой. Он спрашивал себя, где же те эмоции, обычно сопровождающие насилие, которые и привели его в СА.

Может, это из-за отсутствия сопротивления? Эта старая карга, конечно же, на него не способна.

Вопль под ладонью Юргена потихоньку превратился в едва слышные всхлипы. Юрген впился взглядом в наполненные слезами глаза Илзе, пытаясь получить от происходящего то же удовольствие, которое ощутил, выбивая зубы молодому коммунисту пару недель назад, но тщетно. Он обреченно вздохнул.

— Ну что, будешь говорить? Это никому не доставляет удовольствия.

Илзе с усилием кивнула.

— Я рад. Тогда дай мне то, о чем я спрашивал, — сказал он, толкнув Илзе.

Она отшатнулась от Юргена и нетвердой походкой направилась к шкафу. Искалеченную руку она прижала к груди, и на бежевом платье расплылось пятно. Не отрывая руку от груди, Илзе пошарила среди одежды, пока не нашла маленький белый конверт.

— Это мое письмо, — протянула она конверт Юргену.

Тот взял письмо, на котором остался кровавый отпечаток. На нем было написано имя кузена. Юрген разорвал конверт и вытащил оттуда пять листков, исписанных от руки четким круглым почерком, без помарок и клякс.

Юрген скользнул взглядом по первым строчкам, но что-то в них привлекло его внимание, и он продолжил чтение. Примерно на середине текста его глаза засверкали, а дыхание участилось. Он взглянул на Илзе подозрительным и немного безумным взглядом, не в состоянии поверить в прочитанное.

— Это ложь! Мерзкая ложь! — сказал он, надвигаясь на тетю и приставив нож к ее горлу.

— Нет, Юрген. Мне жаль, что ты узнал это вот так.

— Тебе жаль? Ты мне сочувствуешь? Я только что отрезал тебе палец, старуха! Что мне мешает прямо сейчас перерезать тебе глотку? Скажи, что это ложь! — произнес Юрген, понизив голос почти до ледяного шепота, от которого у Илзе встали дыбом волосы на затылке.

— Я многие годы была жертвой этой правды. И частично поэтому ты превратился в такое чудовище.

— А он знает?

Этот вопрос Илзе уже не выдержала. Она покачнулась, голова у нее кружилась из-за нахлынувших чувств и потери крови, и Юргену пришлось поддержать ее, чтобы она не упала.

— Нет, ты не грохнешься в обморок, старая дрянь!

Неподалеку находился умывальник. Юрген бросил тетю на кровать и плеснул ей в лицо воды. Илзе стало немного лучше.

— Хватит, — очень тихо сказала она.

— Отвечай. Пауль знает?

— Нет.

Юрген дал ей несколько секунд, чтобы прийти в себя. Теперь его наконец-то накрыли эмоции, хотя и не в той форме, какой он ожидал. Буря смешанных чувств пронеслась в его голове, когда он перечитывал письмо, на сей раз до самого конца.

Когда он закончил, то снова аккуратно сложил страницы и сунул письмо в карман. Теперь он понял, почему отец так настойчиво просил его найти это письмо и почему мать хотела получить его первой.

"Они хотели меня использовать. Думали, что я идиот. Но никто кроме меня не должен прочитать это письмо... А я использую его, когда придет время. Ах, да. Когда они этого меньше всего ожидают".

Но он должен был получить кое-что еще. Он медленно подошел к кровати и наклонился над ней.

— Мне нужно письмо Ханса.

— У меня его нет. Клянусь Богом. Твой отец всегда его искал, но у меня его нет, я даже не уверена, что оно существует, — сказала Илзе, которая снова начала всхлипывать, прижимая к себе покалеченную руку.

— Я тебе не верю, — соврал Юрген. В таком состоянии Илзе явно не могла ничего скрыть, но ему всё равно хотелось узнать, какую реакцию у нее вызовет его недоверие. Он снова поднес нож к ее лицу.

Илзе изо всех сил попыталась отвести его руку, но это было равносильно усилиям ребенка, толкающего гранитную глыбу.

— Оставь меня в покое, Бога ради. Разве ты уже не причинил мне достаточно боли?

Юрген огляделся. Он отошел от кровати, взял со стола зажженную лампу и бросил ее в шкаф. Стекло разбилось, и горящий керосин залил одежду и обувь.

Он вернулся к кровати и пристально посмотрел Илзе в глаза, он хотел запомнить этот момент во всех подробностях. Он ткнул острие ножа ей в живот. Набрал в легкие воздуха.

И погрузил нож до самой рукоятки.

— Теперь да.

После неприятной перепалки с Алисой Пауль находился в дурном расположении духа. Он решил наплевать на холод и пойти домой пешком, и об этой ошибке сожалел всю оставшуюся жизнь.

Шесть километров, разделявшие пивную от его пансиона, он прошел почти за час, едва обращая внимание на то, что происходит вокруг. Он был мысленно погружен в разговор с Алисой, изобретая фразы, которые могли бы привести к другому результату. В одну минуту он хотел произнести что-то примирительное, а в следующую — уже бросить реплику, которая причинит ей такую же боль, чтобы она поняла, как он страдает. Погруженный в бесконечные любовные драмы, он не видел, что происходит, пока не сделал последние шаги к двери.

И тогда он учуял запах дыма и заметил бегущих людей и стоящую перед домом пожарную машину.

— Куда лезешь, рехнулся что ли?

Пауль поднял взгляд. Четвертый этаж горел.

— Боже мой, мама!

На другой стороне улицы собиралась толпа, наполовину состоящая из зевак, а наполовину — из жильцов пансиона. Пауль подбежал к ним в поисках знакомых лиц и зовя мать. Наконец, он наткнулся на сидящую на бордюре хозяйку с почерневшим от сажи лицом, на котором слезы прочертили следы. Пауль схватил ее за плечи.

— Моя мать! Где она?

Не в силах посмотреть ему в глаза, хозяйка пансиона снова зарыдала.

— С четвертого этажа никто не спускался. Хорошо, что мой отец, мир его праху, не видит, во что превратился этот дом!

— А пожарные?

— Они еще не поднимались, но они всё равно ничего не могут сделать. Огонь заблокировал лестницы.

— А выход на соседнюю крышу? Дома номер 22?

— Может быть, — ответила хозяйка, с тоской заламывая мозолистые руки. — Оттуда сверху можно спрыгнуть. Иногда дети консьержки гоняют на крыше кошек...

Пауль не дослушал фразу до конца, потому что уже неся к соседнему подъезду. В дверях стоял полицейский с недружелюбным видом, допрашивая одну из жительниц пансиона. Увидев бегущего к нему Пауля, он нахмурился.

— Куда это вы направляетесь, молодой человек? Мы всех выведе... Эй!

Пауль оттолкнул его с такой силой, что полицейский растянулся на мостовой.

В этом здании было пять этажей, на один больше, чем в соседнем. На всех этажах находились частные квартиры, хотя сейчас они, вероятно, опустели. Шаги Пауля отдавались, как стук барабана, когда он взбирался наверх почти впотьмах, поскольку консьержка отключила в здании электричество.

На последнем этаже ему пришлось задержаться, потому что он нигде не видел выхода на крышу, пока не понял, что нужно воспользоваться люком в потолке. Он прыгнул, пытаясь дотянуться до открывающей его ручки, но ему не хватало шестидесяти сантиметров. Он в

отчаянии огляделся в поисках предмета, которым мог бы воспользоваться, но ничего не нашел.

Оставалось только взломать дверь какой-либо из квартир.

Пауль выбрал ближайшую и попробовал вышибить ее плечом, как читал в романах Сакса Ромера, но добился лишь острой боли, на несколько минут охватившей всю руку.

Он стал колотить в дверь ногой на уровне замочной скважины, и таким путем наконец-то ее открыл после дюжины ударов. Пауль схватил первый попавшийся в темной прихожей предмет — стул. Взобравшись на него, он смог потянуть на себя ручку и опустить деревянную лестницу, по которой поднялся на крышу.

Там невозможно было дышать. Ветер гнал сюда весь дым, и Паулю пришлось прикрыть рот платком, чтобы двигаться вперед.

Он чуть не свалился в щель между зданиями — проем чуть более метра шириной. Он едва различал соседнюю крышу.

Куда прыгать, черт возьми?

Он вытащил из кармана связку ключей и швырнул перед собой по дуге. Послышался звон, и Пауль понял, что ключи ударились о камень или дерево, и прыгнул в этом направлении.

На короткий миг он ощутил, будто его тело плывет в дыму, а потом приземлился на четвереньки, оцарапав ладони и завалившись на бок. Наконец-то он оказался в здании пансиона.

Потерпи, мама. Я уже здесь.

Ему пришлось идти с вытянутыми вперед руками, пока он не вышел из зоны задымления, тянувшейся ближе к улице. Через подметки ботинок он чувствовал исходящий от крыши жар. В глубине был проем, где дым немного рассеивался. Там стоял навес, старое кресло-качалка без ножек и то, что Пауль так отчаянно искал.

Вход внутрь!

Он подбежал туда, опасаясь обнаружить, что дверь заперта. Силы начали его покидать, ноги так отяжелели, словно крыша была намазана патокой. Добравшись до дверцы, ему пришлось остановиться на несколько мгновений, чтобы восстановить дыхание.

"Боже, молю тебя чтобы огонь не проник в ее комнату. Прошу. Мама, скажи мне, что ты сообразила открыть кран умывальника и заткнуть щель под дверью чем-то мокрым.

Дверь на лестницу была приоткрыта, а проем полон дыма, хотя его вполне можно было перенести. Пауль спустился на всей скорости, на предпоследней ступени споткнувшись о какой-то предмет, который едва заметил. Он двинулся вперед, пытаясь узнать место, где находится, по рисунку грязного и изношенного ковра под ногами. Ему пришлось добежать до конца коридора и завернуть направо, и он оказался напротив комнаты матери.

Пауль хотел войти, но это оказалось невозможным. Там дым приобрел оранжевый цвет. Там вообще не было воздуха, и несмотря на то, что на нем было пальто и перчатки, его кожа ощутила такой жар, что он не мог сделать ни шагу дальше.

— Мама!

Он хотел крикнуть, но из горла вырвался только сухой, приглушенный и жалобный хрип.

Рядом загорелись обои, и Пауль понял, что огонь вот-вот окружит его со всех сторон, если он немедленно отсюда не уберется. Он развернулся обратно, и тогда пламя, которого еще не было, когда он спускался, высветило лестничный проем. В это мгновение Пауль

понял, обо что споткнулся, и что за темные пятна видел на ковре.

На полу, прижавшись к первой ступени, лежала его мать. И она была ранена.

— Нет! Мама!

Он склонился над матерью, щупая ее пульс. Илзе очнулась и посмотрела на него.

— Пауль, — еле слышно произнесла она.

— Потерпи, мама! Я вытащу тебя отсюда!

Пауль поднял хрупкое тело и побежал вверх по лестнице. Он пытался как можно дальше отбежать от лестницы, но тут же понял, что свободная от дыма зона с каждой секундой сжимается.

Пауль остановился, оказавшись в ловушке. Он не мог пересечь плотную дымную завесу с матерью на руках, а тем более прыгнуть вслепую через проем между домами. И здесь он оставаться не мог. Перед ним только что обрушились несколько секций крыши, а на краях дыры плясали красные языки. Пламя должно было поглотить крышу через каких-то несколько минут.

— Потерпи, мама. Я вытащу тебя отсюда. Отвезу в больницу, и там тебя поставят на ноги. Клянусь. Но ты должна потерпеть.

— На пол... — сказала Илзе, слабо кашлянув. — Положи меня.

Пауль опустился на колени, так чтобы мать оперлась ногами в пол, в более удобном положении. Он в первый раз смог оценить ее состояние. Платье было залито кровью, а на правой руке не хватало половины пальца.

— Кто это сделал? — спросил он с искаженным от ярости лицом.

Илзе с трудом могла разговаривать. Ее лицо стало мертвенно бледным, а губы дрожали. Спасаясь от пламени, она поползла из комнаты в нужном направлении по чистой случайности, оставив за собой красный след. Из-за раны, вынудившей ее передвигаться ползком, как ни парадоксально, она выжила в пожаре, потому что с дырой в легких поглотила меньше дыма. Но дым уже наполнял заднюю часть здания, и в теле Илзе Райнер почти уже не теплилась жизнь.

— Кто, мама? — повторил Пауль. — Это был Юрген?

Илзе открыла глаза. Они так покраснели, что Пауль с трудом заметил, что теперь мать на него смотрит.

— Нет...

— Тогда кто? Ты его знаешь?

Илзе поднесла трясущуюся руку к лицу сына и погладила его. Кончики ее пальцев были холодными, но обожгли его кожу и душу, словно были частью пожара, бушевавшего за их спинами. Пауль знал, что мать дотрагивается до него в последний раз, это наполняло его болью и страхом.

— Это был не...

— Кто?

— Это был не Юрген.

— Скажи мне, мама, скажи, кто это был. Я убью его.

— Ты не должен...

Новый приступ кашля оборвал ее слова. Руки Илзе безжизненно упали. Сын пытался обмахнуть ее рукой, но воздух был таким горячим, что этот жалкий жест не возымел никакого эффекта.

— Ты не должен причинять зло Юргену, Пауль.

— Почему, мама?

Мать сражалась за каждый вздох, но больше сама с собой. Пауль видел боль и борьбу в ее глазах. Ей пришлось приложить огромные усилия, чтобы вдохнуть. Но еще больше, чтобы вырвать из сердца три последних слова.

— Он твой брат.

Брат.

Сидя на краю тротуара, рядом с тем местом, где всего час назад находилась хозяйка пансиона, Пауль размышлял над этим словом. Меньше чем за тридцать минут его мир дважды перевернулся с ног на голову, со смертью матери и ее последним откровением.

Когда Илзе умерла, он обнял ее, испытывая искушение тоже расстаться с жизнью. Просто стоять спокойно, пока пламя не поглотит поверхность под его ногами.

"Такова жизнь", думал Пауль, когда бежал по крыше, которая вот-вот рухнет, погруженный в горечь боли, густую и черную, как нефть.

Держал ли его на крыше страх в течение этих нескольких минут после смерти матери? Возможно, он боялся возвращения в мир, где останется один. Возможно, если бы ее последние слова были "Я так тебя люблю", Пауль и сам предпочел бы смерть. Но при словах Илзе про Юргена Пауля охватили совершенно новые чувства по сравнению с теми, что мучили его всю жизнь.

Что заставило его действовать? Ненависть, жажда мести или необходимость узнать правду? Вероятно, всё это одновременно. Только Пауль в последний раз поцеловал мать в лоб и побежал к противоположному краю крыши.

На краю он поскользнулся и чуть не упал вниз, но смог вовремя затормозить. Он спрашивал себя, как играющие на крыше дети возвращаются обратно, и решил, что, возможно, с помощью широкой доски. Не имея времени искать ее в дыму, Пауль снял пальто и пиджак, чтобы облегчить вес перед прыжком. Если он упадет или та часть крыши, за которую он уцепится, отломится, Пауль рухнет на пять этажей вниз, в эту маленькую, но смертельную преисподнюю. Он разбежался и без лишних раздумий прыгнул, в слепой уверенности. Как ни странно, у него получилось.

Уже спустившись на улицу, Пауль попытался мысленно разобраться с головоломкой Юргена.

Мой брат...

Эта часть головоломки была самой сложной. Может ли Юрген быть сыном Илзе? Пауль считал, что нет, ведь их разделяло всего восемь месяцев. Физически это было возможно, но Пауль склонялся к тому, что Юрген — сын Ханса и Брунхильды. Покойный Эдуард совершенно не был похож на Юргена, ни телосложением, ни более темной кожей и мягкими чертами лица. Юрген с Паулем, однако, были немного похожи, с голубыми глазами и выступающими скулами, хотя волосы у Юргена были темнее.

Как отец мог спутаться с Брунхильдой? И почему мама скрывала это столько времени? Я всегда знал, что она хочет уберечь меня от того, что произошло с отцом, но не рассказать такое. И самое главное, как теперь я смогу что-либо выяснить, не прибегнув к помощи Шрёдеров?

В это мгновение к Паулю приблизилась хозяйка пансиона, по-прежнему рыдая.

— Герр Райнер, пожарные говорят, что огонь под контролем, но им придется снести здание, поскольку оно небезопасно. Мне поручили сказать жильцам двух первых этажей, что они могут по очереди зайти и взять необходимую одежду, чтобы провести ночь где-нибудь в другом месте. Остальное они заберут позже.

Шагая, как автомат, Пауль присоединился к остальным жильцам, что бродили среди развалин, пытаясь отыскать свои вещи. Он перешагнул через шланги, из которых по-прежнему били струи воды, затем в сопровождении одного из пожарных миновал закопченные коридоры и лестницы и, наконец, добрался до своей комнаты, где принялся наугад заталкивать в саквояж какую-то одежду.

— Достаточно, окликнул его пожарный, стоявший у двери с видом явного беспокойства. — Нам пора.

Еще не пришедший в себя Пауль послушно последовал за ним. Однако, не успел он пройти и нескольких метров, как в глубине его разума мелькнул проблеск идеи, словно золотая монета в куче песка. Он бегом бросился назад.

— Куда вы? Мы должны выйти!

Пауль не обратил на него внимания. Он бегом влетел в комнату и залез под кровать. В узком проеме ему пришлось сдвинуть кипу книг, которые выполняли роль маскировки.

— Я сказал вам, что пора уходить! Здесь небезопасно, — повторил пожарный, грубо дернув Пауля за ноги, так что тот оказался снаружи.

Но Паулю было всё равно. Он уже нашел то, что искал.

Шкатулку из черного дерева, гладкую и без украшений.

На часах была половина десятого вечера.

Пауль схватил саквояж и бросился на другой конец города.

Если бы он не был в таком состоянии, то, конечно, понял бы, что в Мюнхене что-то происходит, и эти события затмевают даже его страшную трагедию. Для такого позднего часа на улицах было слишком много народа. Бары и кафе были переполнены, и изнутри доносились сердитые голоса. Встревоженные люди громко спорили на всех углах, а в поле зрения не было ни единого полицейского.

Но Пауль не замечал ничего вокруг, он стремился лишь как можно быстрее пересечь пятнадцать кварталов, отделяющих его от цели. Сейчас это был его единственный след. Он яростно проклинал себя за то, что этого не разглядел, что не догадался об этом раньше.

Ломбард Метцгера оказался закрыт. Все двери здесь были толстыми и крепкими, и Пауль не стал понапрасну тратить время, пытаясь в них ломиться. Звонить он тоже не стал, подозревая — кстати, совершенно справедливо — что старый скряга-ростовщик так и ночует в своем магазине, и где-нибудь в дальнем углу стоит его кровать.

Он поставил саквояж рядом с дверью и огляделся в поисках какого-нибудь твердого предмета. На мостовой не оказалось некрепко держащихся булыжников, но он нашел крышку водопроводного люка размером с небольшой поднос. С большими усилиями он ее поднял и бросил в витрину, которая разлетелась на тысячи осколков. Сердце гулко билось в груди, и этот звук отдавался в ушах, но Пауль и на это не обращал внимания. Если кто-нибудь позвонил в полицию, она могла бы появиться раньше, чем он добьется своего, хотя, может, и нет.

"Лучше бы второе, — подумал Пауль. Другим местом, где он мог найти ответы, был особняк Шрёдеров. — А дядины дружки могут упрятать меня за решетку до конца жизни".

Пауль прыгнул внутрь. Под ботинками захрустело раздавленное стекло. Осколки витрины перемешались с разбитой посудой из богемского хрусталя, попавшейся Паулю на пути.

Магазин был погружен во тьму. Но внезапно в глубине помещения вдруг зажегся свет, и

оттуда донеслись громкие окрики.

— Кто здесь бродит? Сейчас полицию вызову!

— Сделайте одолжение! — крикнул в ответ Пауль.

На полу появился прямоугольник света, отбросив на стены фантасмагорические тени от скопившихся в помещении предметов, превратив их в угрожающих чудовищ. Пауль стоял среди них, ожидая, пока Метцгер подаст признаки жизни.

— Убирайтесь, мерзкие нацисты! — крикнул ростовщик, высовываясь из подсобки и шаря полузакрытыми глазами по полу.

— Я не нацист, герр Метцгер.

— А кто ты, черт побери, такой? — он вышел из своей комнаты и зажег свет, чтобы убедиться, что незванный гость только один. — Здесь нет ничего ценного!

— Возможно, но я всё же надеюсь кое-что здесь найти.

Теперь старик мог видеть достаточно четко и узнал Пауля.

— И что же ты ищешь?.. Ох!

— Я вижу, вы меня узнали.

— Ты заходил сюда совсем недавно, — сказал Метцгер. Эта ложь была так же очевидна, как и охватившие его страх и неуверенность.

— Вы всегда помните всех своих клиентов?

— Какого дьявола тебе здесь нужно? Тебе еще придется заплатить за разбитое окно!

— Не уклоняйтесь от темы. Я хочу знать, кто заложил пистолет, который я выкупил.

— Не помню.

Пауль не ответил. Вместо этого он вытащил из кармана брюк оружие и наставил его на старика. Увидев пистолет, тот попятился, выставив перед собой руки, словно щит.

— Не стреляй! Клянусь тебе, я и в самом деле не помню! Это было почти двадцать лет назад, парень!

— Предположим, я вам верю. Покажите мне ваши записи.

— Пожалуйста, убери пистолет... Я не могу показать тебе эти записи, это конфиденциальная информация. Парень, пожалуйста, будь разумным...

Пауль сделал шесть шагов в его сторону и поднял пистолет на уровень плеча. Дуло остановилось в паре сантиметров от покрывшегося испариной лба ростовщика. Старик дернул головой, словно превратился в еще одни часы с кукушкой вдобавок к полусотне других, украшавших ту стену, о которую он тут же стукнулся.

— Герр Метцгер, позвольте мне объяснить. Или вы показываете мне свои записи, или я стреляю. Выбор за вами.

— Хорошо! Хорошо!

Старик направился в подсобку, по-прежнему с поднятыми руками. Они пересекли большой склад, где пыли и паутины было еще больше, чем в самом магазине. Склад от пола до потолка был уставлен ржавыми стеллажами, на которых громоздились картонные коробки. Невыносимо воняло гнилью и плесенью. Снизу тянуло еще чем-то непонятным, но явно несвежим.

— Как вы переносите эту вонь, Метцгер?

— Вонь? Но я не чувствую никакой воню, — не оборачиваясь, ответил старик.

Пауль понял, что ростовщик привык к ней за многие годы, проведенные среди забытых вещей, принадлежащих другим людям.

Он никогда не жил собственной жизнью, и Пауль невольно его пожалел. Ему пришлось

сделать над собой усилие, чтобы выкинуть из головы эти мысли и всё так же твердо сжимать отцовский пистолет.

В глубине подсобки находилась металлическая дверь. Метцгер вытащил из кармана ключи и открыл ее, сделав приглашающий жест.

— Вы первый, — сказал Пауль.

Старик окинул его странным и пристальным взглядом, его зрачки сузились. В голове Пауля всплыл образ дракона, охраняющего вход в пещеру с сокровищами, и он решил, что должен быть максимально настороже. В таком положении скупой старик становился опасен, как загнанная в угол крыса, и мог укусить в ответ.

— Поклянись, что ничего здесь не украдешь.

— А у вас есть что-то ценное? Напоминаю, что это я держу пистолет.

— Поклянись, — настаивал тот.

— Клянусь, что ничего здесь не украду, Метцгер. Скажите мне, что я хочу знать, и я оставлю вас в покое.

Слова Пауля совершенно не успокоили старика, но скупец, по крайней мере, дал ему войти в маленькую комнатку.

Справа стоял деревянный стеллаж, заполненный книгами в черных обложках. Слева — огромный сейф. Ростовщик тут же заслонил его своим телом.

— Это там, — сказал он, указывая на стеллаж.

— Ищите сами.

— Нет, — нервно отозвался старик. — Я не двинусь из этого угла.

Пауль набрался смелости. Если надавить на ростовщика еще сильнее, то он может и наброситься. Черт побери, зачем он вообще взвел курок? Опустить его на прежнее место теперь невозможно, как невозможно ни целиться в старика, ни опустить пистолет.

— Скажите мне хотя бы, где искать.

— На той полке, что на уровне твоей головы, четвертая слева.

Пауль ощупью нашел книгу, по-прежнему глядя на Метцгера. Затем снял ее с полки и передал ростовщику.

— Найдите эту запись.

— Я не помню номера.

— 91231. Поторопитесь.

Старик неохотно протянул руку и осторожно пролистал страницы. Пауль искоса оглядывал подсобку, опасаясь, что в любой момент появится полиция, чтобы его арестовать. Он и так уже пробыл здесь слишком долго.

— Вот она, — сказал старик, доставая с полки книгу, открытую на одной из первых страниц.

Пауль принялся листать книгу, держа ее левой рукой, постоянно бросая на Метцгера быстрые взгляды, пока не нашел нужную дату, записанную довольно странным образом: "1905/16 неделя". Номер стоял внизу страницы.

— Здесь только имя: Кловис Нагель. Адреса нет.

— Клиент предпочел не сообщать подробностей.

— А это законно, Метцгер?

— Закон в этом отношении довольно запутан.

Это была не единственная запись, где фигурировало имя Нагеля. В колонке "заклад" имелось еще десять записей.

— Я хочу посмотреть другие вещи, которые он заложил.

Старик явно почувствовал облегчение от того, что можно увести незваного гостя подальше от сейфа, и повел Пауля обратно в основной склад. Он вынул одну из картонных коробок с полки и показал Паулю ее содержимое.

— Они здесь.

Пара недорогих часов, золотое кольцо, серебряный браслет... Пауль растерянно смотрел на эти безделушки, недоумевая, как связаны все эти вещи. Он был близок к отчаянию, обнаружив, что теперь, после всех усилий, у него возникло еще больше вопросов, чем прежде.

"С чего бы один и тот же человек в один день заложил все эти вещи? Очевидно, этот человек от кого-то скрывался, по всей видимости, от моего отца. Но для того, чтобы это выяснить, я должен найти этого человека, а его имя само по себе мало о чем говорит".

— Я хочу знать, где я смогу найти Нагеля, — сказал он вслух.

— Ты же сам видишь, парень. Здесь нет ни адреса, ни...

Пауль размахнулся левой рукой и изо всех сил ударил старика. Метцгер упал на пол, закрыв лицо руками. Сквозь пальцы потекли струйки крови.

— Нет! — воскликнул он. — Пожалуйста, не бей меня больше!

Пауль застыл с поднятой для удара рукой. Его переполняла злоба и бесконечная ненависть, которые копились годами и наконец нашли мишень в лице этого жалкого окровавленного старикашки, причитающего у его ног.

"Что я делаю?" — подумал Пауль.

Он вдруг увидел себя со стороны и почувствовал приступ тошноты от того, что только что совершил. С этим нужно как можно скорей покончить.

— Говорите, Метцгер. Я знаю, что вы что-то скрываете.

Старик поднял руки, как щит, ладонь было окрашена в красный.

— Я плохо его помню. Это был военный, судя по форме. Возможно, моряк. Он сказал, что возвращается в Юго-Западную Африку, а там все эти вещи ему не нужны.

— Как он выглядел?

— Довольно маленького роста, с тонкими чертами лица. Я плохо его запомнил. Пожалуйста, не бей меня больше!

Маленького роста, с тонкими чертами лица. Эдуард описал человека, который находился в комнате с моим отцом и дядей, как низкого и с тонкими чертами лица, как у девушки. Это мог быть и Кловис Нагель. А что если отец обнаружил, что он занимается воровством на корабле? Или что он шпион. Или это отец попросил его заложить пистолет от своего имени? Он ведь знал, что ему угрожает опасность.

Голова у Пауля готова была взорваться, когда он покидал магазин, оставив всхлипывающего Метцгера на полу. Он прыжком поднялся в витрину, но вскоре вспомнил, что оставил саквояж у двери, и понадеялся, что его никто не успел украсть. К счастью, он оказался на месте.

Изменилось лишь всё вокруг.

Несмотря на поздний час, улицу наводнили люди, собравшиеся в кружки как на тротуаре, так и на мостовой. Некоторые переходили от одной группы к другой, как пчелы от цветка к цветку, обмениваясь информацией. Пауль подошел к ближайшей группе.

— Говорят, что нацисты подожгли в Швабинге какое-то здание.

— Нет, это были коммунисты.

— Они забрали комиссара...

— Они установили на улицах патрули...

Пауль рассеянно взял под руку одного из мужчин, заставив его обернуться.

— Что происходит?

Тот вытащил изо рта сигарету и криво улыбнулся, показав желтоватые зубы. Он был рад, что нашел человека, с которым можно поделиться плохими новостями.

— А вы еще не поняли, приятель? Гитлер со своими наци устроил государственный переворот. Пришло время для революции. Наконец-то наступят перемены.

— Государственный переворот? Как это?

— Он ввалился в "Бюргербройкеллер" с сотней человек. Они захватили всех посетителей в заложники, включая комиссара Баварии.

Сердце у Пауля сжалось.

— Алиса!

Пока не раздались выстрелы, Алиса была уверена, что мечтала об этом вечере всю жизнь.

После разговора с Паулем в горле у нее стоял комок. Она поняла, что безумно в него влюблена, теперь она видела это яснее, чем когда-либо. И именно поэтому больше чем когда-либо боялась.

Алиса решила сосредоточиться на том, что происходит перед глазами. Она вошла в большой зал пивной, который уже был на три четверти заполнен. Больше тысячи человек сгрудились за столами, а вскоре появилось еще пятьсот, поскольку народ всё прибывал. На всех стенах были развешаны немецкие флаги, почти невидимые в табачном дыму. Стояла влажная и удушливая жара, и десятки официанток с трудом протискивались между людьми, держа над головами подносы с полудюжиной кружек, умудряясь не расплескать ни капли.

"Вот это и правда тяжелая работа", — подумала Алиса, еще раз порадовавшись той возможности, которую ей предоставил этот вечер.

Расталкивая толпу локтями, она расчистила себе местечко у подножия трибуны. Там было еще три или четыре фотографа, и один из них как-то странно на нее посмотрел, ткнув товарищей в бок.

— Аккуратней, сладкая! Не забудь убрать палец с объектива!

— А ты не забудь вынуть палец из задницы, придурок. У тебя чернота под ногтями.

Фотограф тут же поглядел на кончики своих пальцев и стал красным, как помидор. Остальные зааплодировали ответу Алисы.

— Как она тебя приложила, Фриц!

Внутренне улыбнувшись, Алиса устроилась там, откуда могла всё хорошо разглядеть. Она проверила освещение и сделала несколько быстрых вычислений. Если повезет, отсюда она сможет сделать хорошие снимки. Алиса приободрилась еще больше. Когда она поставила на место того кретина, это послужило дополнительным импульсом. А кроме того, с этого дня всё изменится к лучшему. Она поговорит с Паулем, и они вместе решат свои проблемы. А с новой и стабильной работой, где она действительно сможет себя реализовать, всё будет хорошо.

Она была погружена в эти приятные грёзы, когда на сцену поднялся комиссар Баварии Густав фон Кар. Алиса сделала несколько снимков, включая один, который показался ей довольно интересным, где Густав фон Кар сделал странный жест.

Внезапно в глубине заведения возникла какая-то сутолока. Алиса вытянула шею, чтобы узнать, что происходит, но ничего не смогла рассмотреть, поскольку между трибуной и толпой людей перед ней сияли яркие огни. Гул толпы стал оглушительным, смешавшись с хлопаньем столов, упавших стульев и звоном полетевших на пол кружек.

Из толпы прямо рядом с Алисой вынырнул какой-то потный мужчина в помятом плаще. Он отшвырнул сидящего за ближайшим к трибуне столом человека, вскочил на его стул, а потом и на стол.

В этот миг Алиса повернула к нему камеру, захватив блуждающий взгляд, слегка дрожащую левую руку, третьеразрядную одежду, прилипшие ко лбу волосы, как у сутенера, торчащие усы и поднятую руку с направленным к потолку пистолетом.

У нее не было ни страха, ни сомнений. В ее голове звучали лишь слова Августа Мунтца, которые он произнес несколько лет назад:

В жизни фотографа бывают мгновения, когда перед глазами застывает фотография, одна лишь фотография, которая может изменить твою жизнь и жизнь всех окружающих. Это решающий момент, Алиса. Ты узнаешь его, когда он случится. А когда он произойдет, если произойдет, снимай. Не раздумывай, снимай.

Она нажала на спуск в тот же самый миг, как тот человек нажал на спусковой крючок.

— Национальная революция началась! — заорал мужчина мощным и неприятным голосом. — Пивную окружают шестьсот вооруженных человек! Никто отсюда не выйдет. И если немедленно не установится тишина, я прикажу, чтобы на балконе поставили пулемет.

Толпа замолчала, но Алиса не обратила внимания ни на эту тишину, ни на появившиеся со всех сторон коричневые рубашки.

— Я объявляю правительство Баварии низложенным! Полиция и армия встали под наши знамена, и свастика будет висеть над каждой казармой и полицейским участком!

По пивной прокатился новый гул воодушевления, раздались аплодисменты и топот ботинок, а также крики: "Мексика! Мексика и Южная Америка!" [\[13\]](#). Даже на это Алиса не обратила внимания. Ее уши слышали лишь выстрел, зрочки задержались на человеке, который его произвел, а разум повторял два слова.

Решающий момент.

"И я им воспользуюсь", — подумала она.

Она прижала камеру к груди и влилась в толпу. Сейчас важнее всего было выйти отсюда и добраться до проявочной. Она не могла точно вспомнить имени того человека, который стрелял, хотя его лицо ей кого-то напоминало... Он был одним из тех многочисленных антисемитов-фанатиков, которые проповедовали в пивных.

Циглер. Ах, нет, Гитлер. Да, именно так, Гитлер. Помешанный из Австрии.

Алисе и в голову не приходило, что может случиться подобный переворот. Кто последует за безумцем, заявляющим, что сотрет всех евреев с лица земли? В синагогах подшучивали над придурками вроде Гитлера. И тот снимок, который она сделала — с безумным взглядом и стекающим по лбу потом — отправит этого типа туда, где ему и надлежит находиться.

В сумасшедший дом.

Она с трудом смогла протиснуться среди людей. Все снова громко заговорили, некоторые затеяли драки. Какой-то человек запустил пивной кружкой в голову другого, и остатки пива выплеснулись на жакет Алисы. Ей пришлось почти двадцать минут добираться до противоположного конца зала, но там она обнаружила стену из коричневых рубашек с винтовками и пистолетами, преграждающую выход. Она попыталась их уговорить, но штурмовики отказались ее пропускать.

Гитлер и захваченные высокопоставленные чиновники исчезли в боковой двери. На трибуне появился новый оратор, и атмосфера в зале накалилась.

С угрюмым выражением лица Алиса устроилась в том месте, где ее меньше всего толкали, и пыталась придумать, как отсюда выбраться.

Через три часа ее состояние граничило с отчаянием. Гитлер со своими приспешниками уже произнесли несколько речей, а расположившийся наверху оркестр многократно сыграл "Дойчланд юбер аллес". Алиса пыталась прорваться туда в поисках окна, через которое сможет выскользнуть, но штурмовики опять преградили ей путь. Они даже не позволяли

никому сходить в туалет, и в таком переполненном месте, где официантки разносили всё новое пиво, это не замедлило превратиться в проблему. Уже несколько человек облегчились прямо у задней стены.

Ну конечно же! Официантки!

Озаренная внезапной идеей, Алиса подошла к сервировочному столику, взяла пустой поднос, сняла жакет, завернув в него камеру, и спрятала ее под подносом. Затем она схватила пару пустых пивных кружек с какого-то стола и направилась на кухню.

На сей раз на нее не обратили внимания. Она была в белой блузке и черной юбке, как и официантки. Возможно, они не заметят, что на ней нет фартука. Главное, чтобы они не смотрели на жакет под подносом!

Поднимая поднос над головой, чтобы протиснуться через толпу, Алиса прикусила губу, чтобы не обругать пару завсегдатаев, схвативших ее на ходу за зад. Ей не хотелось привлекать к себе внимание. Подойдя к распашным дверям, она пристроилась за другой официанткой, и зашла прямо рядом со штурмовиком, который их охранял, и тот лишь на секунду задержал на ней взгляд.

Кухня была огромной. Там царила та же напряженная атмосфера, что и снаружи, только без табачного дыма и подносов. Пара официантов беспрерывно наполняли кружки пивом, а повара и их помощники переговаривались рядом с потушенными плитами, под пристальными взглядами двух штурмовиков в коричневых рубашках, загораживающих дверь. Оба были вооружены винтовками и пистолетами.

Вот дерьмо!

Не зная, что и предпринять, Алиса поняла, что не может стоять посреди прохода. Наверняка кто-нибудь немедленно заметит, что она не работает в пивной, и выгонит ее отсюда. Она поставила кружки в огромную металлическую раковину, где их оставляли другие официантки, и взяла грязную тряпку, которая там валялась.

Она открыла кран, намочила тряпку, затем отжала ее, сделав вид, будто моет посуду, лихорадочно при этом соображая, что же ей теперь делать. В правой руке она держала тряпку, а в левой — свернутый жакет с завернутой в него камерой. Шаг за шагом она пробиралась к двери, озираясь вокруг; пока ей не пришла в голову идея.

Алиса подошла к одному из помойных ведер, что стояли возле раковины. Оно было почти до краев полно объедков. Она засунула внутрь свой жакет, пристроила сверху крышку и подняла ведро. Затем, как ни в чем не бывало, направилась прямо к выходу.

— Туда нельзя, фройляйн, — сказал молодчик в коричневой рубашке.

— Мне нужно вынести мусор.

— Оставьте его там.

— Но ведра уже полны. Нельзя держать на кухне полные ведра, это противозаконно.

— Не волнуйтесь, фройляйн, теперь мы — закон. Так что поставьте ведро на место.

Алиса, поставив на кон всё, оставила ведро на полу и скрестила руки на груди.

— Ну тогда сами выносите, если охота.

— Уберите его отсюда, я сказал.

Девушка продолжала смотреть ему прямо в лицо. Весь персонал кухни заметил, что происходит, и теперь смотрел в их направлении с весьма недружелюбными лицами. Поскольку Алиса повернулась к ним спиной, никто не понял, что она не одна из них.

— Да ладно, приятель, пропусти ее, — вмешался другой штурмовик. — Нечего этой шутке делать не кухне, на хватало нам еще всякой заразы. К тому же эта вонь пропитает

нашу одежду, а нам в ней всю ночь сидеть.

Первый пожал плечами и отошел в сторону.

— Хорошо. Тогда проводи ее сам до контейнеров, только возвращайтесь поскорее.

Проклиная себя, Алиса выбралась наружу. Узкая дверь вела в еще более узкий проулок, где слабо светил единственный фонарь — у самого выхода на улицу. Там и впрямь стоял мусорный контейнер, окруженный целой стаей тощих кошек. В Германии для бездомных кошек настали трудные времена.

— И давно вы здесь работаете, фройляйн? — поинтересовался штурмовик каким-то странным тоном.

"Просто не верится, — думала Алиса. Мы идем по этому переулку, у меня в руках помойное ведро, у него — автомат, и этот идиот еще пытается со мной заигрывать!"

— Можно сказать, что совсем недавно, — ответила Алиса со всей любезностью, на какую была способна. — А вы раньше участвовали в государственных переворотах?

— Нет, этот первый, — ответил он совершенно серьезно, не уловив иронии.

Тем временем они добрались до мусорного контейнера.

— Спасибо, вы можете возвращаться, — сказала Алиса. — Я и сама могу опорожнить ведро.

— Нет уж, фройляйн. Вы опорожните ведро, а потом я провожу вас обратно.

— Но мне бы не хотелось, чтобы вы тут меня ждали.

— Я подожду вас там, где вы скажете. Вы так красивы...

Приблизив к ней лицо, он попытался поцеловать ее. Алиса попробовала вырваться, но оказалась зажатой между мусорным контейнером и молодчиком в коричневой рубашке.

— Прошу вас, не надо, — произнесла она.

— Пойдемте со мной, фройляйн.

— Нет, пожалуйста.

Штурмовик смущенно отстранился.

— Простите, если я вас обидел. Я полагал...

— Не беспокойтесь. Дело в том, что я помолвлена.

— Как жаль. Он счастливчик.

Правда?

— Не беспокойтесь, — смутившись, повторила Алиса.

— Позвольте мне помочь вам с ведром.

— Нет!

Алиса схватила руку штурмовика, который переворачивал ведро, сбитый с толку. Ведро выскользнуло из его рук и покатилося по мостовой. Обьедки частично рассыпались полукругом, в начале которого лежал жакет Алисы.

— Что за черт?

Сверток приоткрылся, и камера оказалась на виду. Солдат взглянул на Алису; ее виновность была написана у нее на лице. Больших доказательств ему не требовалось.

— Проклятая сука! Так ты — коммунистическая шпионка! — воскликнул молодчик в коричневой рубашке, хватаясь за ремень и нащупывая дубинку.

Не дав ему времени занести дубинку, Алиса схватила металлическую крышку мусорного ведра и попыталась врезать штурмовику по голове. Увидев это, тот поднял правую руку, и крышка с глухим звуком ударила его по запястью.

— А-а-ах! Мне же больно, сука!

Левой рукой он взялся за крышку и отбросил ее. Алиса пыталась сбежать, но переулок был слишком узким. Нацист схватил ее за блузку и с силой потянул. Алиса развернулась, блузка порвалась, приоткрыв грудь в бюстгальтере. Штурмовик, уже поднявший руку, чтобы ее ударить, на мгновение застыл, увидев такое, колеблясь между яростью и возбуждением. Этот взгляд наполнил сердце девушки страхом.

— Алиса!

Она посмотрела в сторону выхода из переулка.

Там был Пауль, в жалком состоянии, но это был он. Несмотря на холод, на нем не было ни пальто, ни пиджака. Он тяжело дышал и держался за бок, который болел после пробежки по всему городу. Получасом ранее он собирался войти в "Бюргербройкеллер" с главного входа, но даже не смог пройти по Людвигсбрюке, поскольку нацисты перегородили улицу баррикадой и поставили пулеметы.

Ему пришлось сделать большой крюк, пытаясь придумать, как пробраться внутрь. Он искал полицейских, солдат — кого-нибудь, кто мог рассказать, что происходит в пивной, но наткнулся лишь на несколько мюнхенцев, которые либо аплодировали, либо освистывали участников переворота с благоразумной дистанции.

Перебравшись на другой берег по Максимилиансбрюке, Пауль стал расспрашивать на улице прохожих. Наконец, кто-то сказал ему, чтобы шел в переулок, куда выходит дверь из кухни, и Пауль побежал туда, молясь, чтобы не было слишком поздно.

Когда он увидел снаружи Алису, борющуюся с каким-то человеком, его удивление было так велико, что вместо того, чтобы напасть внезапно, он как идиот объявил о своем присутствии. Когда штурмовик вытащил пистолет, Паулю не оставалось ничего другого, как броситься на него. Он влетел плечом в живот нациста, завалив того наземь.

Они покатались по мостовой, борясь за оружие. Штурмовик оказался сильнее Пауля, который к тому же был совершенно изнурен после всех событий последних часов. Неравная драка длилась меньше пяти секунд, и за это время нацист отпихнул Пауля, встал на колени и нацелил на него пистолет.

В это время Алиса, снова схватив металлическую крышку ведра, воспользовалась этой возможностью и, держа крышку обеими руками, со всей силой ударила. Звук от удара прокатился по переулку, как звон тарелок в оркестре, нацист закатил глаза, но не упал. Алиса ударила еще раз, и он, наконец, рухнул ничком на мостовую.

Пауль поднялся и подбежал, чтобы ее обнять, но она отстранилась и присела.

— Да что с тобой? Всё в порядке?

Алиса в ярости поднялась. В руках она держала то, что осталось от камеры, полностью сломанной. Ее раздавили во время драки.

— Вот, посмотри...

— Да, ее уже не починить. Но ты не переживай, купим тебе другую, еще лучше.

— Ты не понимаешь! Там снимки...

— Алиса, у нас мало времени. Мы должны убраться отсюда, прежде чем сюда явятся его дружки.

Он хотел взять девушку за руку, но она выдернула руку и побежала в северном направлении.

Они неслись без оглядки, пока "Бюргербройкеллер" не остался далеко позади. Вокруг не было ни души. Наконец, они остановились у подножия церкви святого Иоанна, величественный шпиль которой вонзался в ночное небо, словно указующий перст. Алиса подвела Пауля к арке у входа, где можно было укрыться от холодного ветра.

— Боже правый, Алиса, ты даже не представляешь, что я пережил, — сказал он, целуя ее в губы. Она вяло ответила на поцелуй.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего.

— Что-то не похоже, — раздраженно ответил Пауль.

— Я тебе говорю, что ничего не случилось.

Пауль отвернулся и решил, что лучше не продолжать. Когда Алиса пребывала в таком настроении, спорить с ней было так же бесполезно, как пытаться выбраться из зыбучих песков: чем активнее барахтаешься, тем глубже затягивает.

— С тобой всё в порядке? — спросил он наконец. — Ты ранена или...?

Она лишь покачала головой. Только теперь она обратила внимание, как ужасно выглядел Пауль. Его рубашка была залита кровью, лицо покрыто сажей, глаза покраснели.

— Что с тобой случилось, Пауль?

— Мама умерла, — ответил он, понутив голову.

Пока Пауль рассказывал ей о том, что произошло этой ночью, Алиса всё больше проникалась к нему жалостью и и чувствовала всё больший стыд за свою несдержанность. Раз или два она даже открыла рот, чтобы попросить прощения, но она никогда не верила в силу этих слов. Ее неверие подпитывалась безмерной гордостью.

Когда Пауль повторил последние слова матери, Алиса была потрясена. У нее просто в голове не укладывалось, что жестокий, испорченный Юрген может быть братом Пауля; но при этом она почему-то нисколько не удивилась. Темная сторона натуры Пауля иногда приоткрывалась перед ней, подобно тому, как порыв осеннего ветра вдруг врывается в безмятежный уют теплого дома, всколыхнув занавески. Так же и здесь: несмотря на то, что она скорее умерла бы, чем призналась бы себе в этом, но в тот далекий день, когда она впервые встретила его на вечеринке, она почувствовала в нем ту же животную страсть, которая отличала Юргена; именно она будоражила девушку во снах, и нельзя сказать, чтобы эти чувства были ей неприятны, как следовало бы ожидать, руководствуясь доводами рассудка.

Когда Пауль рассказал о своем налете на ломбард и о том, что ему пришлось ударить Метцгера, чтобы тот заговорил, Алиса очень испугалась. Всё, что касалось этого предмета, казалось невыносимым, и ей захотелось как можно скорее с ним разделаться, пока оно ее не поглотило полностью.

Напоследок Пауль рассказал, как бежал в пивную.

— Вот и всё.

— Думаю, этого более чем достаточно.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Но ты же не собираешься и дальше раскапывать это дело, да? Ведь и так ясно, что

есть люди, которые пойдут на любые преступления, лишь бы правда никогда не вышла наружу.

— Вот это как раз и есть самая главная причина, по которой я должен идти до конца. Ведь это как раз и доказывает, что кто-то действительно убил моего отца.

Он выдержал короткую паузу и добавил:

— Моих родителей.

Пауль не плакал. После всего случившегося его душа в этом нуждалась, сердце переполняли слезы, слез просило и тело, но он сдержал их внутри, воздвигнув вокруг себя броню, может быть, из-за смешной бравады, которая не позволяла ему показать чувства перед любимой женщиной. И возможно, именно это спровоцировало последующие события.

— Пауль, ты должен оставить эту идею, — сказала Алиса, пугаясь всё больше.

— Я не собираюсь от нее отказываться.

— Но у тебя нет никаких доказательств. Нет даже подсказки.

— Мне известно имя: Кловис Нагель. Известно место: Юго-Западная Африка.

— Юго-Западная Африка большая.

— Начну с Виндхука. Там белых людей не слишком много, и найти его будет несложно.

— Юго-Западная Африка большая. И она слишком далеко, — повторила Алиса совсем другим тоном.

— Я должен это сделать. Я отправлюсь туда первым же кораблем.

— Вот так запросто?

— Да, Алиса. Ведь я уже много раз говорил тебе об этом, с тех пор как мы познакомились, или ты плохо слушала? Ты даже не представляешь, насколько это для меня важно: узнать, что случилось девятнадцать лет назад. А теперь... теперь вот это...

На мгновение Алисе захотелось его остановить. Объяснить, как она будет по нему скучать, как он ей нужен. Как она его любит. Но гордость связала ей язык. Как и не позволила объяснить Паулю свое странное поведение в последние дни.

— Тогда поезжай, Пауль, — сказала она. — Делай то, что должен.

Пауль недоуменно посмотрел на нее. Из-за холодности ее слов он на мгновение почувствовал, словно его сердце вырвали и зарыли в снег.

— Алиса...

— Но только прямо сейчас. Уходи.

— Алиса, пожалуйста!

— Я сказала — уходи.

Пауль готов был расплакаться, и Алиса молилась, чтобы он это сделал, чтобы изменил решение, сказал, как ее любит, и что эта любовь важнее, чем поиски того, что принесет лишь боль и смерть. Возможно, Пауль тоже ожидал чего-то подобного или, возможно, просто пытался сохранить в памяти лицо Алисы. Многие горькие годы она будет проклипать себя за гордость, как и Пауль будет винить себя за то, что не вернулся в пансион на трамвае, когда мать получила удар ножом.

Или за то, что повернулся и пошел вниз по улице.

— Знаешь что? Я рада. Так что не возвращайся даже в мои сны, чтобы всё растоптать, — заявила Алиса, бросая к ногам куски сломанной камеры, которую до сих пор сжимала в руках. — С тех пор, как я с тобой познакомилась, со мной происходит только плохое. Я хочу, чтобы ты исчез из моей жизни, Пауль.

Пауль на мгновение остановился и сказал, не оборачиваясь.

— Так тому и быть.

А потом пошел вперед.

Алиса постояла в дверях церкви еще несколько минут, молча борясь со слезами, и в конце концов неизбежно проиграла это сражение. Вскоре из темноты выступила фигура, с той же стороны, куда ушел Пауль. Алиса попыталась собраться и улыбнуться.

"Он возвращается. Он всё понял и возвращается", — подумала она, шагнув в сторону фигуры.

Когда фигура подошла поближе, фонари осветили мужчину в габардиновом пальто и серой шляпе. Алиса слишком поздно поняла, что это один из тех, кто преследовал ее днем, тот человек, от которого, как ей казалось, она оторвалась на трамвае.

Она побежала, но заметила второго мужчину, который выходил из-за угла и находился уже в трех метрах. Она пыталась сбежать, но оба набросились на нее и схватили за пояс.

— Вас ищет отец, фройляйн Танненбаум.

Алиса пыталась вырваться, но тщетно. Ей ничего не оставалось, как сдаться.

По ближайшей улице подъехала машина, и один из громил ее отца открыл дверь. Другой заставил ее подойти и попытался пригнуть ей голову.

— Не мешало бы вам обращаться со мной повежливей, идиоты, — сказала Алиса, с презрением глядя на него. — Я беременна.

"Элизабет-Бэй, 28 августа 1933 года

Дорогая Алиса!

Я уже сбился со счета, сколько писем тебе отправил. Если по одному в месяц, то это будет больше сотни, и все без ответа.

Я не знаю, действительно ли ты решила меня забыть. Или ты переехала, не оставив нового адреса. Это письмо я отправляю на адрес твоего отца, куда время от времени пишу, даже зная, что это бессмысленно. Я не теряю надежду, что какое-нибудь из писем избежит цензуры твоего отца. В любом случае, я всё равно буду тебе писать. Эти письма стали единственной моей связью с внешним миром.

Начать я хочу, как всегда, попросив прощения за то, как я ушел. За десять лет я много раз вспоминал ту ночь и знаю, что не должен был так себя вести. Мне так жаль, что я разбил твои мечты. Каждый день я молюсь, чтобы ты смогла их осуществить и стать репортером, надеюсь, что за эти годы ты этого добилась.

Жизнь в колониях непростая. С тех пор, как Германия потеряла контроль над этими землями, этой бывшей немецкой территорией управляет Южная Африка. Нас не особо здесь приветствуют, лишь терпят.

Работы здесь тоже немного. В течение нескольких недель я тружусь на фермах и алмазных рудниках, чтобы заработать на жизнь. Когда накапливаю достаточно денег, то езжу по стране в поисках Кловиса Нагеля. Я уже нашел его следы в городах долины реки Оранжевой. Однажды я побывал на одном перспективном руднике, откуда он только что уехал. Я разминутся с ним всего на несколько минут.

Я последовал указаниям, которые привели меня на север, на полуостров Ватерберх. Там я встретил странное и гордое племя под названием гереро. Я провел среди них несколько месяцев, они научили меня охотиться и искать пищу в пустыне. Я свалился с лихорадкой и довольно долго был очень слаб, но они обо мне заботились. Я многому научился у этого народа, и не только физическим умениям. Это удивительный народ. Они каждый день живут на краю смерти, в постоянной борьбе, в попытках найти воду и приспособиться к постоянному натиску белых.

Бумага кончается, это последняя, которую я купил у коммивояжера по дороге на Свакопмунд. Завтра я снова направляюсь туда в поисках новых следов. Я пойду пешком, потому что кончились деньги, а поиски будут короткими. Самое трудное на этой земле, помимо отсутствия новостей от тебя, это время, которое мне приходится терять, чтобы заработать на жизнь. Я уже много раз чуть не сдался. Но я всё равно не сдамся. Рано или поздно я его найду.

Я думаю о тебе, о том, что с тобой произошло за эти десять лет. Надеюсь, что у тебя всё в порядке и ты счастлива. Если решишь мне написать, то отправь письмо на почту в Виндхук. Адрес на конверте.

Еще раз, прости меня.

Любящий тебя

Пауль".

Где посвященный понимает, что нельзя пройти весь путь в одиночку

Тайное рукопожатие подмастерья начинается с сильного нажатия на средний палец, а заканчивается, когда брат-масон возвращает то же приветствие. Тайное название этого рукопожатия — ЯХИН, так называется колонна, олицетворяющая в Храме Соломона солнце. И снова здесь кроется ловушка, поскольку по буквам произнести его следует так: А-Й-Х-И-Н.

Юрген с удовольствием осмотрел себя в зеркало.

Он слегка отдернул лацканы, украшенные черепом с костями и значком СС. Ему никогда не надоедало любоваться собой в новой форме.

Дизайн Вальтера Хека и прекрасное исполнение портного Хуго Босса, которого так хвалят в партийной прессе, вызывали в людях почтительное уважение. Когда Юрген шел по улице, к нему подходили дети и салютовали вскинутой рукой. На прошлой неделе его остановили две старушки и сказали, как приятно смотреть на здоровых и сильных молодых людей, которые снова ведут Германию по верному пути. Они спросили его, потерял ли он глаз, сражаясь с коммунистами. Польщенный Юрген помог им донести сумки с покупками до ближайшего подъезда.

И тут в дверь постучали.

— Войдите!

— Прекрасно выглядишь, — заметила мать, входя в его просторную спальню.

— Я знаю.

— Ты сегодня придеешь обедать?

— Не думаю, мама. Меня вызвали на совещание в СС.

— Уверена, что тебе предложат повышение. Ты и так слишком долго пробыв унтерштурмфюрером.

Юрген согласно кивнул и взял фуражку, собираясь уходить.

— Машина ждет у подъезда. Я скажу кухарке, чтобы приготовила для тебя что-нибудь на случай, если ты не слишком задержишься.

— Спасибо, мама, — ответил Юрген, целуя Брунхильду в лоб.

Он вышел в коридор. Черные сапоги гулко простучали по мраморной лестнице. Горничная ожидала в прихожей, держа наготове пальто. С тех пор, как Отто со своими азартными играми исчез из их жизни одиннадцать лет назад, их материальное положение мало-помалу начало улучшаться. И теперь, как и в былые дни, целая армада прислуги холила особняк, хозяином которого сейчас был он.

— Хозяин придет к обеду? — осведомилась горничная.

При слове "хозяин" у Юргена свело живот. Так всегда случалось, когда он нервничал или тревожился, как в это утро. Любая мелочь могла сломать его ледяную броню и открыть бушующий под ней океан сомнений.

— Баронесса даст вам указания.

"Скоро они научатся обращаться ко мне с подобающим титулом", — подумал он, выходя на улицу. Руки у него слегка дрожали. К счастью, он перекинул через руку пальто, так что шофер ничего не заметил, когда открывал дверцу.

В прошлом Юрген справлялся со своими импульсами с помощью насилия, но после победы нацистской партии на прошлогодних выборах всякие нежелательные элементы стали вести себя осторожней. Юргену стоило всё больших усилий сохранять над собой контроль. По дороге он пытался дышать размеренно, ему не хотелось приехать возбужденным и нервным.

В особенности, если его ждет повышение, как предположила мама.

— Честно говоря, мой дорогой фон Шрёдер, у меня имеются некоторые сомнения.

— Сомнения относительно чего?

— Относительно вашей надежности.

Юрген заметил, как рука снова задрожала, ему пришлось с силой сжать пальцы, чтобы это прекратить.

В зале заседаний никого не было, кроме Рейнхарда Гейдриха и его самого. Рейнхард Гейдрих, начальник управления безопасности и разведывательной службы рейха, был рослым мужчиной с высоким и чистым лбом, лишь несколькими месяцами старше Юргена. Однако, несмотря на свою молодость, он уже был одним из самых влиятельных людей в Германии. Его служба отвечала за то, чтобы оградить партию от любой угрозы, реальной или мнимой. Юрген слышал, что, когда его принимали на эту должность, Гиммлер попросил его рассказать, как он собирается организовать работу нацистского разведывательного управления, и Гейдрих подробно изложил содержание всех прочитанных шпионских романов. То ли благодаря этим романам, то ли его природному дарованию, теперь СС наводила ужас на всю Германию.

— К чему вы это говорите?

Гейдрих взял в руки лежавшую перед ним папку с написанным на ней именем Юргена.

— Вы вступили в СА с самых первых дней его существования. Это хорошо, это весьма интересно. Однако несколькостораживает, что кое-какие ваши... родственники настоятельно просили место именно в СА. А кроме того, это постоянное насилие, о котором сообщает ваше начальство. Я проконсультировался относительно вас с психологом...

Он консультировался обо мне с психологом!

— ... и тот указал, что у вас может быть серьезное расстройство личности. Само по себе это не преступление, хотя могло бы, — он подчеркнул слово "могло бы" легкой улыбкой и поднятыми бровями, — могло бы ограничить вашу трудоспособность. Теперь мы дошли до той части, что меня больше всего беспокоит. Как член "Штроссрупп" вы были вызваны в "Бюргербройкеллер" для участия в особом событии восьмого ноября 1923 года. Однако... вы там не появились.

Гейдрих замолчал, оставив последние слова висеть в воздухе, как злое обвинение. Юрген вспотел. После победы на выборах нацисты начали медленно, но упорно мстить тем, кто подавил мятеж в 1923 году, задержав на целое десятилетие приход Гитлера к власти. Юрген уже давно жил в страхе, что кто-то ткнет в это пальцем.

Когда Гейдрих продолжил, его тон стал более мрачным.

— Ваше командир сообщил, что вас не было тогда в "Бюргербройкеллере", как того требовал ваш долг. Однако, цитируя его слова, "подразделение СА Юргена фон Шрёдера в ночь на девятое ноября вступило в бой с эскадрой 10-й дивизии. Рубашка Шрёдера была пропитана кровью, и он объяснил, что их атаковали коммунисты, и это кровь одного из них, которого он ранил. Затем он подал заявку на вступление в отряд, который контролировал полицейский участок в районе Швабинг, пока восстание не было подавлено". Я верно излагаю?

— До последнего слова.

— Вот-вот. Должно быть, именно так и подумала комиссия, рассматривавшая эти события, поскольку наградила вас золотым партийным значком и орденом Крови, — сказал Гейдрих, указывая на грудь Юргена.

Партийный золотой значок был одной из самых желанных наград в Германии. Он был

круглым и представлял собой свастику в окружении золотого лаврового венка, а выдавался членам партии, вступившим в нее до победы Гитлера в 1933 году. До этого дня нацистам приходилось уговаривать людей вступить в их ряды, а после в партийные ячейки выстроились бесконечные очереди желающих подать заявление. И принимали не каждого.

Это же касалось и ордена Крови, самой ценной медали рейха. Ее получали только те, кто участвовал в государственном перевороте 1923 года, который трагически завершился смертью восемнадцати нацистов, когда прибыла полиция, чтобы покончить с этой авантюрой. Даже у Гейдриха не было этой награды.

— Я спрашиваю себя, — продолжил шеф управления безопасности, похлопывая краем папки по пухлым губам, — не создать ли комиссию по расследованию вашего дела, дружище.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, — еле слышно произнес Юрген, зная, как скоро и убедительно давали в эти дни свои заключения такие комиссии по расследованию.

— Нет? В последних докладах о вас говорится, что вы стали "с прохладцей исполнять свой долг", вам "не хватает рвения"... Мне продолжить?

— Это всё потому, что меня отстранили от работы на улицах!

— Может быть, именно это и вызывало беспокойство у многих людей, вам не кажется?

— Уверяю вас, моя преданность делу безгранична.

— Хорошо, есть один способ, которым вы можете снова завоевать наше доверие.

Юрген наконец-то начал понимать, в чем дело. Гейдрих вызвал его не просто так. Он хотел чего-то от него добиться, и потому с самого начала так давил. Возможно, он и не знает, чем на самом деле занимался Юрген той ночью в 1923 году, но знает это Гейдрих или нет, не имело никакого значения. Его слово — закон.

— Я сделаю что угодно, — ответил он, уже чуть успокоившись.

— Ну что ж, посмотрим, Юрген. Кстати, я ведь могу называть вас просто Юргеном, правда?

— Конечно, — ответил Юрген, внутренне кипя от злости, что обратной любезностью собеседник его не удостоил.

— Вы когда-нибудь слышали о масонах, Юрген?

— Разумеется. Мой отец в молодости был членом масонской ложи. Но потом, я думаю, ему это надоело.

Гейдрих кивнул. Сказанное несколько его не удивило, из чего Юрген сделал вывод, что он уже и сам это знал.

— Очень вовремя ему это надоело.

— Что вы имеете в виду?

— С тех пор, как мы пришли к власти, быть масоном... настоятельно не рекомендуется.

— Я знаю, — сказал Юрген, улыбнувшись этому эвфемизму. В "Майн Кампф", книге, которую прочитал каждый немец (и которую хранил в доме на видном месте, если знал, что это будет полезно), Гитлер объявил о своей животной ненависти к масонам.

— Большая часть лож была добровольно распущена или преобразована. Эти ложи для нас очень мало значат. Это всё прусские ложи, их члены — арийцы с националистическими взглядами. Поскольку они добровольно распустились и передали нам список своих членов, то мы не стали принимать против них никаких мер... пока.

— Полагаю, что есть и ложи, которые вас беспокоят?

— Мы считаем, что некоторые ложи до сих пор ведут активную деятельность. Это так

называемые гуманистические ложи. Основная часть их членов — люди с либеральными взглядами, евреи и подобная порода.

— А почему бы просто не запретить их?

— Ох, Юрген, Юрген... — снисходительно произнес Гейдрих. Это в лучшем случае притормозит их деятельность. А тем временем они будут лелеять надежду, по-прежнему собираться и болтать о своих циркулях и наугольниках и обо всём этом жидовском дерьме. Я хочу, чтобы имена членов каждой из этих лож были записаны в карточке четырнадцать дробь семь.

Все в партии знали про карточки Гейдриха. В огромной комнате рядом с его берлинским кабинетом хранилась информация о тех, кого партия считала "нежелательными элементами" — коммунистах, гомосексуалистах, евреях, масонах и о тех, кто осмелился сказать, что фюрер во время последней речи выглядел усталым. Всегда находились люди, готовые донести на других, и новая папка присоединялась к сотням тысяч остальных. Судьба людей из этих карточек еще не была решена, но, конечно, им стоило побеспокоиться.

— Если просто запретить масонов, то они попрячутся, как крысы.

— Именно! — воскликнул Гейдрих, стукнув по столу ладонью. Он наклонился к Юргену и доверительным тоном произнес: — Скажите-ка, вы знаете, почему мне нужны имена этого сброда?

— Потому что масоны — это марионетки мирового еврейского заговора. Прекрасно известно, что банкиры вроде Ротшильда и...

Страстную речь Юргена прервал громкий хохот Гейдриха. Увидев лицо баронского сына, шеф управления безопасности осекся.

— Черт возьми, Юрген, не повторяйте мне передовицы "Фолькишер Беобахтер". Я сам помогаю их писать.

— Но фюрер говорит...

— Иногда я задаю себе вопрос, на какую глубину проник нож, который лишил вас глаза, дружище, — сказал Гейдрих, внимательно глядя на Юргена.

— Не стоит переходить к оскорблениям, — гневно ответил тот, смешавшись.

От этого порыва Юргена Гейдрих немного оторопел, но потом улыбнулся.

— Вы просто кипите энергией, Юрген. Но страсть должна быть разумной. Не превращайтесь в одного из тех баранов, которые шлеются на демонстрации, сделайте одолжение. Позвольте сделать небольшой экскурс в историю, — сказал он, поднявшись и начав расхаживать вокруг большого стола. В 1917 году большевики распустили в России все масонские ложи. В 1919 году Бела Кун покончил с масонами в Венгрии. В 1925 году Примо де Ривера запретил ложи в Испании. В том же году Муссолини сделал то же самое в Италии. Его чернорубашечники вытащили масонов из постелей посреди ночи и забили дубинками на улицах. Поучительный пример, вам не кажется?

Юрген удивленно кивнул. Он совершенно ничего об этом не знал.

— Как видите, — продолжил Гейдрих, — первое, что делает сильное правительство, намеренное долго остаться у власти, это устраняет, среди прочих, и масонов. Не потому что им отдают приказы гипотетические участники еврейского заговора. Оно так поступает потому, что те, кто мыслят самостоятельно, доставляют беспокойство.

— Так чего конкретно вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы внедрились в масонскую ложу. Я дам вам нужные контакты. Вы из дворян, а давным-давно ваш отец был членом ложи, вас примут без всяких затруднений.

Затем вашей целью будет заполнить списки членов ложи. Я хочу иметь имена всех масонов Баварии.

— Мне предоставляется карт-бланш?

— До новых указаний. Подождите минутку.

Гейдрих направился к двери, открыл ее и буркнул какие-то указания помощнику, сидящему на скамье в коридоре. Тот щелкнул каблуками и вернулся через несколько минут с еще одним молодым человеком в гражданской одежде.

— Проходите, проходите, Адольф. Дорогой Юрген, позвольте представить вам Адольфа Эйхмана. Это многообещающий молодой человек, который работает в нашем концентрационном лагере в Дахау.

— Очень приятно, — сказал Юрген, протягивая руку.

— Взаимно.

— Адольф хочет работать у нас, и я расположен заняться переводом, но прежде хочу, чтобы он несколько месяцев сотрудничал с вами. Всю добытую информацию вы будете передавать ему, а он займется тем, чтобы ее уточнить. А когда вы закончите, думаю, что смогу устроить в Берлине впечатляющее представление.

"Я его видел, это точно", — подумал Кловис, расталкивая локтями публику в пивной.

Его рубашка промокла от пота. Июльская ночь была на редкость жаркой и не принесла облегчения. Но ему было плевать на жару. Он скрылся в пустыне, когда в первый раз узнал, что его преследует Райнер. Пришлось бросить многообещающее алмазное месторождение в долине реки Оранжевой и затеряться в Южной Африке. Он оставил даже все добытые на месторождении образцы, взяв только самое необходимое. Стоя на вершине холма с винтовкой в руках, он впервые увидел лицо Пауля и приложил палец к спусковому крючку.

Он боялся промахнуться и ускользнул по другому склону холма, как змея в высокой траве.

Потом он снова потерял его из вида на несколько месяцев, пока опять не пришлось бежать, прямо из борделя в Йоханнесбурге. На этот раз ему повезло больше, потому что Райнер увидел его первым, но с противоположного конца заведения. Когда их взгляды встретились, Кловис сгруппировался — на его лице отразился страх. Он тут же понял, что в глазах Райнера блеснул холодный и твердый огонек узнавания, как у охотника, впервые записывающего в памяти силуэт добычи. Ему удалось сбежать через потайную дверь в задней части, имея достаточно времени в запасе, чтобы вернуться в ту дыру, где он остановился, и покинуть одежду в чемодан.

Прошло три года, прежде чем Кловису Нагелю надоело чувствовать, как Райнер дышит ему в затылок. Он не мог спать без оружия под подушкой. Не мог идти, не оглядываясь в поисках слежки. Он нигде не проводил больше нескольких недель в боязни проснуться однажды ночью, увидев блеск этих голубых глаз поблизости, смотрящих на него с другой стороны дула револьвера.

Наконец, он сдался. Без денег он не мог бесконечно скрываться, а те, что дал ему барон, уже давным давно кончились. Он стал ему писать, но ни на одно письмо не получил ответа, и Кловис поднялся на борт парохода, направляющегося в Гамбург. Снова очутившись в Германии, на пути в Мюнхен, он тут же почувствовал облегчение. В первые же три дня он решил, что ему наконец-то удалось сбежать. Пока однажды вечером он не вошел в пивную неподалеку от железнодорожной станции и не увидел среди публики Пауля.

Кловис ощутил тугой узел в животе и бросился бежать.

Мчась со всей скоростью, которую позволяли его короткие ноги, он понял, какую ужасную ошибку совершил. Он приехал в Германию без огнестрельного оружия, поскольку оно здесь было запрещено, и он боялся, что его остановят на таможне. У него не было времени, чтобы раздобыть оружие, он мог использовать для самозащиты лишь выкидной нож.

На ходу он осторожно вытащил нож из кармана. Он то вбегал, то выбегал из кругов света, отбрасываемых фонарями, мчась от одного к другому, словно между спасительными островками, пока не сообразил, что если Райнер его преследует, то это облегчит ему задачу. Кловис свернул направо, в плохо освещенный переулок, идущий параллельно железнодорожным путям. Поезд как раз пыхтел в сторону станции. Кловис его не видел, но чувствовал запах дыма и вибрацию под ногами.

На другом конце переулочка раздался металлический скрежет, и бывший моряк

подпрыгнул и прикусил себе язык. Он снова бросился бежать, сердце готово было вырваться из груди. Он ощутил на языке вкус крови, зловещее предзнаменование того, что случится, если его догонит преследователь.

Переулок заканчивался тупиком. Поскольку бежать было некуда, Нагель скрылся за штабелем деревянных ящиков, воняющих тухлой рыбой. Вокруг кружились мухи, садясь ему на лицо и руки. Он попытался их отогнать, но новый шум и тень у входа в переулок заставили его замереть и задержать дыхание.

Тень уменьшилась в размере, и на мостовой четко отразился силуэт мужчины. Кловис не мог различить лица, но в этом и не было необходимости. Он прекрасно знал, кто это.

Он не мог сдержаться и бросился к концу переулка, разбросав деревянные ящики. Пара крыс с пронзительным визгом в страхе шарахнулись из-под его ног. Кловис вслепую последовал за ними и увидел, как крысы исчезли через приоткрытую дверь, которую он не заметил в темноте, если бы не следил за грызунами. Он вошел в темный проход и вытащил зажигалку, чтобы как-то сориентироваться. Перед тем как погаснуть, за пару секунд она высветила проход, по которому Кловис бросился бежать, запечатлев его в памяти. В конце коридора он споткнулся и упал, поранив руки о влажные бетонные ступени. Не осмеливаясь зажечь зажигалку, он поднялся по стертým ступеням, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие, постоянно прислушиваясь к малейшим шорохам за спиной.

Поднимался он, как ему показалось, целую вечность. Он полностью потерял представление о времени. Там были просто бесконечные лестницы, который, похоже, никуда не вели, и голые стены, где невозможно было спрятаться.

Наконец, ноги нащупали клочок ровной поверхности, и он снова осмелился зажечь зажигалку. Колеблющейся желтоватый свет показал, что он находится в очередном коридоре, в конце которого имеется дверь. Кловис толкнул ее рукой. Она была не заперта, и он осторожно вошел.

"В конце концов мне удалось от него уйти. Это место похоже на заброшенный склад. Проведу здесь пару часов, пока не удостоверюсь, что он меня не преследует", — подумал Кловис, восстановив дыхание.

— Добрый вечер, Кловис, — произнес за его спиной чей-то голос.

Кловис обернулся, нажав на кнопку выкидного ножа. Лезвие вышло с едва слышным щелчком, и бывший моряк выбросил нож в вытянутой руке в сторону человека, что ждал у двери. Это было всё равно, что пытаться дотянуться до луны. Человек отпрянул в сторону, и стальное острие прошло почти в полуметре от него, вонзившись в стену. Кловис потянул нож за рукоятку, пытаясь вытащить, но успел лишь отколупать кусок грязной штукатурки, когда удар свалил его на пол.

— Устраивайся поудобнее. У нас впереди долгий разговор.

Голос доносился из темноты. При падении Кловис выронил зажигалку, и она потухла. Он попытался подняться, но его снова толкнули на пол. Внезапно темноту надвое рассек белый луч. Преследователь зажег фонарь, осветив собственное лицо.

— Тебе знакомо мое лицо?

Кловис внимательно посмотрел на Пауля Райнера.

— Ты не похож на него, — сказал отставной моряк. Голос его звучал твердо, хоть и устало.

Фонарь снова был направлен на Кловиса. Тот заслонил глаза левой рукой, чтобы не ослепнуть.

— Направь его в другую сторону!

— Я буду делать всё, что захочу. Сейчас мы играем по моим правилам.

Луч света соскользнул с лица Кловиса и высветил правую руку Пауля. В ней был Маузер K96 его отца.

— Ладно, Райнер. Твоя взяла.

— Я рад, что мы поняли друг друга.

Кловис сунул руку в карман. Пауль угрожающе шагнул к нему, но бывший моряк вытащил пачку сигарет и поднял ее к свету. Он также извлек из кармана спички, поскольку в зажигалке кончился бензин. В коробке осталось только две спички.

— Ты превратил мою жизнь в кошмар, Райнер, — сказал он, закуривая сигарету без фильтра.

— Я кое-что знаю о разрушенной жизни, сукин ты сын.

Кловис расхохотался; смех его, больше похожий на кудахтанье, в этой ситуации казался столь же неуместным, как священник в борделе. Раскаты хохота разносились по пустынному складу и становились всё более призрачными, отдаваясь эхом от стен.

— Ты считаешь, самое время смеяться, Кловис, когда смерть глядит тебе в глаза? — спросил Пауль.

У Кловиса смех застрял в горле. Если этот вопрос был бы задан в ярости или на повышенных тонах, он бы не так испугался. Но тон Пауля был обиденным и спокойным. Бывший моряк был уверен, что по другую сторону луча света скрывается улыбка.

— Спокойно, парень. Давай поговорим начистоту...

— Нам не о чем разговаривать. Я хочу знать, как ты убил моего отца и почему.

— Я его не убивал.

— Ну конечно, не убивал. Потому и скрываешься уже двадцать девять лет.

— Я этого не делал, клянусь!

— В таком случае, кто его убил?

Кловис задумался на несколько мгновений. Он боялся, что если ответит, то противник просто выстрелит. Это имя было его единственным козырем, и он собирался его разыграть.

— Я скажу тебе, кто это сделал, если ты дашь слово, что меня отпустишь.

В качестве единственного ответа в темноте щелкнул взводимый курок.

— Нет-нет, Райнер! — воскликнул Кловис. — Послушай, дело не только в том, кто убил твоего отца. Даже если ты узнаешь, кто это был, чем тебе это поможет? Гораздо важнее другое: то, что произошло раньше. И почему.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— Говори. Я тебя слушаю.

— Все началось 11 августа 1904 года. Перед этим мы провели парочку незабываемых недель в Свакопмунде. Там весьма неплохое для Африки пиво, и мы славно провели время, правда, девушки несколько подкачали. Тогда мы только что вернулись из Гамбурга, и капитан Райнер назначил меня своим помощником. Наш корабль в течение нескольких месяцев крейсировал вдоль африканского побережья, наводя ужас на этих проклятых англичан.

— Но ведь проблема была не в англичанах, да?

— Не в них, парень... За несколько месяцев перед этим произошло восстание туземцев. Незадолго до этого командующим войсками в колониях был назначен один генерал. Это был настоящий сукин сын, садист и мерзавец, не побоюсь этого слова. Его звали Лотар фон Тротта. Он начал притеснять чернокожих. У него был приказ из Берлина прийти с ними к соглашению, но его это совершенно не волновало. Он называл чернокожих низшими существами, обезьянами, которые только что слезли с деревьев и научились стрелять из винтовок, повторяя действия белых. Он издевался над ними, как только мог, пока они не дали ему отпор в Ватерберхе. В этом сражении приняли участие и мы все, прибывшие из Свакопмунда и Виндхука с оружием в руках и проклиная злодейку-судьбу.

— И вы победили.

— Их было втрое больше нас, но у них не было настоящей армии, и они не умели воевать. Они потеряли более трех тысяч человек, и мы захватили весь их скот и оружие. А потом...

Прежде чем продолжить, бывший моряк зажег от еще не потухшего окурка новую сигарету. В свете фонаря его лицо казалось совершенно бесстрастным, а голос был лишен всякого выражения.

— Итак, фон Тротта дал приказ наступать, — нетерпеливо подсказал Пауль.

— Не сомневаюсь, что ты слышал эту историю, парень, однако никто из тех, кто там не был, не сможет в полной мере понять, что это такое. Короче говоря, мы загнали их в пустыню. Ни воды, ни пищи там не добудешь. Мы сказали, что не позволим им вернуться. Отравили все колодцы на сотни километров вокруг, безо всякого предупреждения. Те, кто попрятались и те, что вернулись в поисках воды, стали первыми жертвами. Остальные... их было более двадцати пяти тысяч, в основном — женщины, дети и старики, сгинули в Омахеке [\[14\]](#). Боюсь даже представить, что с ними стало.

— Они все погибли, Кловис. Никто не сможет пересечь Омахеке без воды. Уцелело лишь несколько племен гереро на севере.

— Нам дали отпуск. Мы с твоим отцом мечтали оказаться как можно дальше от Виндхука. Мы украли нескольких лошадей и отправились на юг. Я не помню точно, какой дорогой мы ехали, поскольку в первые дни были настолько пьяны, что едва могли вспомнить, как нас зовут. Помню только, что мы проехали через Кольманскоп, где нас ждала телеграмма от фон Тротта, адресованная твоему отцу, в которой сообщалось, что его отпуск закончился, и ему приказано вернуться в Виндхук. Твой отец порвал телеграмму в клочки и заявил, что никогда туда не вернется. Случившееся слишком сильно на него повлияло.

— Его это действительно настолько потрясло? — спросил Пауль. Кловис услышал волнение в его голосе и понял, что нашел брешь в броне противника.

— Итак, мы вдвоем продолжали путь верхом, напиваясь при любой возможности, стараясь убраться как можно дальше от того ужасного места и даже не представляя, куда едем. И вот однажды утром мы добрались до одинокой фермы на берегу реки Оранжевой. Там жила семья немецких колонистов, и задери меня дьявол, если отец семейства бы не самым большим кретином, которого я когда-либо видел. Там поблизости протекал ручей, и девушки жаловались, что всё его дно усеяно камешками, и им больно купаться. Папаша-фермер набрал целую кучу этих камешков и свалил их позади дома — "чтобы вымостить дорожку", как он сказал. Только это были не просто камни.

— Это были алмазы, — догадался Пауль, который, много лет проработав на рудниках, знал, насколько легко здесь попасть впросак. Необработанные алмазы выглядят настолько невзрачно, что действительно кажутся просто полупрозрачными камешками.

— Среди них попадались камни размером с голубиное яйцо, парень. Другие были совсем маленькими, но зато чистой воды, а некоторые даже с розовым оттенком, вот такой величины, — сказал Кловис, подняв сжатый кулак. В те времена найти алмазы на берегу Оранжевой было не так уж и сложно; правда, если бы государственный инспектор увидел, что ты шатаешься возле рудника, он запросто мог и пристрелить, а на всех перекрестках сушилось на солнышке немало трупов с табличкой "вор алмазов". Так или иначе, алмазы на Оранжевой тогда попадались во множестве, но такого их количества, как на той ферме, я никогда не встречал. Никогда.

— И что же сказал тот человек, когда узнал, каким сокровищем владеет?

— Как я уже сказал, тот человек был глуповат. Его волновала только библия и растения, он не позволял никому из семьи ни съездить в город, ни принимать гостей издалека. И слава богу, потому что любой хотя бы с одной извилиной в мозгах, приехавший туда до нас, тут же понял бы, что это за камешки. Твой отец увидел кучу алмазов, когда мы изучали ферму, и ткнул меня локтем в бок. И вовремя, потому что я чуть не проговорился, как последний кретин, и будь я проклят, если бы это сделал. Семья приняла нас без возражений, и во время ужина твоей отец находился в дурном настроении. Он сказал, что хочет уйти спать пораньше, что устал, а когда фермер с женой предложили нам комнату, твой отец настоял на том, чтобы спать в гостиной, просто на одеялах.

— Чтобы спокойно встать ночью.

— Так мы и сделали. У камина стоял сундук из дерева и кожи, где семья держала свои пожитки. Мы вывалили из него все на пол, стараясь не шуметь. Вышли через черный ход и нагрузили его алмазами, и уж поверь, камни заполнили его на добрых три четверти, а ведь сундук был немалых размеров. Мы расстелили одеяло, поставили на него сундук, чтобы не грохотал, и подняли его на телегу, с которой папаша ездил в город за покупками. И всё было бы хорошо, кабы не проклятый пес, спавший внизу. Когда мы запрягли в телегу наших лошадей и тронулись, он подсунул свой хвост под колесо, а мы и не заметили. Лопни моя селезенка, как же взвыла эта чертова тварь! Фермер, конечно, тут же выскочил из дома с ружьем в руках. Он, конечно, был глуп, как пробка, но всё же не настолько, чтобы не понять, что тут дело нечисто, и наши объяснения пропали втуне. Твой отец, недолго думая, выхватил пистолет — тот самый, что ты держишь у меня перед носом, и одним выстрелом разmozжил ему голову.

— Врешь! — сказал Пауль. Луч света от фонаря слегка задрожал.

— Нет, парень, будь я проклят, но сейчас я не лгу. Твой отец действительно его убил, убил наповал, и нам пришлось всю погонять лошадей, потому что из дома выскочили его жена и две дочери и подняли крик. Мы драпали оттуда, словно две грешные души от адских ворот. Однако, не успели мы проехать и десяти миль, как твой отец велел мне остановиться и сойти с телеги. Я ответил, что он сошел с ума и, думаю, был прав. Всё это насилие и алкоголь сделали свое дело. Убийство фермера стало лишь последней каплей. К тому же у него был пистолет, а я свой потерял по пьянке, поэтому я решил: пусть оно всё катится к чертям собачьим! И слез с телеги.

— А как бы ты поступил, Кловис, будь у тебя пистолет?

— Я бы его пристрелил, — ответил бывший моряк, даже не задумавшись. В это мгновение он уже понял, как может изменить положение в свою пользу.

Нужно только дождаться подходящего момента.

— Продолжай, — велел Пауль. Голос его звучал еще менее дружелюбно, чем прежде.

— Не зная, что предпринять, я пошел по той же проселочной дороге, которая привела бы нас обратно в поселок. Твой отец уехал на заре. Когда он вернулся, уже перевалило за полдень, и на сей раз он был без телеги, лишь с лошадьми. Он сказал мне, что закопал сундук в том месте, которое знает только он один, и что мы вернемся и найдем его, когда всё успокоится.

— Он тебе не доверял.

— Ясное дело. И правильно. Мы сошли с дороги, потому что боялись, что жена и дочери погибшего фермера кого-нибудь оповестят, и не стали входить в город. Мы направились на север, спали урывками, а твой отец разговаривал и кричал во сне. Он не мог выкинуть из головы ту ферму. И это продолжилось, когда мы вернулись в Свакопмунд и обнаружили, что нас обоих разыскивают за дезертирство, а твоего отца лишили командования кораблем. Если бы не заварушка с алмазами, твой отец, вероятно, объявил о своем возвращении, но мы боялись, что нас свяжут с событиями на Оранжевой, так что просто уехали. Мы едва бежали от военной полиции, безбилетниками поднявшись на борт судна, отплывающего в Германию, и с грехом пополам смогли добраться до нее живыми.

— И тогда вы пошли к барону?

— Хансом, да и мной тоже, овладела навязчивая идея — вернуться на Оранжевую за тем сундуком. Мы тайно провели несколько дней в особняке. Твой отец всё рассказал барону, и тот прямо обезумел, как и твой отец, да как и все мы. Барон требовал открыть ему точное местонахождение, но Ханс отказался. Барон был банкротом и не располагал необходимыми деньгами, так что Ханс подписал бумаги, в которых переводил на его имя дом, где ты жил с матерью, и свой небольшой магазин. Предполагалось, что барон продаст их, чтобы финансировать расходы на поиски сундука. Ни один из нас двоих не мог этим заняться, поскольку к тому времени нас объявили в розыск и в Германии.

— Что произошло в ночь его смерти?

— Мы сильно поспорили. Много денег на кону, четверо мужчин, в ярости кричащих друг на друга. Твой отец получил пулю в живот.

— Как это случилось?

Кловис осторожно достал пачку сигарет и коробок спичек. Он чиркнул последней и осмотрительно подождал, пока она разгорится, а потом прикурил и выпустил дым в направлении фонаря.

— Зачем тебе это знать, Пауль? Почему тебя так интересует жизнь этого убийцы?

— Не смей так говорить о моем отце!

Ну вот... мы уже близко.

— Ах вот как? А как ты назовешь то, что мы делали в Ватерберхе, парень? Как ты назовешь то, что он сделал на ферме? Он прострелил ему башку, прямо вот тут! — сказал он, притронувшись ко лбу.

— Я сказал, заткнись!

Яростно крикнув, Пауль приблизился и поднял правую руку, чтобы ударить Кловиса. Дуло револьвера на секунду опустилось, больше не целясь в бывшего моряка, а Пауль подошел достаточно близко, чтобы Кловис мог разглядеть его лицо. Ловким движением он ткнул зажженной сигаретой ему в глаза. Молодой человек отпрянул, машинально сделав шаг назад. Сигарета не причинила ему вреда, но предоставила Кловису достаточно времени, чтобы повернуться и броситься бежать, в отчаянии разыграв свою последнюю карту.

Он не выстрелит мне в спину.

— Стой, сволочь!

Тем более, не выяснив, кто это сделал.

Пауль помчался за ним. Спина Кловиса то появлялась, то исчезала в луче фонаря, пока бывший моряк бежал в глубину склада, пытаясь выскочить с той же стороны, откуда вошел преследователь. В конце он различил дверь и окно с покрашенными черной краской стеклами. Он еще прибавил ходу, и был уже у спасительной двери, когда поскользнулся на каком-то мусоре, который оставили после себя бывшие обитатели помещения.

Он завалился ничком и как раз пытался подняться, когда Пауль добрался до него и схватил за куртку. Бывший моряк хотел встать на ноги и одновременно с этим ударить Пауля, но не сумел и, потеряв равновесие, качнулся в сторону окна.

— Нет! — крикнул Пауль, пытаясь его схватить.

Кловис боролся за то, чтобы сохранить равновесие, и протянул к Паулю руки. Он дотронулся до Пауля кончиками пальцев за мгновение до того, как окончательно потерял вертикальное положение и рухнул в окно. Старые стекла подались, словно бумажные, и тело бывшего моряка вывалилось в дыру и исчезло в темноте.

Раздался короткий крик и гулкий удар.

Пауль высунулся из окна и направил фонарь на мостовую. Тело Кловиса лежало в десяти метрах внизу, в центре расплывающегося кровавого пятна, пропитавшего валявшийся в переулке мусор.

Войдя в богадельню, Юрген сморщил нос. Здесь воняло мочой и грязью, плохо скрытыми под запахом дезинфекции.

Он хотел задать вопрос медсестре, встретившейся на пути, поскольку впервые посещал Отто с тех пор, как его сюда поместили одиннадцать лет назад. Женщина, отгородившаяся большим письменным столом, со скупающим видом читала журнал, сняв с ног белые башмаки. При виде стоящего перед ней новоиспеченного оберштурмфюрера медсестра вскочила на ноги, вскинув руку так быстро, что у него изо рта выпала дымящаяся сигарета. Она настояла на том, чтобы лично проводить Юргена.

— Вы не боитесь, что кто-нибудь сбежит? — спросил Юрген, пока они шли по коридорам, показывая на стариков, ковыляющих без определенного направления рядом с выходом.

— Иногда такое случается, особенно в банный день. Но ничего страшного, обычно их приводит назад продавец из киоска на углу.

Медсестра оставила его у двери в палату барона.

— Здесь просто чудесно. Даже есть окно. Хайль Гитлер! — воскликнула она, прежде чем уйти.

Юрген с неохотой ответил аналогичным приветствием, радуясь, что женщина удалилась. Сейчас он хотел остаться в одиночестве.

Дверь в палату была открыта. Отто сидел у окна в инвалидном кресле и дремал. По его груди стекала струйка слюны, прочертив темную полосу на халате и запачкав старый монокль в золотой оправе и с треснутым стеклом. Юрген вспомнил, насколько другим он выглядел в день после путча, в какой был ярости из-за того, что он провалился, хотя сам не имел к нему ни малейшего отношения.

Юргена сразу же задержали и допросили, хотя гораздо раньше, чем всё закончилось, ему пришла в голову разумная мысль — сменить заляпанную кровью коричневую рубашку и избавиться от огнестрельного оружия. Никаких последствий путч для него не имел, как почти для всех остальных. Даже сам Гитлер провел лишь девять месяцев за решеткой.

Юрген вернулся домой, потому что казармы СА закрыли, а саму организацию распустили. Он провел несколько дней взаперти в своей комнате, не обращая внимания на попытки матери выяснить, что произошло с Илзе Райнер, размышляя, как использовать письмо, которое он выкрал у матери Пауля.

"У матери моего брата", — смущенно повторял он.

Наконец, он сумел сделать фотографические копии письма и однажды утром после завтрака показал одну матери, а другую — отцу.

— Что это за чертовщина? — спросил барон, взяв в руки листки. Он не дошел и до середины, когда вскочил на ноги, отбросив стул на пол.

— Ты сам прекрасно знаешь, Отто.

— Юрген! Имей уважение! — в ужасе воскликнула его мать.

— После того, что я здесь прочитал, не вижу для этого причин.

— Где оригинал? — хрипло поинтересовался Отто.

— В надежном месте.

— Принеси его!

— И не подумаю. Это лишь одна из нескольких копий. Остальное я отправил в газеты и в полицию.

— Что ты наделал! — закричал Отто, обходя стол. Он попытался занести кулак, чтобы ударить Юргена, но движение получилось как в замедленной съемке, и посередине он остановился. Юрген и его мать смотрели на барона, вытаращив глаза, когда он снова попытался поднять руку, но так и не сумел.

— Я ничего не вижу. Почему я ничего не вижу? — спросил Отто.

Он завалился лицом вперед, хватаясь за скатерть, так что со стола полетела посуда. Тарелки, чашки и столовые приборы упали на пол вместе со своим содержимым, но барон, казалось, этого даже не заметил, неподвижно замерев на полу. Из столовой донеслись лишь крики горничной, которая только что принесла свежие тосты на подносе.

Стоя у входа в палату, Юрген не мог избавиться от гримасы горечи при воспоминаниях о том, каким же наивным он тогда был. Врач сказал, что у барона был апоплексический удар, в результате которого он полностью потерял способность ходить и разговаривать.

— Учитывая его склонность к излишествам, меня это не удивляет. Не думаю, что он протянет больше шести месяцев, — сказал доктор, собирая в кожаный саквояж свои инструменты. И очень кстати, потому что он не заметил на лице Юргена жестокой усмешки, когда тот слышал этот диагноз.

И вот прошло одиннадцать лет.

Он вошел бесшумно, взял стул и уселся напротив больного. Проникающий через окно свет казался чудесными солнечными лучами, но был всего лишь отражением солнца от голой белой стены здания напротив, которое только и можно было увидеть из окна барона.

Юргену надоело ждать, пока барон проснется, и он несколько раз покашлял. Барон заморгал и наконец поднял голову. Он пристально посмотрел на молодого человека, но в его глазах не отразилось ни удивления, ни испуга. Юрген подавил разочарование.

— А знаешь что, Отто? Долгое время я прилагал ужасные усилия, чтобы получить твоё одобрение. Конечно, тебя это совершенно не волновало. Ты смотрел только на Эдуарда.

Он ненадолго замолчал в ожидании реакции, движения, хоть чего-нибудь. Но получил лишь тот же взгляд, что и раньше, внимательный, но ледяной.

— С каким же облегчением я узнал, что ты мне не отец. Я вдруг мог совершенно свободно ненавидеть ту отвратительную свинью-рогоносца, который столько времени меня игнорировал.

Оскорбления тоже не произвели никакого эффекта.

— А потом у тебя случился приступ, и ты наконец оставил нас с матерью в покое. Но как всегда остановился на полпути. Я дал тебе слишком много времени, чтобы исправить эту ошибку, и давно уже обдумываю, как бы от тебя отделаться. Сам погляди... может, кое-кто избавит меня от беспокойства.

Он взял газету, которую держал под мышкой, и поднес ее к глазам старика, на достаточном расстоянии, чтобы тот мог прочитать. И одновременно с этим пересказывал ее содержимое, которое помнил наизусть. Ночью он прочитал заметку много раз, предвкушая тот миг, когда ее прочтет старик.

"ОПОЗНАН ЗАГАДОЧНЫЙ ТРУП

Мюнхен.

Неизвестное тело, обнаруженное полицией на прошлой неделе в переулке неподалеку

от Хауптбанхоф, наконец-то смогли идентифицировать. Речь идет о бывшем лейтенанте морского флота Кловисе Нагеле, который с 1904 года откладывал свое свидание с военным трибуналом, поскольку дезертировал во время миссии в Юго-Западной Африке. Хотя он вернулся в страну под вымышленным именем, власти смогли опознать его благодаря многочисленным татуировкам на теле. В настоящее время мы не знаем подробностей относительно обстоятельств его смерти, которая, как помнят читатели, последовала в результате падения с большой высоты. Возможно, его толкнули. Полиция напоминает, что любой человек, вступавший в контакт с Нагелем, находится под подозрением, и потому просит, чтобы владеющие какой-либо информацией немедленно обратились к властям.

Редакция".

— Пауль вернулся. Замечательно, правда?

Во взгляде старого барона внезапно появился страх. Это длилось всего несколько секунд, но Юрген учуял его, словно это и было то великое унижение, которое воображал его извращенный разум.

Он встал и направился в ванную комнату, взял стакан и наполнил его из-под крана до половины, а потом снова сел рядом с бароном.

— И ты знаешь, что теперь он придет за тобой. Полагаю, ты не хочешь видеть свое имя в заголовках, правда, Отто?

Юрген вытащил из кармана металлическую коробочку размером не больше почтовой марки, открыл ее и достал маленькую зеленую пилюлю, положив ее на стол.

— В СС открылся новый отдел, который экспериментирует с этими прелестными вещами. У нас агенты по всему миру, люди, которым иногда приходится исчезнуть в один миг, бесшумно и безболезненно, — сказал Юрген, опустив, что последнего так и не удалось добиться. Избавь нас от позора, Отто.

Он взял фуражку и вновь ее надел, а потом пошел к двери и там обернулся. Он увидел, как Отто протянул левую руку к пилюле и зажал ее в ладони, с таким же ничего не выражающим лицом, как когда обращался к Юргену. Затем рука поднялась ко рту, так медленно, словно она вообще не двигалась.

Юрген вышел. На мгновение он испытал искушение остаться и посмотреть на представление, но лучше было следовать плану, дабы избежать возможных проблем.

С завтрашнего дня прислуга будет называть меня бароном фон Шрёдером. А когда явится мой брат, чтобы найти ответы, ему придется задать их мне.

Только через две недели после смерти Нагеля Пауль осмелился снова выйти на улицу, в надежде собраться с мыслями.

Всё то время, что он провел взаперти в комнате пансиона в Швабинге, где остановился, в его голове мрачным эхом стоял звук от удара тела бывшего моряка о мостовую переулка. Сначала он направился к тому зданию, где когда-то жил с матерью, но вместо него выстроили многоквартирный дом.

Не только это изменилось в Мюнхене за время его отсутствия. Улицы стали чище, а по углам не шатались бездельники. Перед церквями и центрами занятости исчезли очереди. Людям больше не приходилось идти за хлебом с двумя набитыми мелкими купюрами чемоданами. В пивных прекратились кровавые стычки. Огромные афишные тумбы, стоящие на основных улицах, теперь рассказывали совсем о других событиях. Раньше на них вывешивали сообщения о митингах, горячие воззвания и десятки плакатов о розыске за ограбления. Теперь они объявляли о мирных собраниях в клубах по садоводству.

Вместо зловещих предзнаменований Пауль увидел исполнение пророчеств. Повсюду встречались группы мальчиков с красными повязками со свастиками. Проходим на их пути приходилось скидывать руку и выкрикивать "Хайль Гитлер", если не хотели рисковать, чтобы пара агентов в штатском прикоснулась к их плечам и пригласила последовать за собой. Некоторые, хотя и немногие, скрывались в каком-нибудь подъезде, чтобы избежать этого приветствия, но такое решение не всегда было возможным, и в конце концов и они рано или поздно скидывали руку.

Повсюду ходили люди, носящие этого черного паука — в виде булавки для галстука, повязки на рукаве или шейного платка. На трамвайных остановках и в киосках они продавались вместе с билетами и газетами. Этот патриотический угар разгорелся после того, как в конце июня десятки лидеров СА были убиты в разгар ночи за "измену родине". Гитлер передал тем самым двойное сообщение: что никто не может чувствовать себя в безопасности и что в Германии командует только он. Страх был написан на каждом лице, как бы люди ни старались его скрыть.

Длительная прогулка по городу принесла ему облегчение, хотя он не переставал беспокоиться о том, какой курс взяла Германия.

— Хотите булавку для галстука? — предложил ему уличный разносчик, осмотрев с головы до ног. На нем был одет кожаный чехол с многочисленными образчиками товара, начиная от орла, держащего нацистский герб, до простой свастики.

Пауль покачал головой и пошел дальше.

— Рекомендовано носить такую. Это отличный знак поддержки нашего блистательного фюрера, — настаивал парнишка, пробежав за Паулем несколько метров. Поскольку тот не остановился, он показал ему язык и бросился искать новые мишени.

"Я скорее умру, чем надену такое", — подумал Пауль.

К сожалению, он снова тут же погрузился в то лихорадочное и нервное состояние, в котором пребывал после смерти Нагеля. После рассказа бывшего помощника отца его охватили сомнения, не только о том, как продолжать расследование, но и самой его природе. Если верить Нагелю, то жизнь Ханса Райнера была сложной и противоречивой, и

он совершил преступление ради денег.

Омерзительный бывший лейтенант, конечно, не был самым достоверным источником информации. Несмотря на это, его история не противоречила той мрачной нотке в сердце Пауля, с которой он всегда думал о незнакомом ему отце.

При виде того тихого, очевидного и явного кошмара, в который с энтузиазмом погрузилась Германия, Пауль спрашивал себя — что если он не сможет пробудиться от собственного.

"На прошлой неделе мне исполнилось тридцать", — с горечью подумал он, проходя по берегу Изара, где собирались влюбленные парочки, — и треть своей жизни я провел в поисках отца, который, возможно, не заслуживает этих усилий. Я бросил любимого человека, не получив взамен ничего, кроме жертв и печали.

Возможно, именно поэтому он идеализировал Ханса каждый раз, когда грезил наяву — из-за необходимости компенсировать мрачную реальность, которую он интуитивно чувствовал в молчании Илзе.

Когда он пытался об этом задуматься, то понял, что в очередной раз прощается с Мюнхеном. Его разум наполняло лишь желание уехать из Германии и вернуться в Африку, туда, где он, если и не был счастлив, то хотя бы мог найти кусочек своей души.

Но он уже зашел так далеко... Как можно теперь сдаться?

Проблема заключалась в том, что он не знал, что делать дальше. Нагель унес с собой не только его надежды, но и последний оставшийся след. Как бы ему хотелось, чтобы мать рассказала больше, может, тогда она еще была бы жива.

Он мог бы найти Юргена... поговорить с ним о том, что рассказала мать перед смертью. Возможно, он что-то знает.

Через некоторое время он отбросил и эту идею. Ему по горло хватило фон Шрёдеров, а Юрген, скорее всего, по-прежнему его ненавидит за то, что произошло в каретном сарае угольщика, когда он потерял глаз. Пауль сомневался, что человек вроде Юргена со временем мог успокоиться. А если сказать ему, не предъявив никаких доказательств, что есть основания полагать, будто они братья... то его реакция может быть кошмарной. Да и барон с Брунхильдой не будут разговаривать любезней. Нет, он оказался в тупике.

Все кончено. Мне остается только уехать.

Бесцельная прогулка привела Пауля на Мариенплац. Он решил нанести последний визит Себастьяну Келлеру, а потом навсегда покинуть город. По дороге в книжный магазин Пауль задавался вопросом, работает ли он, или в двадцатые годы владельца настиг кризис, как и многих других.

Его страхи оказались беспочвенными. Магазин ничуть не изменился — как обычно опрятный и аккуратный, с просторными витринами, где была выставлена впечатляющая коллекция классической немецкой поэзии. Не теряя времени, он вошел, и из подсобки тут же высунулся Келлер, как и в тот день в 1923 году, когда они познакомились.

— Пауль! Боже правый, вот сюрприз!

Книготорговец вышел с теплой улыбкой на губах и протянул ему руку. Время его почти не изменилось. Он по-прежнему красил волосы под седину, и теперь щеголял в новых очках с золотой оправой, появились и новые морщинки вокруг глаз, но в остальном он сохранял всё тот же вид тихой мудрости.

— Добрый вечер, герр Келлер.

— Как я рад, Пауль. Где тебя носило всё это время? Мы считали, что ты пропал... Я

прочел в газетах про пожар в пансионе и испугался, что ты тоже погиб. Тебе следовало написать!

Немного пристыженный, Пауль извинился за то, что не подавал признаков жизни все эти годы. Келлер, вопреки привычке, закрыл магазин и повел гостя в подсобку, где они пару часов пили чай и разговаривали о былых временах. Пауль рассказал о своих путешествиях по Африке, как испробовал множество профессий, и описал свой опыт общения с необычными культурами других народов.

— Настоящие приключения... должно быть, обожаемый тобой Карл Май запал тебе в душу.

— Наверное, да... хотя в романах всё выглядит по-другому, — ответил Пауль с горькой улыбкой, вспомнив трагическую гибель Нагеля.

— А что насчет масонов, Пауль? Ты контактировал в это время с какой-нибудь ложей?

— Нет.

— Ну что ж, в конце концов, порядок — это самая суть нашего братства. К счастью, сегодня у нас как раз заседание. Ты должен прийти, и не говори "нет". Ты сможешь начать свою работу с того места, где закончил, — сказал Келлер, похлопав Пауля по плечу.

Тот кивнул, не в силах отказаться от предложения.

В тот же вечер Пауль снова оказался в храме и опять ощутил ту же искусственность и скуку, которые овладели им много лет назад, когда он впервые присутствовал на собрании ложи. Зал был полон, вместив больше сотни человек.

Тут поднялся Келлер, по-прежнему Великий Магистр ложи Восходящего Солнца, и представил Пауля братьям-масонам. Многие узнали его, но по крайней мере десяток новых членов приветствовали его впервые.

За исключением этого мгновения, когда Келлер обратился к нему напрямую, Пауль не принимал участия в заседании. Лишь в самом конце один из старейших братьев — некто по имени Фюрст — поднялся, чтобы предложить тему, которой не было в повестке дня.

— Достопочтенный Великий Магистр, мы с группой братьев хотим поговорить о текущей ситуации.

— О чем ты, брат Фюрст?

— О тревожной тени нацизма, нависшей над масонами.

— Брат, ты ведь знаком с правилами. В храме нельзя говорить о политике.

— Но Великий Магистр согласится со мной, что приходящие из Берлина и Гамбурга новости весьма тревожны. Там многие ложи самораспустились. Здесь, в Баварии, не осталось ни одной прусской ложи.

— Так что же, брат Фюрст, ты предлагаешь распустить и эту ложу?

— Никоим образом. Но думаю, что будет нелишним, если мы примем те же меры, чтобы обезопасить свое существование, какие приняли и другие.

— И что же за меры?

— Первая — обрубить связи с братьями за пределами Германии.

За этим предложением последовало перешептывание. Масоны были по традиции международным обществом, и ложи пользовались тем большим уважением, чем больше связей поддерживали с другими известными ложами.

— Тише, будьте добры! Когда брат закончит, остальные смогут высказать свою точку зрения по этому вопросу.

— Вторая — переименовать наше общество. Другие ложи в Берлине сменили название на "Орден тевтонских рыцарей".

Эта фраза вызвала новую волну перешептываний. Поменять название ордена было вещью просто немыслимой!

— И наконец, думаю, что мы должны изгнать из ложи тех братьев, со всем уважением, чья позиция может поставить наше существование под угрозу.

— И что это за братья?

Фюрст откашлялся, прежде чем продолжить, явно чувствуя себя неловко.

— Евреев, конечно же.

Пауль пораженно вскочил с места. Он хотел попросить слова, но весь зал храма превратился в хор возмущенных голосов и криков. Галдеж продолжался несколько минут, во время которых все пытались говорить одновременно. Келлер несколько раз стукнул по своей кафедре деревянным молотком, с помощью которого вел заседание и редко использовал.

— К порядку! К порядку! Давайте говорить по одному, иначе мне придется закрыть

заседание!

Всеобщее возбуждение немного улеглось, и ораторы стали выступать в поддержку или против этих мер. Пауль считал число выступавших и с удивлением отметил, что обе партии разделились примерно поровну. Он пытался найти разумные и связные доводы в поддержку своей точки зрения, но ничего не пришло ему в голову, хотя нужно было срочно предотвратить ту несправедливость, о которой он только что услышал.

Наконец, Келлер указал молотком на него. Пауль поднялся и сказал:

— Братья, я впервые беру слово в этой ложе. Весьма вероятно, что и в последний. Я был поражен, выслушав спор относительно предложения брата Фюрста, но больше всего меня поразила даже не ваша точка зрения, я сам факт, что мы хоть секунду могли это обсуждать.

Раздался одобрителный гул.

— Я не еврей. В моих венах течет арийская кровь, по крайней мере, так я считаю. Вообще-то я не особо уверен в том, кто я такой или откуда происхожу. В это благородное общество я пришел по стопам своего отца, с одной лишь целью — узнать о том, кто я такой. Жизненные обстоятельства на длительное время отдалили меня от вас, но я и не предполагал, что всё так переменится по возвращении. В этих стенах мы вроде бы ставим своей целью просветительство. Можете мне объяснить, братья, с каких это пор наша организация дискриминирует людей не за их поступки, справедливые или нет?

Снова послышался шепот одобрения, и Пауль заметил, как Фюрст поднялся с места.

— Брат, ты провел много времени за границей и не знаешь, что происходит в Германии!

— Это верно. Настали темные времена. Но именно в такие мгновения мы должны из всех сил сплотиться вокруг того, во что верим.

— Но само существование ложи под угрозой!

— Да, но какова цена за то, что ложа останется такой, как есть?

— Если это необходимо...

— Брат Фюрст, если ты пересекаешь пустыню под палящим солнцем и у тебя закончится вода, станешь ли ты пить мочу, чтобы восполнить потерянную организмом жидкость?

Потолок завибрировал от всеобщего хохота. Фюрст кипел от злости, но проиграл эту партию.

— Подумать только, и это говорит изгнанник и сын дезертира! — в ярости воскликнул он.

Пауль принял удар, как смог. Он с силой сжал спинку сиденья перед собой, так что пальцы побелели.

Я должен успокоиться, иначе он победит.

— Достопочтенный Великий Магистр, вы позволите брату Фюрсту превратить мое выступление в перекрестный огонь?

— Брат Райнер прав. Соблюдайте правила дебатов.

Фюрст сел с широкой улыбкой на губах, что насторожило Пауля.

— С превеликим удовольствием. В таком случае прошу лишить брата Райнера слова.

— Как это? На каком основании? — поразился Пауль, стараясь не закричать.

— Ты будешь отрицать, что присутствовал на собраниях ложи только в течение нескольких месяцев перед своим исчезновением?

Пауль смутился.

— Нет, но...

— Поэтому ты еще не достиг степени подмастерья и не имеешь права выступать на собраниях, — прервал его Фюрст.

— Я стал учеником больше одиннадцати лет назад. А степень подмастерья дается автоматически через три года.

— Да, но только если регулярно присутствуешь при работах. В противном случае ты должен получить одобрение большинства братьев. Поэтому ты не можешь выступать на этих дебатах, — заявил Фюрст, не скрывая удовлетворения.

Пауль огляделся вокруг в поисках поддержки. Все молча его разглядывали. Даже Келлер, который, казалось, еще несколько секунд назад готов был прийти на помощь, теперь молчал.

— Что ж, прекрасно. Если здесь и правда преобладает подобный настрой, то я объявляю о выходе из ложи.

Он резко встал со скамьи и направился к кафедре Келлера, снял фартук и перчатки и бросил их под ноги.

— Эти символы больше не внушают мне гордость.

— Мне тоже!

Один из присутствующих по имени Йоахим Хирш тоже встал с места. Он был евреем, насколько помнил Пауль. Хирш тоже бросил свои символы к подножию кафедры.

— Я не собираюсь смотреть, как здесь собираются проголосовать за то, чтобы выгнать меня из ложи, к которой я принадлежал двадцать лет. Я уйду первым, — сказал он, встав рядом с Паулем.

При этих словах повскакали с мест и многие другие. Большинство из них были евреями, хотя несколько возмущенных братьев, как с удовольствием отметил Пауль, ими не являлись. Всего через минуту на вымощенном мраморными плитами полу возникла кipa из тридцати фартуков, к ужасу и смятению остальных.

— Хватит! — рявкнул Келлер, несколько раз ударив молотком, но его так и не услышали. — Если бы не мой пост, я бы тоже сбросил этот фартук. Давайте будем уважать тех, кто принял это решение.

Группа инакомыслящих направилась к выходу. Пауль шел последним, с высоко поднятой головой, хотя и полной печальных размышлений. Несмотря на то, что ему не особо нравилось принадлежать к масонам, ему больно было видеть, как образованных и умных людей изгоняли из-за страха и нетерпимости.

Он в молчании прошел до прихожей. Некоторые из отступников образовали небольшой кружок, хотя большинство надевали шляпы и по очереди выходили на улицу — по двое или трое, чтобы не привлекать внимания. Пауль взял собственную и собирался уже последовать их примеру, когда кто-то тронул его за плечо.

— Позвольте пожать вам руку.

Это был Хирш, бросивший на пол фартук сразу за Паулем.

— Спасибо за то, что подали пример, ведь без вас я бы не осмелился.

— Не за что. Это была просто реакция на несправедливость, вот и всё.

— Если бы все люди поступали так же, Пауль, Германия не стала бы такой. Мы лишь надеемся, что этот ветер будет мимолетным.

— Люди боятся, — сказал Пауль, пожимая плечами.

— Неудивительно. Три или четыре недели назад гестапо добилось права действовать без решения суда.

— Что вы имеете в виду?

— На практике это значит, что они могут арестовать любого, кто им "покажется подозрительным".

— Но это же просто бред! — ошеломленно воскликнул Пауль.

— Нет, не бред, — ответил один из тех, кто дожидался своей очереди на выход. — А через несколько дней семья получает извещение.

— Или ее вызывают на опознание трупа, — вмешался мрачным тоном третий. — Такое уже произошло с одним моим знакомым, и список всё полнится. Крикштайн, Коэн, Танненбаум...

При звуке этого имени у Пауля ёкнуло сердце.

— Подождите минуточку! Вы сказали: Танненбаум? Какой именно Танненбаум?

— Йозеф Танненбаум, промышленник. Вы с ним знакомы?

— Более или менее. Можно сказать, что я... друг семьи.

— В таком случае, я вынужден вас огорчить: Йозеф Танненбаум мертв. Похороны состоятся завтра утром.

— На похоронах обязательно должен идти дождь, — сказал Манфред.

Алиса не ответила, а лишь с силой сжала его руку.

"Он прав", — подумала она, оглядываясь вокруг. Белые плиты сияли на утреннем солнце, создавая атмосферу безмятежности, которая никак не соответствовала ее настроению.

Алиса, так плохо разбирающаяся в собственных чувствах и так часто становящаяся жертвой этого незнания, была не в состоянии определить, что сейчас чувствует. Она всей душой ненавидела отца с тех самых пор, как пятнадцать лет назад он заставил их вернуться из Огайо. Ее ненависть приобретала разные оттенки. Сначала это была злость подростка, который делает всё наоборот. Потом она перешла к презрению, когда увидела весь эгоизм и жадность отца — ради процветания предприятия он был готов на всё. За этим последовала ненависть испуганной и запутавшейся девушки, которая боялась, что ее превратят в вещь.

С тех пор как агенты отца схватили ее в ту роковую ночь в 1923 году, ненависть к отцу превратилась в холодную враждебность. У душевно истощенной разрывом с Паулем Алисы не осталось сил на то, чтобы вложить чувства в отношения с отцом, и она рассматривала их с рациональной точки зрения. Он — лучше было назвать его просто "он", это причиняло меньше боли — просто болен. Он не понимает, что она должна быть свободна и жить собственной жизнью. Он хочет выдать ее замуж за человека, которого она презирает.

Он хотел убить ребенка, которого она носила.

Алиса всеми силами сражалась за то, чтобы этого не произошло. Отец надавал ей пощечин, обозвал грязной шлюхой и наговорил всяких мерзостей.

— Ты не станешь рожать! Барон не примет беременную шлюху в качестве невесты своего сына!

"Тем лучше", — подумала Алиса. Она замкнулась в себе, категорически отказалась делать аборт и сообщила о своей беременности ошеломленной прислуге.

— У меня есть свидетели. Если я потеряю ребенка по твоей вине, я заявлю об этом, подонок, — сказала она отцу с вызовом и уверенностью, которой не чувствовала.

— Поблагодари небеса, что твоя мать мертва и не видит свою дочь такой.

— Какой? Выставленной на продажу собственным отцом?

Связанному по рукам и ногам Йозефу пришлось явиться в особняк фон Шрёдеров и рассказать барону всю правду. Тот, весьма паршиво изобразив на лице оскорбленную гордость, сообщил ему, что, разумеется, в таких обстоятельствах договор придется расторгнуть.

После того рокового вечера, когда Йозеф Танненбаум вернулся от неудавшегося свата униженным и в ярости, Алиса больше никогда с ним не разговаривала. Через час после его возвращения экономка Дорис сообщила Алисе, что она должна немедленно уйти.

— Господин разрешил вам взять с собой один чемодан с одеждой, если нужно, — доложила она, однако своим тоном явно дала понять, что по этому поводу думает.

— Скажите этому господину, что я премного ему благодарна, но мне от него ничего не нужно, — ответила Алиса.

Она направилась к двери, но перед тем как выйти обернулась к экономке.

— Кстати, Дорис... постарайтесь не украсть чемодан, сообщив потом, что его взяла я, как вы поступили с деньгами, которые отец оставил на умывальнике.

Эти слова раскололи обманчивый фасад морального превосходства экономки. Она покраснела и засопела.

— Слушайте, могу вас заверить, что я...

Девушка вышла, хлопнув дверью в конце фразы.

Несмотря на одиночество, несмотря на всё, что с ней случилось, несмотря на огромную ответственность, которая каждую минуту росла у нее внутри, выражение беспокойства на лице Алисы сменилось улыбкой. Это была первая улыбка с тех пор, как ее покинул Пауль.

А может, это я вынудила его уехать?

Уже одиннадцать лет она пыталась ответить на этот вопрос.

Когда Пауль появился в ведущей на кладбище аллее, ответ на этот вопрос появился сам собой. Алиса смотрела, как он приблизился и встал в сторонке, пока священник произносил поминальную молитву.

Алиса полностью забыла о двух десятках человек вокруг гроба — пустого деревянного ящика, где находилась лишь урна с прахом Йозефа. Она забыла, что получила прах по почте, вместе с сообщением из гестапо, в котором говорилось, что ее отца арестовали за призывы к государственному перевороту и он погиб "при попытке к бегству". Забыла, что его хоронят под крестом, а не под звездой, поскольку он умер католиком на земле католиков, голосующих за Гитлера. Забыла собственное смятение и страх, потому что вместо всего этого в ней зародилась уверенность, словно перед ее глазами в разгар шторма зажегся маяк.

Это была моя вина. Это я тебя оттолкнула, Пауль. Это я скрыла от тебя правду и не дала тебе свободы выбора. И черт тебя побери, я влюбилась в тебя с того первого вечера пятнадцать лет назад, когда ты был в том дурацком фартуке официанта.

Ей хотелось подбежать к нему, но почему-то показалось, что если она так поступит, то потеряет его навсегда. И хотя с приходом материнства она стала более зрелой, золоченая цепь гордыни по-прежнему крепко связывала ей ноги.

Я должна приблизиться к нему медленно. Узнать, где он остановился, чем занимается. Если он еще что-то ко мне чувствует.

Похороны закончились. Манфред с Алисой выслушали соболезнования присутствующих. Последним был Пауль, который подошел с осторожностью.

— Добрый день. Спасибо, что пришли, — сказал Манфред, протягивая ему руку, но так и не узнав.

— Примите мои соболезнования, — ответил Пауль, пожимая протянутую руку.

— Вы знали моего отца?

— Да, немного. Меня зовут Пауль Райнер.

Манфред выдернул руку, словно обжег ее, и посмотрел Паулю в лицо. Хотя он был гораздо ниже и явно слабее Пауля, тот удивленно сделал шаг назад.

— Что ты здесь делаешь? Или ты думаешь, что имеешь право вот так вторгаться в ее жизнь — после того, как одиннадцать лет от тебя не было ни слуху, ни духу?

— Я написал сотни писем, но она так и не ответила ни на одно, — смущенно начал оправдываться Пауль.

— Даже если так, это всё равно ничего не меняет. После того, что ты сделал...

"Не говори этого!" — мысленно воскликнула Алиса.

— Всё в порядке, Манфред, — заверила она, кладя руку ему на плечо. — Поезжай

домой.

— Уверена? — спросил он, искоса глядя на Пауля.

— Да, — солгала она.

— Хорошо. Я поеду домой и присмотрю за...

— Прекрасно, — остановила она брата, прежде чем он произнес имя. — Я вернусь позже.

Манфред, смерив напоследок Пауля недобрым взглядом, надел шляпу и удалился. Алиса молча двинулась по центральной аллее кладбища, Пауль шел рядом. Глаза их встретились; этот взгляд был мимолетным, но при этом полным чувств и боли. Она не хотела повторить это еще раз, поэтому предпочитала идти на шаг впереди, лишь бы не встречаться с ним взглядом.

— Итак, ты вернулся.

— Я вернулся на прошлой неделе, после того, как напал на след, но всё пошло не так. А вчера я встретил одного из знакомых твоего отца, и он сообщил мне о случившемся. Видимо, за эти годы вы с ним помирились.

— В некоторых случаях лучше сохранять дистанцию.

— Понятно.

Зачем я это сказала? Теперь он подумает, что это про него. Но и исправить оплошность нельзя. Что я теперь скажу?

— Как твое путешествие, Пауль? Нашел то, что искал?

— Нет.

Скажи, что твой отъезд был ошибкой, черт тебя подери. Скажи, что ты ошибся, и я признаю свои ошибки и твои, и снова упаду в твои объятия. Скажи это!

— Вообще-то я решил бросить это дело, — продолжил Пауль. — У меня не осталось выхода, ни единого следа, никакого иного выбора. У меня нет семьи, денег, профессии, даже нет ни гроша, чтобы вернуться обратно, потому что то, что я здесь обнаружил, это не Германия.

Алиса остановилась и в первый раз посмотрела на него вблизи. Удивительно, но его лицо почти не изменилось. Черты немного огрубели, вокруг глаз залегли круги, он набрал вес, но это по-прежнему был Пауль. Ее Пауль.

— Это правда, что ты мне писал?

— Много раз. Я писал на адрес пансиона, где ты жила, и даже на адрес твоего отца.

Еще кое-что, за что можно сказать отцу спасибо.

— И что? Что ты будешь делать? — спросила она, и не могла сдержать дрожи в голосе, ее губы тоже дрожали. Возможно, ее тело передаст ему сообщение, которое она сама не осмеливалась произнести. И оно дошло до места назначения, хотя бы частично, потому что когда Пауль ответил, он тоже сделал это с чувством.

— Я собирался вернуться в Африку, Алиса. Но когда узнал, что случилось с твоим отцом, решил...

— И что же ты решил?

— Не пойми меня неправильно, но мне бы хотелось поговорить с тобой по душам, рассказать, как я провел все эти годы.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — заставила себя сказать Алиса.

— Алиса, я знаю, что не имею никакого права входить в твою жизнь, когда мне взбредет в голову. Я... Я совершил огромную ошибку, когда уехал, чудовищную ошибку, и

стыжусь этого. Мне стоило больших усилий это признать, и прошу тебя лишь как-нибудь выпить со мной кофе.

А если я скажу, что у тебя есть сын, Пауль? Чудесный мальчик с голубыми глазами, как у тебя, белокурый и упрямый, как его отец? Как ты поступишь, Пауль? А если я впущу тебя в нашу жизнь, а потом всё плохо закончится? Хотя я так тебя люблю, мои душа и тело так тебя желают, но я не могу позволить, чтобы ты причинил ему боль.

— Мне нужно подумать.

Он улыбнулся, и вокруг его глаз собрались мелкие морщинки, которых Алиса не помнила.

— Я буду ждать, — сказал Пауль, протягивая ей бумажку с адресом. — Буду ждать, сколько потребуется.

Алиса взяла записку, на миг слегка коснувшись пальцами его ладони.

— Хорошо, Пауль. Но я ничего не обещаю. А теперь уходи.

Пауль, болезненно переживая такое резкое прощание, ушел, не проронив ни слова.

Пока он удалялся, Алиса молилась, чтобы он не обернулся и не увидел, как дрожат ее ноги.

— Ну надо же, похоже, крыса проглотила наживку, — сказал Юрген, сжав в руках бинокль. С этой позиции, на холме в восьмидесяти метрах от того места, где захоронили пепел Йозефа, он мог видеть Пауля только сбоку, стоящего в очереди желающих выразить соболезнования Танненбаумам, но тут же его узнал. — Я прав, Адольф?

— Вы правы, — ответил Эйхман немного нервно. Он явно чувствовал себя неловко от этого отклонения от программы. За шесть месяцев, что он работал с Юргеном, блистательному барону удалось проникнуть в несколько лож с помощью своего титула, поверхностного обаяния и фальшивых рекомендаций, добытых в ложе Прусского Меча. Ее Великий Магистр, упертый националист и знакомый Гейдриха, всем сердцем поддерживал нацистов. Без малейшей щепетильности он произвел Юргена в степень мастера и устроил для него ускоренный курс по масонской практике. После этого он вручил ему личное письмо к Великим Магистрам гуманитарных лож, призывая их к сотрудничеству, "чтобы пережить политическую бурю".

Посещая каждую неделю новую ложу и используя различные трюки и уловки, Юргену уже удалось раздобыть больше трех тысяч имен членов гуманитарных лож. Гейдриха воодушевил такой прогресс, как и Эйхмана, поскольку его мечта сбежать со скучной должности в Дахау становилась всё ближе. В свободное время он даже заполнял папки Гейдриха и время от времени ездил в конце недели вместе с Юргеном в ближайшие города — Аугсбург, Ингольштадт или Штутгарт. Но та навязчивая идея, которая завладела Юргеном в последние дни, его сильно беспокоила. Фон Шрёдер практически не думал ни о чем, кроме этого Пауля Райнера. Он даже не объяснил, какую роль Райнер играет в миссии Гейдриха, которой они занимались, лишь заявил, что хочет его найти.

— Я прав, — повторил Юрген, больше для самого себя, чем для своего нервного спутника. — Она — главный ключ.

Он слегка отрегулировал бинокль. Использовать его Юргену было немного неудобно из-за единственного глаза, и приходилось время от времени его убирать. Снова наведя фокус, он немного отвел бинокль в сторону, и в поле зрения появилась Алиса. Она была очень красива, выглядела более зрелой, чем в последний раз, когда он ее видел. Он уставился на то, как подчеркивает груди черная блузка с короткими рукавами, и хотел бы разглядеть ее лучше.

"Вот бы отец ее не отверг. Для этой сучки было бы так унизительно выйти за меня замуж и делать то, что я скажу", — погрузился в фантазии Юрген. Он почувствовал нарастающую эрекцию, пришлось сунуть руку в карман и скрытно поправить беспорядок в штанах, так чтобы Эйхман ничего не заметил.

"Подумай хорошенько, так гораздо лучше. Женитьба на еврейке покончила бы с карьерой в СС. Но сейчас я могу убить двух зайцев одним выстрелом. Сначала приманить Пауля, а потом овладеть Алисой. Уж я-то ее проучу. О да, проучу эту сучку".

— Продолжаем действовать по плану? — спросил Эйхман.

— Да, Адольф. Следите за ним. Я хочу знать, где он остановился.

— А потом? Заявим на него в гестапо?

С отцом Алисы всё было проще. Один звонок знакомому оберштурмфюреру, меньше

десяти минут разговора, и четверо солдат выволокли наглого еврея из его квартиры на Принцрегентплатц безо всяких объяснений. Всё шло точно по плану, и Пауль пришел на похороны, как в том и был уверен Юрген.

Было бы так просто повторить... узнать, где он ночует, послать патруль и засунуть в подвал дворца Виттельсбахер — главной штаб-квартиры гестапо в Мюнхене. Войти в камеру, обитую войлоком — не для того, чтобы никто не убился об стены, а лишь чтобы заглушить крики — и сесть напротив него, чтобы посмотреть, как он умрет. Может, даже притащить туда евреечку и изнасиловать ее прямо у него на глазах, наслаждаясь, пока он отчаянно пытается вырваться из пут.

Но нужно было подумать о карьере. Для нее не слишком хорошо, что ходят разговоры о его жестокости, особенно сейчас, когда он приобрел определенную известность, поскольку благодаря титулу и достижениям находился в шаге от повышения и билета в Берлин, чтобы работать локоть к локтю с Гейдрихом.

Но всё же он жаждал встретиться с Паулем лицом к лицу. Вернуть этому говнюку всю боль, которую он причинил, не прикрываясь государственной машиной.

Он должен найти лучший способ.

Внезапно он понял, что именно хочет сделать, и его губы скривились в жестокой улыбке.

— Простите, — повторил Эйхман, решив, что его не слышали. — Вы говорили, что мы заявим на Райнера в гестапо.

— Нет, Адольф. Это дело требует индивидуального подхода.

Наконец-то дома!

Вернувшись с кладбища, Алиса вошла в небольшую квартиру и приготовилась к привычному появлению Юлиана, который каждый раз как безумный бежал по коридору, чтобы обнять ее при входе домой. Но сейчас он не появился.

— Привет! — удивленно прокричала она.

— Мы в студии, мама!

Алиса промчалась по узкому коридору, куда выходили всего три комнаты. Ее спальня, самая маленькая, выглядела так сурово, что скорее походила на шкаф.

Комната Манфреда была почти такой же, но тот вечно заваливал ее учебниками по технике, редкими книгами на английском языке и конспектами по инженерному делу — он закончил обучение год назад и вечно повторял, что собирается их выбросить. Манфред жил вместе с ними с тех пор, как поступил в университет и стал всё чаще ссориться с отцом.

Предполагалось, что это временно, но они жили вместе уже так давно, что Алиса не представляла, как она может развивать свою карьеру фотографа без той помощи, которую брат ей оказывал с Юлианом. Да и Манфред не мог находиться от них вдали, поскольку несмотря на то, что получил блестящие оценки на экзаменах, его интервью по поводу работы всегда заканчивались одной и той же фразой: "Как жаль, что вы еврей". Единственными деньгами в доме были те, что Алиса зарабатывала продажей фотографий, и с каждым разом становилось всё сложнее заплатить за аренду.

"Студией" называли комнату, которую в обычных домах именовали гостиной. Она была полностью завалена фотографическими принадлежностями Алисы. Окно было закрыто черной тканью, а с потолка свисала красная лампочка.

Алиса постучала в дверь.

— Входи, мама! Мы уже закончили.

Стол был заставлен кюветами с проявителем. От стены до стены тянулось с полдюжины веревок, к которым прищепками прикреплялись фотографии для просушки. Алиса весело вбежала и поцеловала Юлиана и Манфреда.

— У тебя всё в порядке? — спросил ее брат.

Алиса жестом дала ему понять, что они поговорят позже. Она не сказала Юлиану, куда они ходили, когда оставила его под присмотром соседки. Мальчик не имел права войти в жизнь своего деда, а после его смерти не имел прав на наследство, хотя и весьма оскудевшее за последние годы, поскольку Йозеф явно потерял в делах чутье. Все деньги были завещаны фонду по развитию культуры.

"Такова была последняя воля человека, утверждавшего, что делает всё ради семьи", — подумала Алиса, услышав слова отцовского адвоката. Поэтому она и не собиралась разговаривать с Юлианом о смерти его деда. Хоть этой неприятности можно избежать.

— Что это? Не помню, чтобы я это снимала.

— Похоже, что Юлиан воспользовался старым Кодаком, сестренка.

— Вот как? Я помню о нем только то, что затвор заедал.

— Дядя Манфред его починил, — ответил Юлиан с виноватой улыбкой.

— Ах ты ябеда! — шутливо толкнул его Манфред. — В общем, либо так, либо пришлось

бы дать ему твою Лейку.

— Я с тебя шкуру спущу, Манфред! — заявила Алиса с притворным гневом.

Ни единому фотографу не понравится, когда маленькие и прилипчивые детские пальчики находятся рядом с камерой, но как она, так и ее брат были слабы перед Юлианом. С тех пор как он научился говорить, он вертел ими обоими, как хотел, при этом оставаясь самым разумным и заботливым из всех трех.

Он подошел к цепочке фотографий и убедился, что первую уже можно обрабатывать, взялся за нее и осторожно поднял. Это была снятая крупным планом настольная лампа Манфреда и стопка книг рядом. Фото было сделано мастерски, освещающий корешки книг луч оставлял прекрасный контраст света и тени. Изображение оказалось немного не в фокусе, явно потому что руки Юлиана дрогнули, когда он нажимал на спуск. Мелкая ошибка дебютанта.

И это в десятилетнем возрасте! Алиса с гордостью подумала, что он вырастет в великого фотографа.

Она искоса взглянула на сына, который безотрывно смотрел на нее, желая узнать ее мнение. Алиса сделала вид, что не заметила.

— Ну как тебе, мам?

— Что?

— То, что ты видишь? Фото?

— Немного шевеленки. Но ты правильно выбрал выдержку и диафрагму. В следующий раз, когда будешь снимать натюрморт в недостаточном освещении, используй штатив.

— Да, мама, — ответил Юлиан, улыбнувшись от уха до уха.

"Паршивец знает, что я специально обратила внимание на дефекты", — подумала Алиса и тоже не могла сдержать улыбку. С рождением сына она стала гораздо мягче. Алиса потрепала его по белокурым волосам, а это всегда вызывало у нее улыбку.

— Юлиан, хочешь, устроим пикник в парке вместе с дядей Манфредом?

— А ты мне позволишь взять Кодак?

— Если обещаешь быть осторожным, — с неохотой согласилась Алиса.

— Конечно! В парк, в парк!

— Но сначала иди переоденься.

Юлиан быстро выбежал из комнаты, и Манфред молча уставился на сестру. Под красноватым светом, скрывающим выражение лица, она не могла разгадать, о чем он думает. Алиса, в свою очередь, вытащила из кармана бумагу, которую ей дал Пауль, и впиалась в нее взглядом, словно эти несколько слов могли превратиться в Пауля.

— Он дал тебе бумажку с адресом? — спросил Манфред, читая через ее плечо. — И это пансион. Бога ради...

— Возможно, у него благие намерения, Манфред, — ответила она, защищаясь.

— Не могу тебя понять, сестренка. Всё это время ты страдала от того, что ничего о нем не знаешь, считая его мертвым и всё такое. И вот он внезапно появляется...

— Ты же знаешь мои чувства к нему.

— Сначала ты могла бы подумать.

При этих словах она скривилась.

— Вот уж спасибо, Манфред. Как будто я недостаточно раскаивалась всё это время.

— Прости, — сказал Манфред, заметив недовольство сестры и ласково потрепав ее по плечу. — Я не хотел этого говорить. Конечно, ты вольна делать всё, что хочешь. Я лишь не

хочу, чтобы тебе причинили боль.

— Я должна попытаться.

Оба несколько мгновений молчали. Из комнаты мальчика доносился шум свалившихся на пол предметов.

— Наверняка пытается поймать мяч.

— А ты уже подумала, что скажешь Юлиану?

— Не имею ни малейшего представления. Полагаю, как-нибудь постепенно.

— Что значит "постепенно", Алиса? Собираешься показать ему ногу и сказать: "Вот это нога твоего отца"? А на следующий день руку? Это нужно сделать разом, тебе придется признать, что всю жизнь ему лгала, и это будет тяжело.

— Да, понимаю, — задумчиво произнесла Алиса.

Снова раздался грохот, на сей раз громче.

— Вот и я! — прокричал Юлиан с другой стороны двери.

— Вы лучше идите первыми, — сказала Алиса. — Я сделаю пару бутербродов, и мы встретимся через полчаса у фонтана.

Когда они ушли, Алиса попыталась привести в порядок мысли и то поле битвы, которое оставил после себя Юлиан, но ей пришлось бросить это занятие, обнаружив, что она складывает вместе носки разных цветов.

Она прошла в микроскопическую кухню и сложила в корзинку фрукты, несколько бутербродов с сыром и мармеладом и бутылку сока. Она как раз решала, взять ли одну или две бутылки пива, когда услышала звонок в дверь.

"Они точно что-нибудь забыли, — подумала она. — "Тем лучше, пойдем все вместе".

Алиса распахнула дверь.

— Вот же дырявая у вас голо...

Последнее слово превратилось в испуганный хрип. Любой другой издал бы его, увидев мундир СС.

А Алиса — потому что узнала лицо того, кто его носил.

— Скучала по мне, шлюха жидовская? — с улыбкой поинтересовался Юрген.

Когда в дверь постучали, Пауль держал в одной руке недоеденное яблоко, а в другой — газету. Еду, которую хозяйка пансиона поставила на стол, он оставил нетронутой, потому что эмоции после встречи с Алисой скрутили его желудок. Он заставил себя прожевать яблоко, чтобы успокоить нервы.

Услышав стук, Пауль вскочил, бросил газету и вытащил из-под подушки пистолет. Спрятав его за спину, он открыл дверь. Это снова оказалась хозяйка.

— Герр Райнер, тут к вам пришли, — сказала она с выражением тревоги на лице.

И отошла в сторону. Посреди коридора стоял Манфред Танненбаум, держа за руку перепуганного мальчика, прижимавшего к себе старый и потертый футбольный мяч, как будто это был спасательный жилет. Когда Пауль пристально посмотрел на мальчика, у него ёкнуло сердце. Белокурые волосы, точеные черты лица, маленькая ямочка на подбородке и голубые глаза. И его манера держаться, не отводя взгляда, хотя и наполненного страхом.

— Это...? — спросил он у Манфреда подтверждения, в котором не нуждался, потому что сердце уже всё ему сказало.

Тот кивнул, и в третий раз в жизни мир Пауля полетел вверх тормашками в одно мгновение.

— Боже ты мой! Что я наделал!

Десять минут спустя Пауль и Манфред смотрели, как мальчик набросился на сосиску с вареной картошкой, которые не стал есть его отец. Оба молчали. Манфред пытался справиться с потрясением, потому что вернувшись домой за задержавшейся Алисой он обнаружил квартиру пустой, а Пауль боролся с шоком, который испытал, впервые заглянув в глаза сыну.

— Вы мой отец? — спросил мальчик, как только они вошли в комнату.

Манфред и Пауль вытаращили глаза от изумления.

— Почему ты это сказал, Юлиан?

Мальчик не ответил дяде и взял Пауля за руку, заставив того пригнуться, так чтобы они могли посмотреть друг другу в глаза. Кончиками тонких пальцев он провел по лицу отца, изучая его, словно просто посмотреть было недостаточно. Пауль закрыл на это время глаза, понимая, что может вот-вот расплакаться, а ему бы этого не хотелось.

— Я на вас похож, — наконец объяснил Юлиан.

— Да, сынок. Очень похож.

— Я могу что-нибудь поесть? Просто умираю с голода, — сказал мальчик, показывая на поднос.

— Конечно, — ответил Пауль, подавив порыв обнять ребенка. Он не осмеливался слишком с ним сближаться, ведь мальчик только что узнал, что у него есть отец.

— Иди вымой руки и лицо, — велел Манфред, ласково подтолкнув его к умывальнику.

— Что случилось? — спросил Пауль.

— Мы собирались устроить пикник. Мы с Юлианом вышли первыми, чтобы подождать его мать, но она слишком долго не появлялась, и мы вернулись. Когда мы подошли к углу дома, сосед сообщил, что к Алисе приходил кто-то в форме СС. Я не осмелился вернуться из страха, что нас там ждут, но идти мне больше некуда.

Пауль подошел к шкафу и достал из глубины чемодана маленькую узкую бутылочку коричневого цвета с золотистой пробкой. Он открыл ее, повернув, и протянул Манфреду, который сделал большой глоток и закашлялся.

— Помедленнее, если не хочешь распевать песни.

— Черт, всё просто горит. Что это за дрянь?

— Называется крюгсле. Самогон, который делают немецкие колонисты в Виндхук. Эта бутылка — подарок одного друга. Я хранил ее для особого случая.

— Спасибо, — произнес Манфред, возвращая бутылку. — Прости, что тебе пришлось узнать всё вот так, но...

Юлиан вернулся из ванной и начал поглощать обед, а мужчины замолчали, пока он не закончил. Мальчик съел даже остаток яблока.

— Мне нужно поговорить с герром Райнером наедине, — сказал ему Манфред.

Мальчик скрестил руки на груди.

— И не подумаю уйти. Нацисты схватили маму, и я хочу знать, о чем вы будете разговаривать.

— Юлиан...

Пауль положил руку Манфреду на плечо, они переглянулись. Манфред пожал плечами.

— Ладно, — согласился он, хотя и немного раздраженно.

Пауль повернулся к мальчику и попытался изобразить улыбку. Находясь рядом с миниатюрной версией самого себя, он с болью вспоминал ту последнюю ночь в Мюнхене в 1923 году. Ужасное и эгоистичное решение, которое он принял, оставив Алису без борьбы, не попытавшись хотя бы понять причины, заставившие ее крикнуть, чтобы он уезжал. Теперь все кусочки мозаики медленно складывались, и Пауль понял, какую кошмарную ошибку совершил.

Я всю жизнь провел без отца. Винил его и тех, кто его убил, в его отсутствии. Я тысячи раз клялся, что будь у меня сын, я никогда бы его не оставил.

— Юлиан, меня зовут Пауль Райнер, — сказал он, протягивая руку.

Мальчик пожал ее.

— Я знаю, Манфред мне сказал.

— А он сказал, что я не знал о том, что у меня есть сын?

Юлиан молча покачал головой.

— Мы с Алисой всегда говорили ему, что его отец мертв, — объяснил Манфред, отводя взгляд.

Для Пауля это было уже слишком, он перенес на Юлиана всю боль своих бессонных ночей в детстве, когда он воображал отца героем. Построенные на лжи фантазии. Он спрашивал себя, что представляет перед сном этот мальчик, и не мог удержаться от того, чтобы его обнять. Его сильные руки оторвали мальчика от стула и прижали к груди. Манфред поднялся, чтобы ему помешать, испугавшись за Юлиана, но остановился, увидев, что тот обнял отца, сжав кулачки и с полными слез глазами.

— Где ты был?

Слезы Пауля смешались со слезами сына.

— Прости меня, Юлиан. Прости меня.

Когда чувства немного утихли, Манфред рассказал, что когда Юлиан достаточно подрос, чтобы спросить об отце, Алиса решила сказать, что он погиб. В конце концов, никто ведь уже давно ничего не слышал о Пауле.

— Не знаю, было ли это хорошим решением. Тогда я сам был еще подростком, но твоя мать, наверное, долго раздумывала, прежде чем так поступить.

Юлиан слушал эти объяснения внимательно и с серьезным видом, а когда Манфред закончил, повернулся к Паулю, который попытался объяснить, почему так долго отсутствовал, хотя ему казалось, что эти слова настолько же трудно произнести, как и поверить в них. Однако Юлиан, несмотря на свою грусть, похоже, прекрасно понял ситуацию и вмешался лишь чтобы задать один вопрос.

Он был открытым и сообразительным мальчиком с железной выдержкой. Его мир только что полетел вверх тормашками, но несмотря на это он не плакал, не топал ногами и не звал маму, как поступил бы на его месте любой другой.

— Значит, все эти годы ты искал обидчика своего отца? — спросил мальчик.

Пауль кивнул.

— Да, хотя это была ошибка. Я не должен был покидать Алису, потому что очень ее люблю, — сказал он, совершенно не чувствуя неловкости.

— И я тебя понимаю. Я тоже стал бы повсюду гоняться за человеком, который обидел мою семью, — ответил Юлиан приглушенным и странным тоном, несвойственным мальчику его возраста.

И это снова напомнило им об Алисе. Манфред рассказал Паулю то небольшое, что знал об исчезновении сестры.

— Такое теперь случается всё чаще, — сказал он, искоса поглядывая на племянника. Он не хотел совершить ошибку, упомянув Йозефа Танненбаума, потому что ребенок и так уже настрадался. — И никто ничего не может с этим поделать.

— Мы можем к кому-нибудь обратиться?

— К кому? — сказал Манфред, бессильно разведя руками. — Они не оставляют ни извещения, ни номера в регистрационной книге, ни списка обвинений. Ничего! Лишь пустота на том месте, где только что был человек. А если мы явимся в штаб-квартиру гестапо... сам можешь себе представить. Это можно сделать только в сопровождении армии адвокатов и журналистов, хотя боюсь, что и этого недостаточно. Вся страна в руках этих людей, и хуже всего, что никто этого не понял, пока не стало слишком поздно.

Они еще довольно долго разговаривали, так и не придя ни к какому решению. На улицы Мюнхена опустилась серая пелена сумерек, и начали зажигаться фонари. Утомленный столькими эмоциями Юлиан без особого рвения стучал ногой по кожаному мячу. В конце концов он отбросил его и задремал на кровати, а мяч откатился к ногам Манфреда. Тот поймал его и показал Паулю.

— Узнаешь?

— Нет.

— Это тот самый мяч, который ударил тебя по голове много лет назад.

Пауль улыбнулся, вспомнив падение с лестницы и цепочку событий, в результате

которых он влюбился в Алису.

— Благодаря ему существует Юлиан.

— Моя сестра говорит то же самое. Когда я уже достаточно повзрослел, чтобы противостоять отцу и возобновить встречи с Алисой, она попросила меня принести этот мяч. Пришлось вытаскивать его из кладовки. Я подарил его Юлиану, когда ему исполнилось пять. Думаю, что в тот день я в последний раз виделся с отцом, — с горечью вспомнил он. — Пауль, я...

Их прервал стук в дверь. Встревоженный Пауль жестом велел молчать и пошел за пистолетом, который засунул в шкаф. Он медленно открыл дверь. Там снова оказалась хозяйка.

— Герр Райнер, вас к телефону.

Пауль обменялся с Манфредом удивленными взглядами. За исключением Алисы никто не знал, где он остановился.

— И кто же?

Хозяйка пансиона пожала плечами.

— Он сказал, что у него новости от фройляйн Танненбаум. Больше я ни о чем не спрашивала.

— Спасибо, фрау Фринк. Подождите секунду, будьте добры. Я возьму пиджак, — сказал Пауль, прикрывая дверь.

— Это может быть уловка, чтобы ты вышел, — предположил Манфред, схватив его за руку.

— Я знаю.

Он подошел к молодому инженеру и сунул ему в руку пистолет.

— Я не знаю, как им пользоваться, — испуганно сказал Манфред.

— Просто сохрани его для меня. Если я не вернусь, загляни в чемодан. Там под молнией двойное дно и деньги. Не очень много, но это всё, что у меня осталось. Уезжайте с Юлианом из страны.

Пауль последовал за хозяйкой вниз по лестнице. Та умирала от любопытства из-за всей этой беготни вокруг загадочного жильца, который провел две недели взаперти, а теперь принимает странных гостей и получает еще более странные звонки.

— Вот, герр Райнер, — сказала она, указывая на телефон в центре коридора. — Возможно, потом вы захотите что-нибудь с кухни. За счет заведения.

— Благодарю, фрау Фринк, — ответил Пауль, взяв трубку. — Пауль Райнер слушает.

— Добрый вечер, братишка.

При звуке этого голоса Пауль покрылся мурашками. Он нутром чуял, что Юрген имеет отношение к загадочному исчезновению Алисы, но страх заставил его молчать. В это мгновение он перенесся на пятнадцать лет назад и снова ощутил себя таким же одиноким и незащищенным, как когда Юрген с друзьями окружили его на вечеринке. Ему хотелось закричать, но слова вышли какими-то плоскими и без всякого выражения.

— Ты где, Юрген? — спросил он, в тревоге сжимая кулак.

— Я ее трахнул, Пауль. Причинил ей боль, избил до полусмерти. Теперь она там, откуда никогда не выйдет.

Между яростью и болью у Пауля затеплилась надежда. Она жива!

— Ты слушаешь, братишка?

— Я убью тебя, сукин сын.

— Возможно. Вообще-то это для нас единственный выход, правда? Судьба связала нас одной веревкой много лет назад, но очень тонкой веревкой. Один из двоих должен упасть.

— Чего ты хочешь?

— Встретиться.

Это ловушка. Наверняка ловушка.

— Сначала освободи Алису.

— Прости, Пауль, этого я тебе не могу обещать. Я хочу, чтобы мы с тобой оказались в тихом месте, где могли бы покончить с этой историей, чтобы никто нам не помешал.

— Так почему же ты не прикажешь своим гориллам прийти за мной? Почему именно так?

— Ты же понимаешь, что я думал об этом. Это было бы слишком просто.

— А если я стану победителем, то смогу уйти?

— Ничего подобного, потому что я тебя убью. Если по какой-нибудь случайности ты останешься на ногах, то Алиса умрет. Если умрешь ты, то Алиса тоже умрет. Что бы ни произошло, она умрет.

— Гореть тебе в аду, подонок.

— Ох-ох-ох. Не так быстро. Послушай лучше это: "Дорогой сын, восклицательный знак. Даже не знаю, с чего и начать. Честно говоря, я уже неоднократно пыталась написать тебе правду...

— Что это, черт возьми?

— Ты что, глухой? Письмо, пять листков пожелтевшей бумаги. Знаешь, у твоей матери был такой ровный почерк для поломойки. Стиль убогий, но содержание весьма информативно. Приходи на встречу, и я отдам его тебе.

Пауль в отчаянии прислонился лбом к черной поверхности телефона, металл жалобно заскрипел. Пауль не видел другого выхода, кроме как исполнить желание Юргена.

— Братишка... ты ведь не повесил трубку, правда?

— Нет, Юрген. Я еще здесь.

— Ну так что?

— Твоя взяла.

Юрген триумфально засмеялся.

— Перед пансионом увидишь припаркованный черный мерседес. Скажи шоферу, что тебя прислал я. Он получил указания отдать тебе ключи и сказать, где я. Приезжай один и без оружия.

— Хорошо. И, Юрген...

— Да, братишка?

— Возможно, что убить меня будет не так-то легко.

Раздались гудки, и Пауль побежал к выходу, чуть не сбив с ног хозяйку пансиона. Снаружи дожидался роскошный автомобиль, совершенно не соответствующий кварталу. Шофер в ливрее встал и подошел к нему.

— Я Пауль Райнер. Меня прислал Юрген фон Шрёдер.

Шофер немедленно открыл дверцу.

— Прощу вас. Ключ в зажигании.

— Куда мне ехать?

— Господин барон не дал точного адреса. Он только сказал, чтобы вы ехали в то место, где благодаря вам он начал носить на глазу повязку. Сказал, что вы поймете.

Где герой побеждает, когда принимает собственную смерть

Тайное рукопожатие масона-мастера — самое сложное из всех. Обычно его называют "львиный коготь", пожатие производят большим пальцем и мизинцем, а остальные три пальца прижимаются ко внутренней стороне запястья брата-масона. Исторически оно произошло из определенного положения тела, называемого "пять точек братского соприкосновения": нога к ноге, колено к колену, грудь к груди, рука за спиной, а щеки соприкасаются. В XX веке эта практика была забыта. Тайное название рукопожатия — МАХАБОН, а произносят его по слогам: МА-ХА-БОН.

С тихим скрипом колеса остановились, и Пауль изучил переулок через ветровое стекло. Начался мелкий дождь. Здесь, в сумраке, он ничего не мог различить кроме одинокого фонаря, под которым в конусе желтоватого света танцевали капли.

Через пару минут он решился выйти из машины. Целых четырнадцать лет он не был в этом переулке на берегу Изара. Здесь по-прежнему скверно пахло плесенью, гнилью и тухлой рыбой. В этот поздний час кругом было так тихо, что каждый его шаг гулко отдавался в тишине.

Наконец, он дошел до сарая и толкнул дверь. Похоже, здесь ничего не изменилось. Разве что пятна зеленой плесени, покрывавшие деревянную дверь, стали как будто больше, чем в те далекие времена, когда Пауль открывал ее каждое утро, переступая порог. Ржавые петли натужно застонали, дверь теперь открывалась с большим трудом, и Паулю пришлось навалиться на нее всем телом, чтобы открыть.

Он вошел внутрь. С потолка свисала единственная лампочка. Те же стойла для лошадей, земляной пол и повозка угольщика.

А прямо перед ним стоял Юрген с пистолетом в руке.

— Привет, братишка, — сказал он. — Закрой дверь и подними руки вверх.

Из одежды на Юргене были лишь черные брюки и форменные сапоги, а торс обнажен.

— Мы же договорились — никакого огнестрельного оружия, — сказал Пауль, осторожно поднимая руки вверх.

— Подними рубашку, — велел Юрген, взмахнув пистолетом, и Пауль подчинился. — Медленно. Вот так, хорошо. Теперь повернись, медленно. Очень хорошо. Сдается мне, что ты готов следовать правилам, Пауль. И я тоже.

Он вытащил из пистолета обойму и отбросил ее через перегородку стойла. Однако в пистолете осталась еще одна пуля, а дуло по-прежнему было нацелено на Пауля. Тот огляделся.

Они были одни.

— Ну что, ничего здесь не изменилось, правда? — поинтересовался Юрген. — Я и не хотел здесь ничего менять. Твой приятель-угольщик разорился пять лет назад, и я купил у него этот сарай за бесценок. Надеялся, что однажды ты сюда вернешься.

— Где Алиса, Юрген?

Брат облизал губы, прежде чем ответить.

— Ах, та еврейская шлюшка? Ты когда-нибудь слышал о Дахау, братишка?

Пауль молча кивнул. Он мало что знал о концентрационном лагере Дахау, но то, что ему было известно, ничего хорошего не сулило.

— Я уверен, что там ей будет удобно. Во всяком случае, она казалась вполне довольной, когда мой друг Эйхман сегодня вечером ее туда отвез.

— Ты гнусная свинья, Юрген.

— Что я могу на это сказать? Что поделать, если ты не способен защитить своих женщин, братишка.

Услышав эти слова, Пауль пошатнулся, словно его ударили кулаком в лицо. В эту минуту он понял всё.

— Это ведь ты ее убил, да? Ты убил мою мать.

— Черт побери, много же времени тебе потребовалось, чтобы догадаться! — глумливо расхохотался Юрген.

— Я был с ней в последние минуты ее жизни. И она... она сказала, что это не ты.

— А ты как думал? До последней минуты она тебе лгала, пыталась защитить. Но я не вру, Пауль — сказал Юрген, размахивая у него перед носом письмом Илзе Райнер. — Здесь всё написано, вся эта история от начала и до конца.

— Ты мне его отдашь? — спросил Пауль, с тревогой глядя на бумажный прямоугольник.

— О, нет. Я уже сказал, что у тебя нет против меня ни единого шанса. Я убью тебя собственными руками, братишка. Но если вдруг случится чудо и меня поразит молния... тогда оно будет здесь.

Юрген наклонился и насадил письмо на один из торчащих из стены гвоздей.

— Снимай пиджак и рубашку, Пауль.

Пауль подчинился, бросив одежду на пол.

Он разделся до пояса, теперь в его фигуре осталось очень мало от прежнего тощего подростка, каким он был много лет назад. Могучие бицепсы бугрились под загорелой кожей, покрытой тонкими прожилками мелких шрамов.

— Ну что, доволен?

— Ну-ну... Сдается мне, кто-то активно принимал витамины, — задумчиво проговорил Юрген. Я уже подумываю, не проще ли было бы просто пристрелить тебя, чтобы не создавать лишних проблем?

— Так стреляй, Юрген. Ты всегда был трусливым крысенышем.

— Не смей называть меня так, братишка.

— После того, как вы шестером напали на одного? Шестеро с ножами против безоружного? И как, по-твоему, это называется, братишка?

С трудом сдерживая ярость, Юрген отшвырнул пистолет и схватил охотничий нож, лежавший рядом с ним, на козлах повозки.

— А вон там — твой нож, Пауль, — указал он на заднюю часть повозки. — И покончим с этим.

Пауль направился к повозке. Четырнадцать лет назад он вскочил на нее, отбиваясь от банды головорезов.

"Это был мой корабль, — думал он. — Корабль моего отца, захваченный пиратами. Теперь роли так переменились, что и не поймешь, кто плохой, а кто хороший".

Он подошел к повозке. Там действительно лежал еще один нож с красной ручкой — точно такой же, как тот, что держал в руке его брат. Пауль взял его в правую руку, острием вверх, как его учили гереро. Юрген же, напротив, держал свой нож острием вниз, что ограничивало движения его рук.

"Конечно, за последние годы я окреп, но он всё равно гораздо крупнее и сильнее меня, — думал Пауль. — Я должен измотать его, не позволив повалить меня на пол или ударить о борт повозки. И я должен воспользоваться его слепой зоной справа".

— Ну так кто из нас теперь трусит, как заяц, братишка? — усмехнулся Юрген, подманивая его рукой.

Пауль оперся свободной рукой о борт повозки и прыгнул внутрь. Теперь оба оказались друг напротив друга, впервые с тех пор, как Юрген ослеп на один глаз во время драки, которую вопреки всем прогнозам проиграл.

— Юрген, в этом нет необходимости. Мы можем...

Брат не стал его слушать. Взмахнув ножом, он полоснул прямо перед лицом Пауля, всего на несколько миллиметров не достигнув цели, потому что Пауль отклонился вправо. Он чуть не свалился с повозки, ему пришлось опереться рукой о борт, и тем самым Юрген оказался в зоне досягаемости ног. Пауль пнул брата по лодыжке, и тот покачнулся, так что Пауль успел подняться.

Они безотрывно изучали друг друга с дистанции в два шага. Пауль перенес весь вес тела на левую ногу, и Юрген решил, что противник собирается нацелить нож на другой бок. Чтобы его опередить, Юрген занес нож слева, и именно этого ожидал Пауль. Когда Юрген выбросил руку вперед, Пауль пригнулся и резко выбросил нож вверх. Не очень сильно, но достаточно, чтобы порезать лезвием. Почувствовав боль, Юрген завопил, но не отпрянул, как того ожидал Пауль, а дважды ударил ножом в его оголенный бок, так что тот тоже вскрикнул.

Оба попятились. Пауль коснулся ногами борта повозки, удерживающая бортик на месте цепь скрипела при каждом его движении. Юрген прислонился спиной к другой части повозки, ощутив у затылка козлы. Пауль схватился за раненый бок, а его противник держал кровоточащую правую руку — порез был длинным, но не глубоким.

— Итак, первая кровь — моя, — заметил Юрген. — Что ж, посмотрим, чьей будет последняя.

Пауль не ответил. После двух полученных ударов он едва мог дышать и не хотел, чтобы Юрген это заметил. Ему нужны были несколько секунд, чтобы прийти в себя, но их у него не было. Юрген бросился вперед, подняв нож над плечом, как в смертоносной версии нацистского приветствия. В последнее мгновение, когда, казалось, он уже собирался нанести удар, он отклонился влево и сделал короткий порез на уровне груди. Паулю некуда было отскочить, ему пришлось упасть с повозки, но он так и не смог избежать удара, оставившего порез от левого соска к груди.

Когда его ноги коснулись пола, он заставил себя не обращать внимания на боль и метнулся под повозку, чтобы уклониться от атаки Юргена, который тут же прыгнул вслед. Пауль перекатился по полу, и пот вместе с черной землей липкой массой покрыли его грудь. Он вылез с противоположной стороны и снова хотел подняться на повозку, теперь спереди, но Юрген предугадал это движение и тоже залез внутрь, побежав в его сторону, собираясь напасть, как только Пауль поставит на деревянную обшивку первую ногу, так что ему пришлось попятиться.

Юрген воспользовался этим, чтобы опереться на козлы и прыгнуть на Пауля, снова выбросив нож перед собой. В попытке избежать этой атаки Пауль споткнулся и упал, и это могло бы стать его концом, если бы между ними не находилось дышло. Юргену пришлось несколько неуклюже пролезть под ним. Пытающийся встать на ноги Пауль воспользовался этим, чтобы ударить его в лицо.

Пауль развернулся, попытавшись отползти подальше от Юргена. Тот обезумел от ярости и с заливающей губы кровью сумел схватить Пауля за лодыжку, но выпустил из руки нож, когда брат пнул его пяткой по запястью.

Тяжело дыша, Пауль смог подняться одновременно с Юргеном. Сидя на корточках, тот схватил валяющееся на полу разбитое деревянное ведро и метнул его в Пауля, который не успел отклониться, так что ведро ударило его в грудь.

С триумфальным воплем Юрген бросился к противнику. Оглушенный ударом ведра

Пауль рухнул под весом брата. Теперь они боролись на полу. Юрген стремился перерезать Паулю горло, а тот пытался ему помешать.

Ценой нескольких порезов он сумел помешать Юргену себя обезглавить, но долго в таком положении он бы не протянул. Брат был почти на двадцать килограммов тяжелее и к тому же находился сверху. Рано или поздно руки Пауля не выдержат, и лезвие перережет ему яремную вену.

— Всё кончено, братишка! — заорал Юрген, его кровь заливала Паулю лицо.

— Иди к черту, говнюк.

Пауль собрал все силы и пнул Юргена коленом по ребрам. Тот завалился на бок, но тут же снова надвинулся на Пауля.левой рукой он схватил его за горло, а правой пытался побороть попытки Пауля отвести нож.

Он слишком поздно заметил, что потерял из вида ту руку, в которой Пауль сжимал собственный нож. Наклонив голову, он увидел, как острие вонзилось ему в живот. Он снова поднял голову, теперь его губы дрожали, а на лице читался страх.

— Ты не посмеешь меня убить. Если ты меня убьешь, Алиса сдохнет.

— Ошибаешься, братец. Если ты умрешь, Алиса будет жить.

При этих словах Юрген отчаянно извернулся и сумел высвободить руку, в которой держал оружие. Он занес нож и опустил его на горло Пауля, но слишком медленно — рука Юргена упала без сил.

Нож Пауля по самую рукоятку погрузился в его живот.

Юрген упал навзничь.

Пауль, совершенно измученный этой безумной схваткой, обессиленный от ран, растянулся рядом, хватая ртом воздух. Оба хрипло дышали, отчаянно сражаясь за каждый глоток воздуха; их дыхание смешивалось, становясь всё тише и реже. Через минуту Пауль почувствовал себя лучше, а Юрген был мертв.

Пауль с трудом поднялся. У него были сломаны несколько ребер, по всему телу кровоточили порезы, а самый кошмарный — на груди, покрытый землей. Ему просто необходимо было обратиться за помощью, и как можно скорее.

Он перевернул тело Юргена, чтобы вытащить из-под него свою одежду. Оторвал рукава рубашки и разодрал их на полосы, чтобы использовать вместо бинтов. Затем перевязал ими раны на предплечьях. Повязки тут же пропитались кровью, но ему было не до этого. К счастью, его пиджак был темного цвета, и он надеялся, что пятна крови на нем не будут так заметны.

Он вышел в переулок. В таком состоянии он не заметил, что когда дверь открылась, справа в тени что-то зашевелилось — кто-то пытался затаиться. Пауль шагнул в ту сторону, не увидев, что кто-то за ним следит, он был так близко, что мог бы притронуться к этому человеку, просто вытянув руку.

Наконец, он добрался до машины. Садясь за руль, он внезапно ощутил приступ страшной боли в груди, словно ее сдавила чья-то огромная беспощадная рука.

"Надеюсь, что хоть легкое не задето", — подумал он.

Он завел мотор, пытаясь позабыть о боли. Ехать было недалеко. По пути сюда он приметил дешевую гостиницу, место весьма низкого пошиба, откуда, вероятно, и звонил ему брат. Гостиница находилась всего в шестистах метрах от каретного сарая.

При виде Пауля портье за стойкой побледнел.

"Должно быть, выгляжу я кошмарно, раз меня пугаются даже в таком притоне", — подумал Пауль.

— Здесь есть телефон? — спросил он.

— Вон там, на стене.

Телефонный аппарат, хоть и был очень старым, всё же работал. После шестого гудка он услышал голос хозяйки пансиона, которая еще не спала, несмотря на поздний час. Она имела привычку ложиться поздно, слушая по радио музыку и сентиментальные мелодрамы.

— Слушаю! — сказала она.

— Фрау Фринк, это герр Райнер. Мне бы хотелось поговорить с герром Танненбаумом.

— Герр Райнер? Ну наконец-то! Я так беспокоилась, всё думала, куда вы могли подеваться в столь поздний час. Да еще когда у вас гости...

— Я в порядке, фрау Фринк. Могу я вас попросить?..

— Да-да, конечно, герра Танненбаума. Сию минуту.

Пять минут, которые Паулю пришлось прождать, показались ему вечностью. Он обернулся к стойке и заметил, что портье внимательно наблюдает за ним, прикрывшись "Фолькишер Беобахтер".

Сторонник нацистов! Только этого еще не хватало!

Он потупил взгляд и увидел струйку крови, капающую из правой руки, растекаясь по ладони и образуя странный рисунок на деревянном полу. Он поднял руку, чтобы с нее не капало, и поставил ногу на кровавую лужицу, которая была похожа просто на грязные разводы, во множестве имевшиеся в этом свинарнике.

Пауль повернулся обратно. Портье не сводил с него глаз и, вероятно, заметив что-то подозрительное, тут же сообщит в гестапо, стоит только Паулю выйти наружу. Это будет конец. Паулю никак не удастся объяснить ни происхождение своих ран, ни что он делает в машине барона. Если он не избавится от трупа, то через пару дней его в любом случае обнаружат, как только какой-нибудь бродяга учует вонь.

Возьми трубку, Манфред. Возьми ее, ради бога.

В конце концов он услышал полный тревоги голос брата Алисы.

— Пауль, это ты?

— Я.

— Где тебя черти носят? Поскольку ты всё не поднимался, я...

— Слушай меня внимательно, Манфред, если хочешь снова увидеть свою сестру живой и здоровой. Мне необходима твоя помощь.

— Где ты сейчас? — встревоженно спросил Манфред.

Пауль назвал ему адрес.

— Вызови такси и подъезжай сюда. Но сначала зайди в аптеку и купи бинты, марлю, спирт и хирургическую иглу. И, самое главное, какие-нибудь антисептические средства. Да, и захвати чемодан с моими вещами. Не беспокойся о фрау Фринк, я...

Ему пришлось сделать паузу — из-за усталости и потери крови у него закружилась голова. Он даже схватился за телефонный аппарат, чтобы не упасть.

— Пауль?

— ... я ей заплатил вперед за два месяца.

— Я всё сделаю, Пауль.

— Поторопись, Манфред.

Пауль повесил трубку и направился к двери. Проходя мимо портье, он отсалютовал ему краткой и конвульсивной версией нацистского приветствия, понадеявшись, что тот не обратит внимания на кровавые пятна. Портье с таким энтузиазмом выкрикнул "Хайль Гитлер!", что картины на стенах перекошились на ржавых гвоздях. Он выбежал вперед и открыл перед Паулем дверь на улицу, с удивлением увидев припаркованный там роскошный мерседес.

— Отличная машина, дружище.

— Да, неплохая.

— И давно она у вас?

— Пару месяцев. Купил с рук.

Боже мой, только не звони в полицию... ты просто повстречал честного трудягу, который ненадолго остановился, чтобы сделать телефонный звонок.

Садясь в машину, он снова почувствовал подозрительный взгляд портье на своем затылке. Ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не вскрикнуть от боли.

"Всё хорошо, — подумал он, собрав все силы, чтобы завести двигатель и не потерять сознание. — Возвращайся к своей газете, приятель. Возвращайся к своему тихому вечеру. Не напрашивайся на неприятности с полицией".

Портье не сводил глаз с мерседеса, пока он не завернул за угол, но Пауль не был уверен,

что он просто любит автомобиль, а не заминает номерной знак. К счастью, со своего места он не мог увидеть, что Пауль направляется к каретному сараю.

Когда он прибыл, то без сил рухнул на руль, стиснув его в руках.

Он пришел в себя от стука по стеклу. На него смотрел встревоженный Манфред, а рядом виднелось лицо поменьше.

Юлиан.

Мой сын.

Последующие за этим минуты остались в его памяти бессвязным нагромождением событий. Манфред тащит его из машины в сарай. Промывает и зашивает раны. Жуткая боль. Юлиан подносит к его губам бутылку с водой. Он пьет целую вечность и не может утолить жажду. Потом снова тишина.

Когда Пауль опять открыл глаза, Манфред с Юлианом сидели в повозке и наблюдали за ним.

— Что он здесь делает? — хрипло спросил Пауль.

— А как иначе? Не мог же я оставить его одного в пансионе.

— То, чем мы собираемся заняться — недетское дело.

Юлиан выбрался из повозки и обнял его.

— Мы так беспокоились! — сказал он.

— Спасибо, что спасли меня, — ответил Пауль, взъерошив ему волосы.

— Мама тоже так делает, — сообщил мальчик.

— Мы найдем ее, Юлиан. Я обещаю.

Он поднялся и направился умыться в уборную в глубине сарая. Там обнаружилось лишь затянутое паутиной ведро под краном и старое потрескавшееся зеркало.

Пауль осторожно взглянул на свое отражение. Вся верхняя половина тела и руки были полностью забинтованы. В левом боку через белую ткань проступила кровь.

— У тебя жуткие раны. Ты так кричал, когда я приложил антисептик, — сказал Манфред, приблизившись к двери.

— Ничего не помню.

— А кто этот покойник?

— Человек, который похитил Алису.

— Юлиан, сейчас же брось нож! — крикнул Манфред, время от времени посматривающий через плечо на мальчика.

— Мне жаль, что ему пришлось увидеть труп.

— Он очень храбрый мальчик. Всё то время, что я зашивал раны, он держал тебя за руку, хотя могу поклясться, что выглядело это ужасно. Ведь я инженер, а не врач.

Пауль тряхнул головой, пытаясь прийти в себя.

— Тебе придется сходить за сульфамидом. Кстати, который час?

— Семь часов утра.

— У нас еще есть время, чтобы отдохнуть. Сегодня ночью мы отправимся за твоей сестрой.

— Где она?

— В Дахау.

Манфред вытаращил глаза и сглотнул, прежде чем ответить.

— Ты знаешь, что такое Дахау, Пауль?

— Один из тех концентрационных лагерей, куда нацисты заключают своих

политических противников. По сути — тюрьма под открытым небом.

— Я вижу, давно ты не был в Германии, — ответил Манфред, качая головой. — Официально считается, что эти места — чудесные летние лагеря для строптивых и недисциплинированных детей. Если же прислушаться к тем немногим честным журналистам, которым довелось там побывать, то окажется, что такие местечки вроде Дахау — настоящий ад в миниатюре. Никому еще не удавалось оттуда сбежать.

— Алиса и не сбежит.

Пауль в нескольких штрихах очертил свой план. Это был всего десяток предложений, но когда он закончил, Манфред занервничал еще больше прежнего.

— Куча всего может пойти не так.

— А может и сработать.

— А может взойти зеленая луна.

— Ты хочешь спасти сестру или нет?

Манфред посмотрел на Юлиана, который забрался в повозку и бил мячом о борта.

— Полагаю, что да, — вздохнул он.

— Тогда давай немного отдохнем. Когда проснешься, ты поможешь мне убить Пауля Райнера.

Через несколько минут, увидев, как Манфред с Юлианом растянулись на полу, пытаясь поспать, Пауль вдруг осознал, насколько устал. Но прежде чем заснуть, ему еще нужно было кое-что сделать.

На другом конце сарая на гвозде висело письмо его матери.

Паулю снова пришлось перешагнуть через тело Юргена, и теперь это оказалось более тяжким испытанием. Он смотрел на брата несколько долгих минут — на его запавший глаз, разливающуюся по коже бледность, в то время как кровь скопилась внизу, симметрия тела нарушилась, поскольку нож торчал из живота под косым углом. Несмотря на то, что всю жизнь этот человек причинял ему лишь страдания, Пауль почувствовал к нему глубокую жалость.

"Всё должно было случиться не так", — подумал он, решившись, наконец, пройти через ту сгустившуюся из воздуха стену, которая, казалось, образовалась над трупом.

Очень аккуратно он снял с гвоздя письмо.

Усталость подействовала на его нервы словно целительный бальзам, но его всё равно захватили чувства.

"Дорогой сын!

Даже не знаю, с чего и начать. Честно говоря, я уже неоднократно пыталась написать тебе правду, но всякий раз бросала. А в последнее время я всё чаще беру в руки карандаш, чтобы написать тебе, а потом, дождавшись, когда ты уйдешь из дома, сжигаю письмо и выбрасываю в окно пепел. Но всё же я должна попытаться рассказать правду.

Итак, твой отец. Когда ты был маленьким, ты без конца расспрашивал меня о нем. Я всякий раз одергивала тебя или просто молчала, потому что боялась. В то время наша с тобой жизнь полностью зависела от милости фон Шрёдеров, а я была слишком слаба, чтобы пытаться найти что-то взамен. Если бы только... Но нет, не слушай меня. Я столько раз в своей жизни повторяла эту фразу, что уже устала сожалеть о своих ошибках.

Как и тебе в конце концов надоело расспрашивать об отце. В чем-то это повлияло на меня даже больше, чем твое безудержное любопытство в детские годы, ибо я знаю, что ты по-прежнему одержим мыслями о нем. Я знаю, сколько бессонных ночей ты провел, размышляя об этом, и что нет в твоём сердце сильнее желания, чем узнать, что же с ним случилось.

Поэтому я и молчала. Порой мне кажется, что моя голова полна туманам, а иногда я теряю счет времени и сама не понимаю, где нахожусь, и лишь молю Бога, чтобы во время одного из этих провалов памяти случайно не проговориться. Когда же я пребываю в здравом уме, я боюсь лишь одного: что однажды всё раскроется, и ты побежишь сводить счета с людьми, убившими Ханса.

Да, Пауль, твой отец не погиб при кораблекрушении, как мы тебе сказали, ты ведь и сам догадался об этом незадолго до того, как нас с тобой выгнали из баронского особняка. Тем не менее, он вполне заслуживал именно такой участи.

Ханс Райнер родился в Гамбурге в 1876 году, но его семья переехала в Мюнхен, когда он был еще ребенком. Он очень любил оба города, однако настоящей его страстью стало море.

Он был весьма целеустремленным человеком. Решил, что станет капитаном, и добился этого. Он уже был капитаном, когда мы с ним познакомились на одном из балов в начале века. Я не помню точно, когда это было, но думаю, что где-то в конце 1902 года, хотя и не уверена. Он пригласил меня на танец, и я согласилась. Помню, что это был вальс. Еще до конца танца я безумно в него влюбилась.

Возвращаясь из своих походов, он ухаживал за мной и даже переехал в Мюнхен, чтобы доставить мне удовольствие, хотя при его профессии это было не слишком удобно. Тот день, когда он вошел в дом моих родителей, чтобы просить моей руки у твоего дедушки, был самым счастливым в моей жизни. Мой отец был человеком дружелюбным и добродушным, но в тот день стал серьезным и даже уронил слезу. Как жаль, что ты его не знал, тебе бы он понравился.

Отец заявил, что собирается устроить прием, чтобы по всем правилам отпраздновать нашу помолвку: с гостями, танцами и роскошным банкетом.

Поскольку наш скромный дом был слишком мал для такого приема, отец попросил у моей сестры разрешения провести торжество в загородном доме барона в Хершинге. В те

времена твой дядя еще не успел проиграться, и у него было множество имений, разбросанных по всей Баварии. Брунхильда согласилась — главным образом, потому что хотела сохранить хорошие отношения с матерью.

В детстве мы с сестрой не были особенно близки. Она гораздо больше остальных детей любила танцы и красивые наряды, я же предпочитала оставаться дома с родителями. К тому же, я на несколько лет ее моложе, так что, когда я еще играла в куклы, Брунхильда уже бегала на свидания.

На самом деле она совсем не такой плохой человек, Пауль. Она никогда не была по-настоящему злым человеком, просто эгоистичной и донельзя избалованной, но совсем не плохой. Когда она вышла замуж за барона — года за два до того, как я познакомилась с твоим отцом, она была самой счастливой женщиной на свете. Что же заставило ее так перемениться? Я не знаю. Быть может, скука или неверность твоего дяди — известного всему свету бабника, чего она прежде упорно не желала замечать, ослепленная его титулом и богатством. Но потом его измены стали слишком явными, чтобы их можно было не замечать. Тем не менее, она родила от него сына, чего я никак не ожидала. Эдуард был очень милым и очень одиноким ребенком, брошенным на попечение няnek и слуг. Мать не обращала на него никакого внимания, поскольку ребенок так и не выполнил возложенной на него задачи: привязать к ней барона и отвлечь от его шлюх.

Однако вернемся к нашему торжеству. В пятницу, к полудню, начали прибывать гости. Я сияла от счастья, прогуливаясь по саду вместе с сестрой и с нетерпением ожидая прибытия твоего отца, чтобы их познакомить. Наконец, он приехал — при полном параде, в капитанской фуражке, белых перчатках и с кортиком на поясе. Он нарядился, как на парад, но при этом сказал, что просто хотел произвести на меня впечатление. Я от души посмеялась по этому поводу.

Однако, когда я представляла его Брунхильде, произошло нечто странное. Твой отец, целуя ей руку, задержал ее в своей несколько дольше, чем допускали приличия. А она казалась такой потрясенной, словно в нее ударила молния. Я же по своей наивности решила, что это от смущения, хотя уж чем-чем, а стыдливостью Брунхильда совершенно точно никогда не страдала.

Твой отец тогда только что вернулся из Африки. Он привез мне какие-то экзотические духи, сделанные в колониях; они пахли сандаловым деревом и патокой — так мне, во всяком случае, показалось. У них был сильный, резкий и весьма специфический аромат, но мне он казался тонким и очень приятным. И я повела себя, как полная дура. Я была так растрогана, что дала ему слово, что всегда буду пользоваться только этими духами.

Той ночью, когда все спали, Брунхильда тайком пробралась в комнату твоего отца. В комнате было совершенно темно, а на Брунхильде под ее халатом не было ничего, кроме тех самых духов, которые подарил мне твой отец. Она молча залезла к нему в постель и занялась с ним любовью. Пауль, даже сейчас мне больно писать об этом, хотя с тех пор миновало почти двадцать лет.

Твой отец был уверен, что это я пришла к нему, решив поторопить нашу брачную ночь. Во всяком случае, так он сказал мне на следующий день, когда покался в случившемся.

Он клялся и божился, что ничего не заметил, пока они не закончили, и Брунхильда не заговорила. Она призналась ему в любви и предложила вместе бежать. Твой отец выставил ее из своей спальни, а утром отвел меня в сторонку и всё мне рассказал.

— Если хочешь, мы можем расторгнуть помолвку, — предложил он.

— Нет, — ответила я. — Я люблю тебя, и выйду за тебя замуж, если ты поклянешься, что не знал о том, что это моя сестра.

Твой отец поклялся мне в этом, и я ему поверила. Правда, по прошествии нескольких лет я уже не столь непоколебимо уверена, что он сказал правду, но теперь в моем сердце накопилось слишком много горечи.

Итак, он попросил моей руки, а спустя три месяца в Мюнхене состоялась наша свадьба. К тому времени у твоей тети вырос уже весьма заметный животик, который отчетливо выпирал из-под ее красного кружевного платья, в которое она нарядилась на нашу свадьбу. Барон так и светился от гордости, что скоро снова станет отцом, и все вокруг были счастливы, кроме одной меня: ведь я-то знала, чьим сыном в действительности является этот ребенок.

Правда, в конце концов барон тоже всё узнал. Но узнал не от меня. Я никогда не попрекала сестру этим ее проступком и вообще никому об этом не рассказывала — просто потому, что всегда была трусихой. Но рано или поздно правда всё равно должна была выйти наружу, и в конце концов Брунхильда сама высказала ее прямо в лицо барону, чтобы хоть как-то отомстить за его бесчисленные измены. Я, конечно, не знаю точно, как это произошло, но, так или иначе, барон всё узнал, и именно в этом в какой-то степени кроется причина того, что случилось потом.

Почти сразу после свадьбы я забеременела. Ты появился на свет в то время, когда твой отец со своей последней миссией отправился в Африку. Письма, которые он мне писал, были весьма мрачными, и хотя я тогда и не понимала, в чем здесь дело, но чувствовала, что эта миссия нравится ему всё меньше и меньше.

А потом он внезапно перестал писать. Последнее письмо, которое я получила, пришло из Управления Императорского флота, и в нем сообщалось, что мой муж дезертировал, и что в случае, если он объявится, я обязана поставить в известность власти.

Узнав об этом, я долго плакала. Я не знаю, что толкнуло его на этот шаг, да и не хочу знать. После смерти Ханса Райнера я узнала о нем много такого, что не имело ничего общего с тем прекрасным образом, который я создала в своем воображении. Именно поэтому я и не хотела рассказывать тебе об отце, он был отнюдь не тем человеком, которым ты мог бы гордиться.

В конце 1904 года твой отец вернулся в Мюнхен, но я об этом не знала. Он вернулся тайно, вместе со своим помощником, неким Нагелем, который всегда сопровождал его в поездках. Вместо того, чтобы вернуться домой, он нашел убежище в особняке твоего дяди-барона. Оттуда он прислал мне короткую записку, передаю тебе ее содержание слово в слово:

"Дорогая Илзе! Я совершил большую ошибку и теперь пытаюсь ее исправить. Я обратился за помощью к твоему зятю и еще к одному хорошему другу, надеюсь, они смогут мне помочь. Порой величайшие сокровища скрываются там же, где и величайшее разрушение., по крайней мере, я всегда был в этом уверен. Любящий тебя Ханс".

Я так и не смогла понять, что твой отец хотел этим сказать. Снова и снова я перечитывала его письмо, пока не выучила наизусть, но потом сожгла его, опасаясь, что оно попадет в недобрые руки.

Что касается смерти твоего отца, то я знаю лишь, что он остановился в особняке фон Шрёдеров и что в ту ночь у них вышел спор, и в этом споре твой отец погиб. Труп сбросили с моста в Изар в предрассветные часы.

Мне неизвестно, кто убил твоего отца. Я передаю тебе лишь то, что мне в свое время рассказала твоя тетя, но ее тоже не было в гостинной, когда это случилось, и она сама ничего не видела. Она рассказала мне об этом, заливаясь слезами, и я поняла, что она по-прежнему в него влюблена.

Юрген — мальчик, которому Брунхильда дала жизнь — как две капли воды похож на твоего отца. Неудивительно, что Брунхильда всегда беззаветно его любила. Той ночью начались и другие ужасные события.

Я, растерянная и перепуганная, согласилась на предложение Отто переехать к ним. Почему Отто так поступил? Видимо, он хотел хотя бы отчасти искупить свою вину за то, что они сделали с Хансом, а также отомстить Брунхильде за измену, чтобы я маячила у нее на глазах, постоянно напоминая, что Ханс предпочел меня. А Брунхильда, в свою очередь, хотела отомстить мне — за то, что я отняла у нее мужчину, на которого она положила глаз, несмотря на то, что этот мужчина никогда ей не принадлежал.

У меня не было другого выхода. Когда спустя несколько лет его официально объявили мертвым, выяснилось, что он не оставил нам ничего, кроме долгов. Его тело так и не нашли. А нам с тобой пришлось жить в этом особняке, в котором нас ненавидели.

Я должна сказать тебе еще кое о чем. Я никогда не считала Юргена просто племянником; я считала его твоим братом. Несмотря на то, что его родила Брунхильда, для меня он был как родной сын. Я так и не смогла дать ему настоящей материнской любви, но, тем не менее, он был частичкой твоего отца, человека, которого я любила всей душой. Когда я смотрела на него, мне казалось, что Ханс снова со мной.

Мои трусость и эгоизм повлияли и на твою жизнь, Пауль. Я не хотела, чтобы на тебя повлияли обстоятельства смерти отца. Поэтому я лгала и скрывала правду, чтобы ты, повзрослев, не занимался бессмысленной мстью. Прошу тебя, не делай этого.

И если это письмо всё же попадет в твои руки, хоть я в этом и сомневаюсь, я хочу, чтобы ты знал, что я очень тебя люблю, и что я так поступала лишь для того, чтобы тебя защитить. Прости меня.

Твоя любящая мать
Илзе Райнер".

Прочтя письмо матери, Пауль долго плакал.

Он оплакивал Илзе, чья жизнь была наполнена страданиями из-за любви, и из-за любви она совершала ошибки. Он оплакивал Юргена, родившегося не в том доме. Оплакивал самого себя, потому что лил слезы по отцу, который того не заслуживал.

Когда он заснул, то погрузился в удивительный покой, такого он никогда не испытывал. Как бы ни закончилась та авантюра, которую он собирался предпринять через несколько часов, он достиг своей цели.

Его разбудил Манфред, похлопав по спине. Рядом сидел Юлиан и ел бутерброд с колбасой.

— Пора. Уже семь вечера.

— Почему ты не разбудил меня раньше?

— Тебе нужно было отдохнуть. А пока ты спал, я сходил за покупками и принес всё, что ты велел: полотенца, стальную ложку, лопату — всё, что нужно.

— Тогда начнем.

Манфред заставил Пауля принять сульфамид, чтобы раны не воспалились, а потом они послали Юлиана к машине.

— Я могу ее завести?

— Не вздумай! — крикнул Манфред.

Оставшись вдвоем, они стянули с мертвеца брюки и сапоги и переодели его в одежду Пауля, засунув в карман пиджака его документы. Затем они выкопали в земляном полу глубокую яму и положили туда тело.

— Полагаю, это их на некоторое время задержит. Не думаю, что его найдут раньше, чем через пару недель, а к тому времени от него немного останется, — сказал Пауль.

На гвозде в стойле они нашли форму Юргена. Пауль был примерно того же роста, хотя его брат — шире в плечах. Учитывая толстый слой бинтов на груди и руках Пауля, форма сидела неплохо. Сапоги жали, но всё остальное подошло.

— Форма сидит, как влитая. Только вот это ты никак не подделаешь.

Манфред показал удостоверение Юргена. Оно было вставлено в кожаный бумажник, рядом с партийным билетом и пропуском в СС. Сходство Паля и Юргена с годами увеличилось. У обоих был выдающийся подбородок, голубые глаза и похожие черты. Волосы Юргена были темнее, но это оказалось легко исправить с помощью купленного Манфредом бриолина.

Если сравнивать с фотографией на удостоверении личности, Пауля легко можно было принять за Юргена. За исключением одной детали, на которую и указал пальцем Манфред. Под надписью "особенности внешности" яснее ясного было написано: отсутствует правый глаз.

— Повязки будет недостаточно, Пауль. Если тебе прикажут ее снять...

— Я знаю, Манфред. Поэтому мне и нужна твоя помощь.

Манфред пораженно уставился на Пауля.

— Но ты же не собираешься...

— Мне придется это сделать.

— Но это же просто безумие!

— Как и весь план. И это — самое его слабое место.

В конце концов Манфред согласился. Пауль сел на козлы повозки, накрыв грудь полотенцами, словно пришел к парикмахеру.

— Ты готов?

— погоди, — сказал Манфред. На его лице читался ужас. — Давай повторим еще раз, чтобы не ошибиться.

— Я приложу ложку к краю правого века и выковырну глаз. Как только он выпадет, ты должен приложить антисептик и марлю. Так?

Манфред кивнул. Он был так напуган, что едва мог говорить, и Пауль понял, что ужас юноши помогает ему преодолеть собственный страх.

— Ты готов? — повторил он.

— Готов.

Через десять секунд раздался крик.

К одиннадцати часам вечера Пауль проглотил почти целую упаковку аспирина из тех трех, что купил Манфред. Рана перестала кровоточить, и Манфред дезинфицировал ее каждые пятнадцать минут, прикладывая новые марлевые повязки.

Пару часов назад вошел Юлиан, встревоженный раздавшимся криком, и обнаружил отца схватившимся за голову и вопящим во все легкие, а дядя истерически заорал, чтобы он немедленно вышел. Он снова закрылся в мерседесе и зарыдал.

Когда всё успокоилось, Манфред отправился за племянником и объяснил ему план. Юлиан вошел в сарай и приблизился к Паулю.

— Ты это сделал только ради мамы? — спросил он голосом, наполненным почти благоговейным уважением.

— И ради тебя, Юлиан. Потому что я хочу, чтобы мы жили все вместе.

Мальчик не ответил и с силой сжал руку Пауля и не отпускал ее, пока его отец не решил, что пришла пора трогаться в путь. Он сел вместе с Юлианом на заднее сиденье автомобиля.

Манфред проехал семнадцать километров, отделяющие их от концентрационного лагеря, с напряженно сжатыми губами. Им понадобился почти час, чтобы добраться до места, потому что Манфред почти не умел водить, и машина время от времени глохла.

— Когда подъедем туда, автомобиль не должен заглохнуть ни в коем случае, Манфред, — предупредил его Пауль, весьма обеспокоенный.

— Сделаю всё, что смогу.

Въезжая в Дахау, Пауль обратил внимание, как разительно этот город отличается от Мюнхена. Даже сейчас, под покровом ночной темноты, бросалась в глаза царившая здесь нищета. Щербатые, грязные тротуары, разбитые дорожные знаки, облезлые фасады домов.

— Какое печальное место, — заметил Пауль.

— Да уж! Из всех мест, куда могли увезти Алису, это, безусловно, самое худшее.

— Почему ты так говоришь?

— Наш отец был владельцем порохового завода, который располагался в этом городе.

Пауль уже собирался сказать Манфреду, что его мать работала на этом заводе по производству боеприпасов и что ее уволили, но слишком устал для болтовни.

— Чертовски иронично, что отец продал эту землю нацистам. А они устроили здесь лагерь.

Наконец, они увидели желтую вывеску счетными буквами, возвещающую, что лагерь находится в восьмидесяти метрах.

— Остановись, Манфред. Медленно развернись и поезжай немного назад.

Манфред подчинился, и они вернулись обратно к небольшому зданию, которое проехали несколько минут назад. Оно было похоже на домик лесника, хотя выглядело уже давно нежилым.

— Юлиан, слушай внимательно, — сказал Пауль, взяв мальчика за плечи, чтобы тот посмотрел ему в лицо. — мы с твоим дядей пойдем в концентрационный лагерь и попытаемся спасти твою мать. Но ты с нами идти не можешь. Я хочу, чтобы ты вышел из машины с моим чемоданом и подождал нас за этим зданием. Спрячься хорошенько, не говори ни с кем и не показывайся, пока не услышишь, как я или дядя тебя зовем. Ты меня понял?

Юлиан кивнул, и губы у него задрожали.

— Ты храбрый мальчик, — сказал Пауль, обнимая его.

— А если вы не вернетесь?

— Не надо так думать, Юлиан. Потому что мы непременно вернемся.

Устроив Юлиана в тайном убежище, Пауль и Манфред сели обратно в машину.

— Почему ты не дал ему указаний на случай, если мы не вернемся? — спросил Манфред.

— Потому что он смысленный парнишка. Он заглянет в чемодан, возьмет деньги и бросит остальное. И в любом случае, мне его некуда отправить. Как выглядит рана? — спросил Пауль, зажигая освещение и снимая марлевую повязку.

— Воспалена, но не сильно. Веки не красные. Болит?

— Очень.

Пауль посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Там, где раньше находилось глазное яблоко, теперь была только пустота, прикрытая сморщенной кожей. Из-под века вытекла тоненькая струйка крови, похожая на алую слезу.

— Она должна выглядеть старой, черт подери.

— Может, тебя и не попросят снять повязку.

— Спасибо, что напомнил.

Он вытащил из кармана повязку и надел ее, выбросив марлю через окно в кювет. Снова поглядев на себя в зеркало, он почувствовал мурашки по коже.

Из зеркала на него смотрел Юрген.

Он взглянул на нарукавную повязку с нацистской свастикой, красовавшуюся на левой руке.

Пауль вспомнил, как однажды подумал, что скорее умрет, чем нацепит на себя этот символ. И сегодня Пауль Райнер мертв. Сегодня я Юрген фон Шрёдер.

Он пересел с заднего сиденья вперед, вспоминая, каким был его брат. Его выражение надменного превосходства. Его манеру повышать голос, тем самым возвышая самого себя и заставляя всех остальных чувствовать себя низшими существами.

"У меня все получится, — думал Пауль. — Вот увидим".

— Вперед, Манфред. Нельзя терять времени.

ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ

Эту фразу из стальных букв он прочитал над воротами у въезда в лагерь. Однако эти слова были не более чем дополнительной преградой. Никто из тех, кто здесь находился, не заработал себе свободу.

Когда мерседес остановился при въезде, из боковой двери вышел сонный охранник в черной форме, бросил беглый взгляд внутрь машины с помощью фонаря и сделал им знак проезжать. Ворота тут же начали открываться.

— Как просто, — прошептал Манфред.

— Ты знаешь хоть одну тюрьму, в которую было бы трудно попасть? Проблемы возникают при выходе, — отозвался Пауль.

Ворота полностью открылись, но автомобиль не сдвинулся с места.

— Да что с тобой, черт побери? Не стой здесь!

— Я не знаю, куда ехать, Пауль, — ответил Манфред, вцепившись обеими руками в руль.

— Вот дерьмо.

Пауль открыл окно и сделал охраннику знак приблизиться. Тот мгновенно подбежал.

— Слушаю.

— У меня страшная головная боль. Сделайте одолжение, объясните моему тупице водителю, как доехать до начальника лагеря. Я привез из Мюнхена приказы.

— Сейчас здесь осталась только охрана в караульной.

— Так покажите, как туда добраться. Мы с этим придурком говорим на разных языках.

Охранник дал указания Манфреду, которому не пришлось притворяться, что он зол на своего "хозяина".

— Ты не слишком ли переусердствовал?

— Если бы ты знал, как мой брат обращался с прислугой... Это я еще изображаю его в лучшие дни.

Автомобиль Манфреда проехал мимо огороженной территории. С другой стороны они увидели группу заключенных, бегущих кругами вокруг столба, их правые ноги соединялись веревками. Когда падал один, то за ним летели на землю по меньшей мере четверо или пятеро.

— Встать, собаки! Будете этим заниматься, пока не сделаете десять кругов, не споткнувшись! — орал охранник, наблюдающий за этой сценой.

— Не похоже на домашний очаг, — сказал Манфред.

Машина остановилась там, куда указал солдат у ворот, напротив низкого белого здания. У его двери, освещенной несколькими фонарями, стояли в карауле еще два солдата. Когда Манфред затормозил, Пауль дернул за ручку двери.

— Что ты делаешь? — прошептал Манфред. — Это я должен открыть тебе дверцу!

Пауль успел вовремя остановиться. Головная боль и дезориентация в последние минуты лишь усилились, и он с трудом мог ясно мыслить. Его охватил страх перед тем, что вот-вот произойдет. Мгновение он боролся с искушением приказать Манфреду развернуться и как можно скорее проехать несколько километров.

Нет, я не могу так поступить с Алисой. Ни с Юлианом, ни с самим собой. Я должен войти... будь что будет.

Дверь машины открылась. Пауль поставил ногу на бетонную поверхность и высунул голову. Два солдата тут же вытянулись по струнке и подняли руки в приветствии. Пауль вышел из мерседеса и повторил их жест.

— Вольно, — сказал он, переступая порог.

Внутри караульная выглядела простой маленькой комнатой, похожей на обычную контору, с тремя или четырьмя идеально аккуратными письменными столами, на каждом из которых красовался миниатюрный нацистский флажок, и портретом фюрера на стене — единственным украшением помещения. Возле двери стоял длинный стол, выполнявший, очевидно, роль регистрационной стойки, за которым скучал служащий с кислой физиономией. Увидев входящего Пауля, он тут же приосанился.

— Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответил Пауль, осматриваясь. В глубине помещения имелось оконце, похоже, выходящее в комнату отдыха. Через стекло он разглядел десяток солдат, играющих в карты посреди облака дыма.

— Добрый вечер, герр оберштурмфюрер, — сказал служащий. — Чем могу быть полезен в столь поздний час?

— Вы можете оказаться полезным, если пошевелитесь. Я должен увезти в Мюнхен одну заключенную для... для допроса с пристрастием.

— Разумеется. Как ее имя?

— Алиса Танненбаум.

— А, ее привезли вчера. У нас не так много женщин, не больше полусотни, знаете ли. Как жаль, что вы ее забираете. Она — одна из немногих, которые выглядят... сносно, — произнес он с похотливой ухмылкой.

— Хотите сказать, для еврейки?

Услышав эти слова, человек за стойкой нервно сглотнул.

— Разумеется. Для еврейки. Конечно же.

— Разумеется. Так чего же вы ждете? Приведите ее!

— Сию минуту. Могу я взглянуть на приказ о переводе?

Держащий руки за спиной Пауль с силой сжал кулаки. Он приготовил ответ на этот вопрос. Сейчас возникнет небольшой спор. Если всё получится, они вытащат Алису, сядут в машину и уедут из страны, свободные, как ветер. В противном случае последует телефонный звонок, возможно, и не один. И меньше чем через полчаса они с Манфредом станут почетными гостями лагеря, только совсем в другой одежде.

— Послушайте...

— Фабер. Густав Фабер.

— Послушайте, Фабер. Еще час назад я кувыркался в постели с красоткой из Франкфурта, за которой ухлестывал несколько дней. Несколько дней! И тут внезапно звонит телефон, и знаете, кто говорит?

— Нет.

Пауль наклонился над стойкой и заговорил доверительным тоном.

— Сам Рейнхард Гейдрих. Он сказал: "Юрген, дружище, привези мне ту еврейку, которую мы вчера отправили в Дахау, потому что, похоже, мы из нее еще не всё вытянули". А я отвечаю: "А кто-нибудь другой не может поехать?". А он мне: "Нет, я хочу, чтобы ты

поработал с ней по пути. Запугай ее своими особыми методами". Ну вот я и сел в машину и примчался сюда. Всё, что угодно, лишь бы угодить другу. Но это не отменяет того, что он окажется не в духе. Так что приведите сюда эту еврейскую шлюшку, может, я еще успею вернуться к своей подружке, пока она не переспит со всем светом.

— Я весьма сожалею, но...

— Герр Фабер, вам известно, с кем вы разговариваете?

— Нет.

— Я — барон фон Шрёдер.

Услышав эти слова, служащий переменялся в лице.

— Почему же вы раньше не сказали? Адольф Эйхманн — мой большой друг. Он много рассказывал мне о вас, — теперь его голос звучал по-дружески тепло. — Я знаю, какую работу вы проделали для герра Гейдриха. Не беспокойтесь, я сейчас приведу эту вашу еврейку.

Он встал и направился в комнату отдыха, а там отдал приказ одному из солдат, который с явным неудовольствием покинул карточный стол. Через несколько секунд он скрылся через дверь, которой Пауль не видел.

Тем временем, служащий вернулся. Он вытащил из стола коричневый формуляр и начал его заполнять.

— Позвольте ваши документы? я должен записать номер вашего удостоверения СС.

Пауль протянул ему кожаный бумажник.

— Всё здесь. Поторопитесь.

Служащий вытащил удостоверение личности и несколько секунд рассматривал фотографию. Пауль внимательно за ним наблюдал. Это был решающий момент. Он заметил, что по лицу служащего мелькнула тень сомнения — он поднял взгляд на Пауля, а потом снова опустил его на фотографию. Нужно было действовать. Отвлечь его, нанести окончательный удар, чтобы он прекратил сомневаться.

— Что такое, не похож? Хотите взглянуть на мой глаз?

Когда служащий удивленно посмотрел на него, Пауль на мгновение поднял повязку и недружелюбно усмехнулся.

— Нет-нет... я... я просто записываю.

Он вернул Паулю бумажник.

— Простите, мне не стоит лезть куда не следует, но... у вас на глазу несколько капель крови.

— О, благодарю вас. Врач как раз сегодня удалил соединительную ткань, которая нарастала в течение многих лет. Он говорит, что можно будет вставить стеклянный глаз. Все эти процедуры весьма болезненны, скажу я вам. Но, так или иначе...

— Уже готово. Подождите, сейчас ее приведут.

За спиной Пауля открылась дверь, та же самая, в которую он вошел, и послышались шаги. Пауль не обернулся, чтобы посмотреть на нее, опасаясь, что при виде Алисы на его лице отразятся чувства, а что еще хуже — она его узнает. Лишь когда ее поставили рядом с ним, он осмелился быстро окинуть ее взглядом.

Алиса, одетая в кое-как пошитый балахон из серой ткани, опустила голову и уставилась в пол. Ноги ее были босы, а на руках наручники.

"Только не думай о том, что с ней сделали, — повторял про себя Пауль. — Думай лишь о том, как вывести ее отсюда живой".

— Ну, если это всё...

— Да. Подпишите здесь и здесь, пожалуйста.

Самозванный барон схватил ручку и подписался неразборчивыми каракулями. Потом взял Алису за руку и развернулся, потащив ее за собой.

— Еще один маленький вопросик.

Пауль обернулся.

— Что еще такое? — раздраженно выкрикнул он.

— Я должен позвонить герру Эйхманну и получить официальное разрешение на изъятие заключенной, поскольку именно он поместил ее сюда.

Пауль в ужасе пытался что-то на это ответить, что угодно, лишь бы этот человек остановился.

— Вы считаете нужным беспокоить Адольфа по таким пустякам?

— Это займет всего минуту, — ответил служащий, уже держа в руке телефонную трубку.

"Вот мы и попались," — подумал Пауль.

На его лбу образовалась капелька пота и потекла по лицу, обогнув бровь и задержавшись у здорового глаза. Пауль осторожно моргнул, но эта капля наверняка будет не единственной. В караульной стояла жара, а Пауль находился как раз под освещающей вход лампочкой. Фуражка Юргена была ему маловата и не облегчала положение.

Никто не должен заметить, что он нервничает.

— Герр Эйхман?

Визгливый голос служащего разнесся по всему помещению. Он был одним из тех, кто повышает голос во время телефонного разговора, чтобы было лучше слышно.

— Простите за беспокойство в столь поздний час. Здесь барон фон Шрёдер, он собирается забрать заключенную, которую... Паузы в разговоре были облегчением для слуха, но пыткой для нервов. Пауль всё бы отдал, чтобы услышать, что говорят на другом конце линии.

— Да. Да, именно. Да-да, понимаю.

Тут служащий поднял голову и очень серьезно посмотрел на Пауля. Тот выдержал взгляд, но новая капля пота побежала по пути, открытому первой.

— Да, понял. Будет сделано.

Он медленно повесил трубку.

— Господин барон? — обратился он к Паулю.

— В чем дело?

— Вы не могли бы подождать здесь несколько минут? Я скоро вернусь.

— Хорошо, только поторопитесь!

Служащий снова вышел через дверь, через которую удалился, когда отправился за Алисой. Через стекло Пауль видел, как он подошел к одному из солдат, а тот, в свою очередь, обошел всех остальных.

Нас раскрыли. Они нашли труп Юргена и теперь собираются нас задержать. Если на меня еще не набросились, то только потому что хотят схватить живым. Что ж, этому не бывать.

Пауль был в ужасе. Головная боль парадоксальным образом утихла, наверняка из-за прилива адреналина, который теперь бежал по его венам. Пауль чувствовал, как его рука прикасается к коже Алисы. Она до сих пор так и не подняла голову. В противоположном углу дожидался солдат, который ее привел, нетерпеливо стуча ногой по полу.

Если за нами придут, я ее поцелую.

Служащий вернулся через ту же дверь в сопровождении еще двух солдат. Они обогнули стойку, и Пауль развернулся, чтобы оказаться к ним лицом к лицу, заставив тем самым Алису сделать то же самое.

— Господин барон?

— Да?

— Я говорил с герром Эйхманном, и он мне сказал, что у него для вас потрясающие новости. Я был вынужден поделиться ими с солдатами. Они очень хотят с вами пообщаться.

Пара солдат, появившаяся из комнаты отдыха, подошла ближе.

— Разрешите пожать вам руку от имени всей роты.

— Разрешаю, — выдавил совершенно потрясенный Пауль.

— Это честь — познакомиться с подлинным Старым Бойцом [\[15\]](#), — произнес солдат, кивнув на небольшую медаль на груди Пауля. Орел в полете, с распростертыми крыльями, держащий лавровый венок. Орден Крови.

Пауль и представления не имел, что это за медаль, и потому ограничился кивком, протянув руку солдатам и служащему.

— Вы тогда потеряли глаз? — с улыбкой спросил служащий.

В голове Пауля зазвучал сигнал тревоги. Это могла быть ловушка. Но он не представлял, ни что ответить, ни по какой причине об этом заговорил солдат.

Что мог рассказывать об этом Юрген? Говорил ли он, что потерял глаз в результате абсурдной драки в юности или врал, притворяясь тем, кем не являлся?

Солдаты и служащий не сводили с него глаз, ожидая ответа. Нужно было выбрать ответ, будь что будет.

— Вся моя жизнь была посвящена служению фюреру, господу. А также мое тело, — сказал он, стараясь выиграть время.

— Тогда вы и получили вашу рану — во время переворота 23 года? — спросил служащий.

Он уже был к тому времени одноглазым и не осмелился бы так нагло солгать. Значит, ответ — "нет"! Но какую можно придумать причину?

— Боюсь, что нет, господу. Это был несчастный случай на охоте.

Солдаты выглядели слегка разочарованными, но служащий продолжал улыбаться.

"По крайней мере, это не ловушка", — с облегчением подумал Пауль.

— Полагаю, с формальностями покончено, герр Фабер?

— Боюсь, что нет, — ответил тот, протягивая маленькую коробочку. — Герр Эйхманн просил передать вам вот это. Собственно, это и есть та новость, о которой я вам говорил.

Пауль взял коробку из рук служащего и открыл ее. Внутри лежал машинописный лист и что-то завернутое в оберточную бумагу.

"Дорогой друг!

Поздравляю с отличными результатами. По моему мнению, Ваша работа более чем выполнена. С теми свидетельствами, которые Вы добыли, мы очень быстро начнем действовать. Я также имею честь передать Вам личную благодарность фюрера. Он сам спрашивал меня о Вас, и когда я сказал ему, что на Вашей груди уже висит орден Крови и золотой партийный знак, он поинтересовался, как мы можем Вас наградить. Мы поговорили несколько минут, и фюреру пришла в голову эта блестящая шутка. Он человек с прекрасным чувством юмора, так что приказал изготовить это своему доверенному ювелиру.

Как можно скорее выезжайте в Берлин. У меня на Вас большие планы.

С уважением,

Рейнхард Гейдрих".

Не понимая ни слова из того, что только что прочитал, Пауль вытащил предмет из коробки и развернул оберточную бумагу. Это был золотой значок с инкрустированным в него бриллиантом — двуглавый орел на тевтонском кресте. Пропорции были неправильными, а материалы — намеренной и оскорбительной пародией, но Пауль всё равно тут же опознал символ.

Это был значок масона тридцать второго градуса.

Что же ты сделал, Юрген?

— Господа, — произнес служащий, указывая на Пауля, — аплодисменты барону фон Шрёдеру, человеку, который, как рассказал герр Эйхман, провел такую важную для рейха работу, что сам фюрер создал для него уникальную награду.

Солдаты захлопали, а смущенный Пауль направился на выход вместе с заключенной. Служащий их проводил, открыл дверь и что-то сунул Паулю в руку.

— Вот ключ от наручников.

— Спасибо, Фабер.

— Было честью с вами познакомиться.

Машина тронулась к воротам. Манфред с покрытым испариной лицом слегка обернулся и спросил:

— Почему же так долго, черт возьми?

— Потом, Манфред, — прошептал Пауль. — Сначала мы должны выбраться отсюда.

Он взял Алису за руку, и она молча вернула ему рукопожатие. Так они выехали из ворот.

— Алиса, — сказал он, беря ее за подбородок, — спокойно, это мы.

Она наконец подняла голову. Повсюду на ее лице виднелись синяки и ссадины.

— Я знала, что это ты, с той секунды, когда ты взял меня там за руку. Ох, Пауль, как же я перепугалась, — сказала Алиса, прижавшись к его груди.

— Ты в порядке? — спросил Манфред.

— Да... — ответила она слабым голосом.

— Этот недоносок что-то с тобой сделал? — снова спросил ее брат, которому Пауль не стал рассказывать, как Юрген хвастался, что грубо изнасиловал Алису.

Она чуть помедлила с ответом, а когда заговорила, то отвела взгляд.

— Нет.

"Никто ничего не узнает, Алиса, — подумал Пауль. — Во всяком случае, я не допущу, чтобы ты когда-нибудь узнала, что знаю я".

— Слава богу. В любом случае, ты будешь рада узнать, что Пауль прикончил этого ублюдка собственными руками. Ты не представляешь, через что прошел этот человек, чтобы вытащить тебя отсюда.

Алиса посмотрела на лицо Пауля и тотчас же поняла, в чем заключался план, насколько далеко Пауль зашел в своей жертве. Она подняла руки, которые по-прежнему были в наручниках, и сняла повязку с его глаза.

— Пауль! — вскрикнула она, сдержав рыдание, и обняла его.

— Тсс!.. Ничего не говори.

Манфред съехал с дороги и притормозил у домика лесника, а Пауль воспользовался этим, чтобы снять с Алисы наручники.

— Давайте все вместе его поищем. Это будет для него большим сюрпризом.

— Кого поищем? — удивилась Алиса.

— Нашего сына, Алиса. Он прячется за этим домом.

— Юлиан? Вы привезли Юлиана сюда? Да вы с ума сошли! — выкрикнула Алиса.

— У нас не было другого выхода, — ответил Пауль. — Мы пережили поистине ужасные часы.

Алиса уже не слушала его, вылезла из машины и побежала назад.

— Юлиан! Юлиан, сокровище мое, это твоя мама! Где ты?

Пауль с Манфредом поспешили за ней, испугавшись, что в таком состоянии она может

упасть и что-нибудь себе повредить. Они столкнулись с Алисой на углу дома, который освещали фары мерседеса — как последний бастион света перед темнотой лесной чащи. Там Алиса остановилась, совершенно растерявшись и с блуждающим взглядом.

— Что случилось, Алиса? — спросил Пауль.

— Случилось, друг мой, — донесся из темноты чей-то голос. — И я надеюсь, что вы все будете вести себя разумно, если не желаете зла этому маленькому человечку.

Пауль сдержал крик удивления и ярости, когда человек сделал несколько шагов к свету, хотя и не вошел в освещенную зону. Но в этом и не было необходимости, чтобы его узнать.

Это был Себастьян Келлер. Он стоял, приставив дуло пистолета к голове Юлиана.

— Келлер!

— Здравствуй, Пауль. Тебе очень идет эта форма.

— Мама! — в ужасе закричал Юлиан. Старый книготорговец держал его левой рукой за шею, другой рукой наставив пистолет. — Прости, он застал меня врасплох. А потом обыскал чемодан и вытащил пистолет...

— Юлиан, дорогой, — произнесла Алиса с нежностью. — Не волнуйся об этом. Я...

— Молчать! — крикнул Келлер. — Это наше личное дело, оно касается только Пауля и меня.

— Я вас слушаю, — ответил Пауль.

Он попытался отодвинуть Алису и Манфреда с линии огня, но книготорговец прервал его, еще сильнее сжав горло Юлиана.

— Спокойно, Пауль. Для здоровья мальчика будет лучше, если ты останешься за спиной фройляйн Танненбаум.

— А вы, оказывается, крыса, Келлер. Только трусливая крыса будет прикрываться беззащитным ребенком.

Книготорговец начал приближаться к ним, оставаясь в тени, там, где они не могли его разглядеть, лишь слышать голос, исходящий с расстояния в четыре или пять метров.

— Мне жаль, Пауль. Поверь, мне действительно жаль. Но я не хочу закончить так же, как Кловис или твой брат.

— Но как...

— Как я узнал? Я следил за тобой с того самого мгновения, когда ты зашел в книжный магазин три дня назад. А последние двадцать четыре часа были весьма поучительными, хотя и изнуряющими. Сейчас я устал и хочу спать, так что отдай мне то, что я ищу, и я отпущу твоего сына.

— Кто, черт побери, этот сумасшедший, Пауль? — перебил Манфред.

— Человек, который убил моего отца.

Удивление на лице Келлера читалось даже во тьме.

— Вот так раз! А ты, оказывается, не настолько наивен, как я предполагал.

Пауль дернулся вперед, втиснувшись между Манфредом и Алисой, которые молча выслушали это кошмарное признание из темноты.

— В письме моей матери была одна маленькая подсказка. Там говорилось, что с моим отцом в гостиную был его свояк, а также Нагель и еще один человек, некий "друг". Вот тогда-то я и понял, что вы с самого начала водили меня за нос.

— В ту ночь твой отец обратился ко мне за помощью, чтобы я замолвил за него словечко перед некоторыми влиятельными персонами. Он хотел, чтобы они помогли замять убийство, которое он совершил в колониях, да так, чтобы сама память о нем исчезла, как по волшебству. Это было весьма сложно, но мы с твоим дядей смогли бы этого добиться. За это он предложил нам десятую часть алмазов. Подумать только, десятую часть!

— Так вот почему вы его убили!

— Это был несчастный случай, в пылу ссоры... Он выхватил пистолет, я попытался его обезоружить... А впрочем, какое это имеет значение?

— Но ведь только это и имеет значение, правда ведь, Келлер?

— Мы искали в его бумагах карту с указанием места, где зарыты сокровища, но никакой карты там не было. Тогда мы подумали, что он вложил ее в конверт с письмом для твоей матери, и ждали, когда же она всплывет... Однако годы шли, а карта так и не появилась.

— Потому что что никакую карту он ей не посылал, Келлер.

И тогда Пауль всё понял. Последняя часть головоломки встала на свое место, и сложился идеальный узор.

— Ты обо всем уже догадался, Пауль? Только не вздумай лгать; помни, что я читаю тебя, как открытую книгу.

Прежде чем ответить, Пауль осмотрелся по сторонам. Хуже положения и быть не могло. Келлер держал Юлиана, а у них троих не было оружия. Их освещали автомобильные фары, превращая в превосходную мишень, а он оставался в тени дома. Если бы Пауль решился наброситься на Келлера, чтобы отвести пистолет от головы мальчика, его тело стало бы отличной мишенью.

Нужно отвлечь его внимание. Но как?

Единственное, что пришло ему в голову — сказать правду.

— Отец не оставлял для меня никакого конверта, так ведь?

Келлер презрительно расхохотался.

— Твой отец, Пауль, был самой большой сволочью, какую я только встречал в своей жизни. Он был неисправимым бабником, лжецом и трусом, но при этом веселым парнем и хорошим собеседником. Мы с ним неплохо проводили время, но я знал, что единственным человеком, о котором Ханс действительно заботился, был он сам. Что касается конверта, я выдумал его, чтобы ты начал действовать, чтобы смахнул пыль со всех прошедших лет. Именно из маузера, который ты нашел, был убит твой отец. И, если ты обратил внимание, это тот же маузер, что сейчас приставлен к голове Юлиана.

— Так значит, всё это время...

— Всё это время я выжидал, чтобы сорвать банк. Мне пятьдесят девять лет, Пауль. В лучшем случае, мне осталось еще лет десять. Так что сундук с алмазами очень даже скрасит мои последние годы. А теперь скажи мне, где карта, ведь я знаю, что тебе это известно.

— В моем чемодане.

— Врешь. Я перевернул его сверху донизу.

— Говорю вам, что она там.

На несколько секунд повисла тишина.

— Ладно, — наконец произнес Келлер. — Вот как мы поступим. Фройляйн Танненбаум сделает несколько шагов в тень и будет следовать моим указаниям. Она вытащит чемодан к свету фар, а потом ты наклонишься над ним и покажешь, где карта. Всё ясно?

Пауль кивнул.

— Повторяю: всё ясно? — повысил голос Келлер.

— Алиса, — обратился к ней Пауль.

— Да. Всё ясно, — ответила она бесстрастным голосом, шагнув вперед.

Обеспокоенный ее тоном, Пауль придержал ее за локоть.

— Алиса, не делай глупостей.

— Не волнуйся, Пауль, — еще более угрожающим тоном произнес Келлер. — Она их не сделает.

Алиса выдернула руку и двинулась вперед. Что-то в ее походке, в явной пассивности, в

том, как она покинула освещенную зону и вступила в тень, не показывая ни выражением лица, ни голосом ни малейших эмоций, заставило сердце Пауля сжаться. Внезапно он с отчаянием осознал, что всё напрасно. Через несколько минут в лесу прозвучат четыре выстрела, и четыре тела останутся лежать на сосновой хвое, уставившись на темные силуэты деревьев холодными и мертвыми глазами.

Но Алиса была слишком напугана из-за Юлиана, чтобы что-нибудь предпринять. Она подчинилась сухим и коротким приказам Келлера без какого-либо сопротивления и тут же появилась в освещенной зоне, пятясь назад и волоча за собой открытый чемодан, набитый сваленной в кучу одеждой.

Пауль наклонился и стал копаться в своих вещах.

— Смотри, аккуратней, — предупредил Келлер.

Пауль не ответил. Он нашел то, что искал, тот след, на который его навели отцовские слова.

Порой величайшие сокровища скрываются там же, где и величайшее разрушение.

Шкатулку из черного дерева, в которой отец хранил пистолет.

Медленно и держа руки на виду, Пауль открыл ее. Он вцепился пальцами в фетровую внутреннюю обивку изумрудного цвета и рывком дернул. Ткань разорвалась с легким треском, и в углублении, которое занимал пистолет, появился квадратик бумаги. Пауль взял его кончиками пальцев и развернул. Там было несколько чертежей и вписанные чернилами номера.

— Ну что, Келлер? Как вы себя чувствуете, узнав, что карта была в ваших руках все эти годы? — произнес он, поднимая бумагу, засиявшую в свете фар.

Снова воцарилась тишина. Пауль отдал бы всё, чтобы увидеть злость и разочарование, которые наверняка сейчас отразились на лице старого книготорговца.

— Ладно, — хрипло сказал Келлер. — А теперь отдай бумаги Алисе и медленно подойди.

Пауль спокойно положил бумаги в карман брюк.

— Нет.

— Ты что, меня не слышал?

— Я сказал "нет".

— Пауль, делай, что он говорит! — взмолилась Алиса.

— Этот человек убил моего отца.

— И собирается убить нашего сына!

— Тебе придется подчиниться, Пауль, — сказал Манфред.

— Хорошо, — ответил Пауль, снова запуская руку в карман и вытаскивая оттуда бумагу. — В таком случае...

Молниеносным движением он смял бумагу, затолкал ее в рот и принялся энергично жевать.

— Не-е-ет!

Яростный вопль Келлера разнесся по всему лесу. Старик вышел из тени, потащив за собой Юлиана, по-прежнему приставив пистолет к его голове. Но подойдя к Паулю, нацелил оружие ему в грудь.

— Проклятый сукин сын!

"Давай, сделай еще один шажок", — думал Пауль, приготовившись к прыжку.

— Ты не имеешь права!

Келлер остановился, но еще далеко от зоны досягаемости Пауля.

Ближе!

Он начал нажимать на спусковой крючок. Пауль напряг ноги, приготовившись к тому, что если в него попадет пуля, то хотя бы когда он будет уже в прыжке.

— Алмазы мои!

Последние слова превратились в пронзительный и говорящий о многом вопль. Из пистолета вылетела пуля, но рука дернулась вверх. Келлер навалился на Юлиана, как-то странно скрючившись, словно пытаясь дотянуться до чего-то сзади. Когда он повернулся, фары высветили торчащий у него из спины предмет с красной ручкой.

Это был тот самый охотничий нож, что ровно двадцать четыре часа назад выпал из руки Юргена фон Шрёдера.

Юлиан всё это время хранил нож за поясом, дожидаясь удобного случая, когда в него перестанет целиться пистолет, чтобы изо всех сил воткнуть нож. Он сделал это под необычным углом, и удар получился слишком слабым, так что рана лишь разъярила Келлера. Взыв от боли, книготорговец направил пистолет мальчику в голову.

В это мгновение Пауль завершил свой бросок, и его плечо врезалось Келлеру в живот. Тот упал и попытался развернуться, но Пауль уже сидел на нем верхом, осыпая ударами по лицу без передышки, прижав его руки коленями к земле.

Он ударил его два десятка раз, не замечая боли в собственных руках, которые на следующий день жутко распухли, не замечая содранную с пальцев кожу, не замечая, как его покинул разум и его место заняла животная ярость.

Его волновала только боль, которую он причиняет, и он не мог остановиться, пока не изобьет его до смерти.

— Хватит, Пауль, — остановил его Манфред, положив руку на плечо. — Он мертв.

Пауль обернулся. Юлиан был в объятьях матери, прижавшись к ее груди. Пауль взмолился, чтобы на небесах не узнали о том, что он только что совершил. Он снял китель Юргена, пропитавшийся кровью Келлера, и подошел к Юлиану, чтобы его обнять.

— Ты в порядке?

— Прости, что не послушался вас, когда вы сказали про нож, — заплакал мальчик.

— Ты вел себя, как настоящий герой, Юлиан. Ты спас нас всех.

— Правда?

— Правда. А теперь мы должны поскорее отсюда убраться, — сказал Пауль, направляясь к машине. — Кто-нибудь мог услышать выстрел.

Алиса и Юлиан сели на заднее сиденье, а Пауль устроился на переднем. Молодой инженер завел машину, и они вернулись на дорогу.

— Я хотел бы спросить тебя кое о чем, Пауль, — прошептал Манфред полчаса спустя, когда Алиса и Юлиан, обнявшись, уснули на заднем сиденье.

— Спрашивай.

— На той бумажке, которую ты съел, в самом деле было написано, где спрятан полный сундук алмазов?

— Думаю, что да. Он зарыт в Юго-Западной Африке.

— Ясно, — разочарованно протянул Манфред.

— Ты бы хотел их найти?

— Мы должны уехать из Германии. Поехать на поиски сокровищ было бы неплохим выбором. Жаль, что ты ее съел.

— Действительно, жаль, — вздохнул Пауль, запуская руку в карман и с большим трудом извлекая оттуда карту. — Хотя бумага, которую я съел, в действительности была документом о награждении моего брата медалью. Но я не думаю, что сейчас для него она так уж важна.

Гибралтарский пролив,

12 марта 1940 года

Пауль забеспокоился, когда о борт их лодчонки стали биться волны. Переход не должен был оказаться сложным, всего несколько миль по спокойному морю, под покровом ночи.

Но потом всё осложнилось.

В последние годы всё было не слишком-то нормальным. Они без особых препятствий сбежали из Германии через границу с Австрией и добрались да Юго-Западной Африки к началу 1935 года.

Это была эпоха, в которую многое началось. Алиса снова начала улыбаться и вновь стала сильной и упрямой, какой всегда была. Юлиан ужасно боялся темноты, но мало-помалу начал избавляться от этого страха. А Манфред подружился со своим зятем, в особенности когда тот перестал выигрывать в шахматы.

Поиск сокровищ Ханса Райнера оказался сложнее, чем они думали. Пауль на несколько месяцев вернулся на работу на алмазном руднике, теперь вместе с Манфредом, который благодаря своей профессии инженера стал начальником Пауля. Алиса, в свою очередь, быстро превратилась в официального фотографа нескольких общественных мероприятий.

Все вместе они накопили достаточно денег, чтобы приобрести небольшую ферму в долине Оранжевой, ту самую, с которой Ханс и Нагель тридцать два года назад похитили алмазы. За три десятилетия ферма несколько раз переходила из рук в руки, многие говорили, что она проклята. Некоторые пытались предостеречь Пауля, что он просто выбросит деньги на ветер, купив это место.

— Я не суеверен, — заявил Пауль. И у меня есть предчувствие, что моя судьба изменится.

Они действовали осторожно, отправившись на поиски алмазов лишь через несколько месяцев, все вчетвером, однажды ночью в полнолуние, весной 1936 года. Они хорошо изучили прилегающие земли, каждое воскресенье осматривая окрестности, нагрузившись корзинками для пикника.

Карта Ханса оказалась удивительно точной, как и следовало ожидать от человека, который провел полжизни, склонившись над морскими картами. Он изобразил овраг и ручей, а на их пересечении — скалу в виде наконечника стрелы. В тридцати шагах на север за этой скалой они начали копать. Земля была мягкой, и очень скоро они наткнулись на сундук. Манфред тихо ахнул, когда они открыли крышку и увидели в свете фонарей грубые камни. Юлиан начал с ними играть, а Алиса с Паулем станцевали зажигательный фокстрот под музыку прячущихся в овраге сверчков.

Через три месяца они устроили свадьбу в местной церкви. А шесть месяцев спустя Пауль явился в контору по оценке минералов на свой рудник и заявил, что нашел пару

камней в ручье на принадлежащей ему земле. Он протянул несколько самых мелких оценщику и глядел на него с колотящимся сердцем, пока тот рассматривал камни на просвет, протирал их фетром, поглаживал свои усы и проделывал все те ненужные ритуалы, которые добавляют полевым экспертам важности.

— Весьма хорошего качества. Думаю, тебе стоит купить сито и начать промывать эти воды, парень. Я куплю всё, что принесешь.

Они продолжали "добывать" алмазы из ручья еще два года. Весной 1939 года Алиса почувствовала, что ситуация в Европе становится всё хуже.

— Южноафриканцы находятся на стороне англичан. Вскоре мы будем персонами нон-грата в колониях.

Пауль понял, что настала пора уезжать. Они продали партию самых крупных алмазов, настолько крупных, что оценщику пришлось обратиться к администратору рудника, чтобы хватило наличных, и однажды ночью покинули ферму, ни с кем не попрощавшись, взяв с собой лишь кое-какие личные вещи и пятерых лошадей.

Они приняли важное решение, как поступить с деньгами от продажи алмазов, и направились на север, на полуостров Ватерберх. Там кое-как перебивались выжившие гереро, те самые, которых выгнал с их земель отец Пауля, те самые, вместе с которыми долго жил Пауль во время своего первого пребывания в Юго-Западной Африке. Когда Пауль снова оказался в деревне гереро, шаман племени принял его с торжественной песней.

— Вернулся Пауль Махалеба, Пауль — белый охотник, — напевал он, потрясая копьем с оперением. — Возрадуемся!

Пауль сразу же направился к вождю племени и вручил ему огромный кошелек, в котором содержалось три четверти денег, вырученных от продажи алмазов.

— Это для гереро. Чтобы вернуть вашим людям достоинство.

— Это ты возвращаешь себе достоинство, Пауль Махалеба, — ответил шаман. — Гереро никогда его не теряли. Но наш народ приветствует твой подарок.

Пауль пристыженно кивнул, осознав мудрость этих слов.

Они провели в деревне несколько чудесных месяцев, помогая, чем могли, в восстановлении былого. Пока однажды Алиса не услышала ужасные новости от одного из коммивояжеров, которые время от времени проезжали мимо на пути в Виндхук.

— В Европе началась война.

— Мы провели здесь уже достаточно времени, — сказал Пауль, посмотрев на сына. — Теперь пора подумать о Юлиане. Ему уже пятнадцать, и ему нужна нормальная жизнь, в том месте, где у него будет будущее.

Так началось их долгое путешествие на другую сторону Атлантики. Сначала они доплыли до Мавритании, потом попали во французское Марокко, откуда им пришлось бежать в Португалию необычным способом, когда границы закрыли для всех, кто не имел виз — формальность, которую непросто было организовать для еврейки без документов и человека, официально числящегося мертвым, имеющего при себе лишь старое удостоверение личности пропавшего офицера СС.

Переговорив с несколькими беженцами, Пауль решил попытаться пересечь пролив, отправившись в путь из Танжера.

— Это будет несложно. Погода хорошая, а там всего тридцать миль.

Но море любит противоречить глупым словам самоуверенных людей, и в ту ночь внезапно разыгрался шторм. Они долго боролись с ним, и Пауль дошел до того, что привязал

всю семью к банкам шлюпки, чтобы волны не смыли их с этой жалкой лодчонки, купленной на вес золота у танжерского гангстера.

Если бы само провидение не послало им этот испанский патруль, все четверо наверняка погибли бы.

По иронии, Пауль еще больше перепугался, находясь в трюме корабля, чем во время своего впечатляющего подъема на борт, когда он завис там на несколько бесконечных секунд. Оказавшись на борту, они боялись, что их отвезут в Кадис, откуда могли бы снова выслать в Германию. Пауль проклинал себя за неблагоразумие, что не попытался выучить хотя бы нескольких слов по-испански.

По плану они собирались добраться до пляжа к западу от Тарифы, где их должен был ждать сообщник бандита, продавшего лодку, чтобы перевезти в Португалию на грузовике. Но им не представился шанс в этом убедиться.

Пауль провел много часов в трюме, пытаясь найти решение. Он дотронулся пальцами до тайного кармана под рубашкой, где хранил десяток самых крупных алмазов, последних, оставшихся от Ханса Райнера. Алиса, Манфред и Юлиан тоже имели под одеждой нечто подобное. Может, если подкупить команду горстью алмазов...

Каково же было его удивление, когда испанский капитан вытащил их из трюма в разгар ночи, дал шлюпку и знаками указал, где находится побережье Португалии.

При свете горевшего над палубой фонаря Пауль смотрел в лицо этому человеку. Скорее всего, они были одного возраста. Того же возраста, в котором умер его отец, да и профессия у него была та же. Пауль спрашивал себя, как сложилась бы его жизнь, если бы отца не убили, если бы он не потратил всю молодость на поиски того, кто это сделал.

Он сунул руку под одежду и вытащил единственное воспоминание о той эпохе. Символ зловещей стороны Ханса, эмблему предательства его брата.

Возможно, для Юргена всё сложилось бы иначе, если бы его отец оказался честным человеком.

Пауль спрашивал себя, как дать это понять стоящему перед ним человеку. Он вложил в его руки эмблему и повторил два простых слова.

— Предательство, — сказал он, притронувшись к своей груди. — Спасение, — указал он на грудь капитана.

Возможно, когда-нибудь капитан найдет человека, который объяснит ему значение этих слов.

Он спрыгнул в шлюпку и начал грести вместе с остальными. Через несколько минут они слышали шум речного течения, и лодка уткнулась в камни.

Они были в Португалии.

Прежде чем вылезти из лодки, Пауль осмотрелся вокруг, чтобы удостовериться, что им ничто не угрожает, но всё было спокойно.

"Как странно, — подумал Пауль. — С тех пор, как я вырвал себе глаз, мне приходится постоянно вертеть головой, чтобы увидеть, что происходит вокруг.

Однако теперь я вижу всё гораздо яснее".

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сантьяго-де-Компостела, июнь 2008 года.

Роман окончен, читатель, но не история эмблемы предателя. И это заслуживает объяснения.

Когда три года назад я познакомился с Хуаном-Карлосом Гонсалесом, я и представить себе не мог, куда заведет наша дружба. В то время он уже был директором известного книжного магазина в Виго, название которого я не называю, чтобы сохранить его личность в тайне. Однажды я довольно глупо сказал ему, просто мимоходом, о своих сомнениях относительно романа, для которого в то время вел исследования, и что, возможно, он никогда не возьмет его в руки. И лучше бы он тогда не произнес эти слова:

— Хочешь, я расскажу тебе историю, заслуживающую, чтобы о ней написали роман?

Я со сдержанной вежливостью согласился. Если бы мне давали десять центов каждый раз, когда я слышу эту фразу, я мог бы пригласить семью поужинать в хороший ресторан.

Но на сей раз всё было по-другому.

На сей раз это оказалось правдой.

Хуан-Карлос рассказал мне историю о том, как патрульный корабль, на котором служил его отец, спас терпящих кораблекрушению в проливе четырех загадочных немцев, и как один из них подарил ему взамен золотой значок. Его рассказ был совсем не похож на мой, потому что его отцу удалось найти того человека, что дал ему эмблему, правда на расстоянии в пять тысяч километров и двадцатью годами спустя. Это совсем другая история, и когда-нибудь я ее еще расскажу.

Когда я попрощался с Хуаном-Карлосом перед тем как сесть в машину вместе с Мончо Пасом, своим другом и журналистом, я заявил им обоим, что несмотря на то, что история очень интересная, из нее вряд ли выйдет роман. Приехав домой, я рассказал ее своей жене Катуксе.

— Вижу, что ты собираешься изменить сюжет, — сказала она, покачав головой.

— Невозможно написать книгу из такого сырья. Нет того, что заинтересует читателя, нет конфликтов, нет нюансов. Это просто байка. А кроме того, я как раз закончил собирать материал для (вырезано).

— Поверь... ты ее напишешь, — заявила Катукса с такой оскорбительной уверенностью, за которую я ее и люблю, и ненавижу.

Благодаря ей я обнаружил, что когда так настаиваю, что что-то не особо мне нравится или меня не интересует, то все окружающие точно понимают, что именно это меня сейчас и волнует. Так что следующие десять недель я пытался продемонстрировать всем, что они ошибаются.

Разумеется, единственное, в чем я убедился — это что ошибаюсь я.

К счастью, к этому времени у меня уже скопилось сотня книг и миллиард листов документов. А из них самое главное заключалось в двух абзацах:

Масоны стали объектом преследований во время нацистской диктатуры в Германии: в концентрационных лагерях их погибло больше восьмидесяти тысяч. Ходит старинная легенда о том, что причиной разгрома лож стал один единственный масон, который продал их всех нацистам.

Говорят, что в качестве награды для масона-предателя Гитлер приказал своему

доверенному ювелиру изготовить золотой крест, пародию на латунную медаль тридцать второго градуса. Ювелир вставил в значок особенный бриллиант — один из тех, что входил в непарный бриллиантовый гарнитур племянницы (и любовницы) Гитлера — Гели Раубаль.

Не ей ли является та знаменитая эмблема Хуана-Карлоса Гонсалеса, сделанная из чистого золота? Точно мы этого не знаем, но сделанные независимыми экспертами-ювелирами оценки стоимости и деталей указывают на то, что это возможно. А вкупе с этим и предложения, которые Хуан-Карлос получал о продаже медали за крупные суммы от масонов, занимающих высокое положение, "случайно" узнавших о существовании этого предмета...

Легенда это или нет, но в тот момент я понял, что из этой истории может получиться роман. Мне не хватало только одного существенного элемента — почему кто-то совершил подобное предательство. В этом моя история полностью расходится с легендой и переносится к Паулю, Юргену и Алисе, которые в борьбе с ошибками своих родителей совершили и много собственных. В конце концов, как во всех хороших историях, персонажи и их проблемы оправдывает то, что они оставили после себя.

Кстати, как правильно говорил Пауль до самого конца романа, масонство чудовищно скучно. Потому-то церемонии масонов в романе были так резко укорочены (чтобы читатель не заснул).

Источников вдохновения для романа было три. Во-первых, история самого Хуана-Карлоса Гонсалеса, его эмблема и легенда о ней. Во-вторых, автобиографии Себастьяна Хаффнера и Виктора Клемперера, которые помогли мне понять очень сложный менталитет народа Германии между двумя войнами. В-третьих, роман Александра Дюма "Граф Монте-Кристо", на который моя история совершенно не похожа (к большому для меня сожалению), но разделяет с ней одну и ту же идею: месть, ждущую своего часа несколько десятилетий.

И наконец, я обращаюсь к читательницам. Алиса — это моя попытка передать словами чувства из песни "Кто оседлает моих диких лошадей", одной из моих любимых песен лучшей рок-группы всех времен, U2. Аплодисменты ее первому куплету:

Ты опасен, потому что честен,

Ты опасен, потому что не заешь, чего хочешь.

Именно в Германии между двумя войнами впервые в Европе возникла фигура независимой женщины, сексуально раскрепощенной, с равными или достаточно близкими с мужчинами возможностями, принимая во внимание обстоятельства. Следуйте по этому пути, хотя многие попытаются кидать в вас камнями.

Тогда впервые зажегся свет, который не должен погаснуть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодарности

Хочу сказать спасибо.

Как всегда, Антонии Керриган, как лучшему в мире агенту, а также Лоле Гулиас и Виктору Уртадо за безупречную работу.

В Виго — Хуану-Карлосу Гонсалесу, который подарил мне идею этого романа.

В Мюнхене — Изольде и Берди Бругманнам, которые без усталости водили меня по городу, и незнакомцу, укравшему у меня в автобусе бумажник, поскольку это позволило мне познакомиться с баварским комиссариатом изнутри, а также с агентами Шмидтом и Циглером, которые, когда я рассказал о предмете своего расследования, показали мне квартиру Гитлера на Принцрегентплатц — как раз под квартирой Танненбаумов. Сейчас эта квартира принадлежит полиции, от диктатора там остался единственный предмет мебели — книжная полка, где хранятся спортивные награды комиссариата.

В Нью-Йорке — Тому и Элейн Колчи, которым я обязан не только особым положением моих книг в англоязычном мире, но и вниманием, с которым они их читают и дают советы.

В Мадриде — Эрику Фраттини, я его должник еще со времен "Тайного агента Господа".

В Сантьяго-де-Компостеле — Мануэлю Соутиньо, который отказался от многих часов сна, чтобы прочесть во имя дружбы мои рукописи.

В Понтеведре — Мануэлю Лоурейро, который решил, что Брунхильда слишком злобная. И это заявил автор ужастиков, населенных миллионами зомби.

В Буэу — Арасели и Себастьяну, которые заботились обо мне и кормили лучшими в мире сардинами и советами на последней стадии написания этой книги. Без них она не была бы закончена!

В Малаге — Хавьеру Сьерре, неутомному репортеру, автору бестселлеров. Ты стал первым из той когорты, которая начала продавать испанскую литературу по всему миру. К тому же ты отличный друг.

В моем собственном доме — Катуксе, за то, что слушала меня и учила, в особенности с этим романом, который так трудно было писать, так что ей пришлось пойти на особые жертвы, и я в неоплатном долгу перед ней.

Андреа и Хави, за то, что каждый день напоминают мне о самом важном в этом мире.

И тебе, читатель. За то, что сделал мои первые два романа успешными в сорока странах, за то, что дошел до этой страницы, за то, что присылаешь мне истории, которые могут стать книгой. Искренне тебя благодарю.

Хуан Гомес-Хурадо.

Примечания

Перевод Е. Бируковой.

Большое спасибо (нем.).

Нет, пожалуйста. Не Кадис (нем.).

Подойдите, подойдите, пожалуйста. Только не Кадис. В Португалию. Пожалуйста, капитан. (нем.)

Фрайкорпс (Freikorps — "добровольческий корпус") — после 1-й мировой войны в Германии возникло несколько реваншистских организаций, многие из них позднее примкнули к нацистскому движению. В начале 1919 г. отряды фрайкорпс под руководством Густава Носке подавили выступления немецких коммунистов и крайне левых социал-демократов, намеревавшихся провозгласить советскую власть.

Мезуза — (ивр. מְזוּזָה, букв. — дверной косяк) — прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть текста молитвы Шма. Пергамент сворачивается и помещается в специальный футляр, в котором затем и прикрепляется к дверному косяку жилого помещения.

Юго-Западная Африка — так называлась территория современной Намибии во времена колониализма под контролем Германской империи, а после Первой мировой войны — Южно-Африканского Союза (современная ЮАР).

Альтштадт (Altstadt — нем.) — старый город.

Старая Пинакотека — картинная галерея в Мюнхене.

"Хофбройхаус" — известный во всём мире большой пивной ресторан, расположенный неподалеку от центральной площади Мюнхена — Мариенплац. Открылся в качестве придворной пивоварни баварских герцогов в 1607 году.

Принцрегент Брюке — мост через реку Изар.

"Штоссгрупп Гитлер" (также: Ударная группа "Адольф Гитлер") основана в Мюнхене в мае 1923 года и была изначально группой личных телохранителей Адольфа Гитлера. Группа участвовала в "пивном путче", а также в ноябрьских погромах 1938 года. Символом группы был череп и кости. Позже на основе группы была создана СС, а именно ее костяк — дивизия и отряды СС «Мёртвая голова».

Первыми словами после выстрела Гитлер провозгласил "национальную революцию", которая к тому времени уже несколько лет бушевала в Мексике, а многие участники путча воевали в Мексике на стороне радикальных сил в составе Фрайкорпс.

Омахеке — этот район находится на крайнем востоке Намибии, у границы с Ботсваной. Область Омахеке находится в непосредственной близости от пустыни Калахари и представляет собой однообразный ландшафт: бескрайнюю, заросшую травой степь, с кустарниками акаций и верблюжьей колючки. Родина народа гереро.

Старый Боец (нем. *Alter Kämpfer*) — с октября 1933 титул членов НСДАП, которые вступили в партию до прихода нацистов к власти и чей партийный номер был ниже 100000. Также так называли всех членов СС, которые вступили в партию до 1933 года. Только им выдавали орден Крови и золотой партийный значок.